

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПСИХОЛОГИЯ: ШАГ В НАУКУ

Электронный сборник материалов
IX Республиканской с международным участием
научно-практической конференции студентов и магистрантов

Брест, 14 октября 2022 года

ISBN 978-985-22-0265-7

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2022

Об издании – 1, 2

1 – сведения об издании

УДК 364.4-053.2+371
ББК 74.71+74.6+88.8

Рецензенты:

УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат педагогических наук, доцент **П. Н. Резько**

доцент кафедры социальной работы
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат психологических наук, доцент **Е. И. Медведская**

Редакционная коллегия:

кандидат психологических наук, доцент **А. В. Северин**

Психология: шаг в науку [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов IX Респ. с междунар. участием науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, Брест, 14 окт. 2022 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. : А. В. Северин. – Брест : БрГУ, 2022. – 181 с. – Режим доступа: <http://rep.brsu.by:>.
ISBN 978-985-22-0265-7

Материалы сборника, отражающие результаты теоретических и эмпирических исследований студентов и магистрантов, посвящены актуальным проблемам психологической науки и практики (проблемы внутрисемейных отношений в семьях разного типа и их коррекция, особенности копинг-поведения людей разного возраста, развитие самосознания в подростковом и юношеском возрастах, мотивация спортивной деятельности, готовность к школьному обучению и др.).

Материалы могут быть использованы в образовательном процессе и научно-исследовательской работе студентами, магистрантами и преподавателями учреждений высшего образования; представляют интерес для психологов-практиков.

Разработано в PDF-формате.

УДК 364.4-053.2+371
ББК 74.71+74.6+88.8

Текстовое научное электронное издание

Системные требования: тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

Регистрационное свидетельство № 2142331048 от 03.01.2023 о включении в Государственный регистр информационного ресурса

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2022

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 8, Microsoft Office Word 2010;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор А. В. Северин, компьютерный набор и верстка А. В. Северин;
- дата размещения на сайте: 25.11.2022;
- объем издания: 494 Кб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.b

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Адекова В. В. Психологическая близость супругов с разным стилем воспитания детей</u>	8
<u>Акимова Д. С. Особенности мотивации ревности у студентов с разной самооценкой</u>	9
<u>Бабурчик А. С. Проблема восприятия противоположного пола и сексуальных отношений пользователями социальных сетей</u>	11
<u>Баршак Т. В. Особенности образа тела в подростковом возрасте</u>	13
<u>Батурчик О. В. Стратегии преодоления жизненных кризисов у мужчин и женщин 30–40 лет</u>	14
<u>Басалай А. А. Воля как психологический феномен</u>	16
<u>Бенецкая В. В. Особенности копинг-стратегий у подростков с разными уровнями самооценки</u>	17
<u>Богодяж Е. Н. Преставление о распределении ролей в браке у современных юношей и девушек</u>	20
<u>Будник Ю. Н. Особенности сиблинговых отношений в юношеском возрасте</u>	22
<u>Былинская Е. Ю. Профессиональное выгорание у работников фармацевтического профиля</u>	24
<u>Быцко В. Ю. Особенности смысловой сферы личности подростков и юношей</u>	26
<u>Вагер Е. А. К вопросу о репродуктивных установках студентов</u>	27
<u>Валлиулин Д. В. К проблеме изучения социального интеллекта</u>	29
<u>Вильчевская В. Е. Взаимосвязь самооценки подростков и их роли в ситуации буллинга</u>	31
<u>Волосюк Е. В. Специфика манипуляций в подростковом возрасте</u>	33
<u>Головачева К. С. Взаимосвязь психологического благополучия и ценностных ориентаций у юношей и девушек</u>	35
<u>Головня С. В. Особенности эмоциональной сферы матерей детей с ОПФР</u>	37
<u>Голубева Н. Н. Синдром «разбитого сердца»</u>	39
<u>Голубева Н. Н. Тревожные расстройства у людей, перенесших COVID-19</u>	41
<u>Гресик А. В. Психологические последствия адюльтера для партнеров</u>	42
<u>Гусла М. А. Особенности алекситимии у подростков</u>	44
<u>Дебело Д. И. Креативность как фактор социально-психологической адаптации студентов</u>	46
<u>Денисюк А. П. Теоретическое обоснование актуальности изучения особенностей гендерной идентичности в молодежной среде</u>	47

<u>Дмитрук А. С. Проблема формирования, проявления и изменения сценария жизни личности</u>	49
<u>Дубченко М. А. Детско-родительские отношения как фактор самоотношения современных подростков</u>	52
<u>Евдокимова А. Д. Малоадаптивные формы вины</u>	54
<u>Здоровец Д. В. Особенности эмоционально-волевой сферы у студентов помогающих профессий в стрессовых ситуациях</u>	56
<u>Индукова А. Г. Особенности общения старших дошкольников со сверстниками: эмпирический аспект</u>	58
<u>Каскевич А. А. Коммуникативные реакции на ревность в неблагополучных семьях</u>	60
<u>Кийко М. Р. Ситуационные и личностные причины одиночества</u>	62
<u>Клецкова К. Е. Стратегии поведения в конфликте у юношей и девушек с разным уровнем эмоционального интеллекта</u>	64
<u>Клубаев А. С. Эйджизм: к вопросу о проблеме и решениях в условиях Беларуси</u>	65
<u>Клышко А. А. К вопросу готовности к родительству в юношеском возрасте</u>	67
<u>Ковальчук А. А. Особенности представлений о я-концепции в подростковом возрасте</u>	69
<u>Коляда А. Ю. Взаимосвязь уровня ксенофобии и уровня эмпатии в подростковом возрасте</u>	70
<u>Корнейчик Е. Ю. Развитие коммуникативной компетенции младших подростков, склонных к игровой компьютерной зависимости</u> ...	72
<u>Косик О. В. Представление студентов о причинах неудачного профессионального выбора</u>	74
<u>Костюшевский А. В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и стратегий совладания у старшеклассников</u>	76
<u>Косяк А. А. Основные модели определения понятия «эмоциональный интеллект»</u>	78
<u>Котова Е. А. Дизайн исследования проблемы психологического пространства у студентов</u>	80
<u>Кривецкая К. Д. Особенности самооценки и уровня притязаний у слабослышащих подростков</u>	82
<u>Кучук В. А. Особенности имплицитной оценки учебных целей студентами педагогических специальностей</u>	85
<u>Лебедич Д. П. Проблема профессионального выгорания</u>	88
<u>Лесик В. Д. Взаимосвязь лидерских качеств с самооценкой в юношеском возрасте</u>	89
<u>Литвинчук Л. Л. Методы дисциплинирования детей воспитателями учреждений дошкольного образования</u>	92

<u>Лихин Лиу Интернет-зависимость студентов как социально-психологическая проблема</u>	94
<u>Лузько А. М. Роль педагога в формировании самооценки у детей младшего школьного возраста</u>	95
<u>Лукашук В. В. Иррациональные установки и потенциальная профессиональная деформация личности студентов-психологов</u>	97
<u>Лукашук В. В. Ночное поведение кошек и возможность его коррекции</u> ..	99
<u>Люднышева Л. Д. Специфика восприятия окружающего мира у больных шизофренией</u>	101
<u>Лях О. Н. Личностные особенности студентов с интернет-зависимостью</u>	103
<u>Лящук А. И. Особенности потребностно-мотивационной сферы у студентов помогающих профессий в стрессовых ситуациях</u>	104
<u>Манчак Е. Н. Особенности проявления СЭВ у индивидуальных предпринимателей</u>	106
<u>Марчук Е. В. Компоненты саморегуляции поведения в подростковом возрасте</u>	108
<u>Масло А. И. Особенности ценностных ориентаций онкопациентов</u>	109
<u>Мачуленко Н. В. Взаимосвязь религиозности и жизнестойкости у верующих</u>	111
<u>Медведская Д. А., Петухова М. В. Социальные и психологические характеристики поколения Z</u>	113
<u>Меняйло А. С. Феномен выгорания психолога в рамках профессиональной деятельности</u>	115
<u>Накрепленная Н. В. Оценка подростками внешности других людей по критерию «красивый – некрасивый»</u>	117
<u>Накрепленная Н. В. Теоретические аспекты изучения проблемы восприятия и оценки внешнего облика человека</u>	119
<u>Ни Шан Стрессоустойчивость сотрудников с разной мотивацией Достижения</u>	121
<u>Омельянчук А. А. Проблема стереотипности представлений учащихся о маскулинности и феминности</u>	123
<u>Осоприлко Д. А. Причины суицидального поведения</u>	125
<u>Панченко Е. А. Понятие семейного воспитания в психологии</u>	127
<u>Похольчук К. А. Соотношение стремления конформности и внушаемостью в юношеском возрасте</u>	129
<u>Пташник А. И. Функционирование привязанности в юношеском возрасте</u>	131
<u>Рак А. А. Психологическая готовность студенческой молодежи к семейной жизни</u>	133

<u>Рапинчук И. Ю. Проблемы адаптации студентов первого курса в высшем учреждении образования</u>	135
<u>Ратюк А. С. Характер локуса контроля студенческой молодежи</u>	136
<u>Романюк Е. А. Понятие о стрессе и стрессоустойчивости в психологической науке</u>	138
<u>Ромонятова В. С. Временная перспектива у юношей и девушек</u>	141
<u>Савченко А. В. Особенности детско-родительских отношений в подростковом возрасте</u>	143
<u>Самосюк Д. В. Специфика воздействия рекламы на массовое сознание людей пожилого возраста</u>	144
<u>Светогор Д. Д. Суицидальное поведение у подростков из семей со смешанным стилем детско-родительских отношений</u>	146
<u>Севашко И. Н. Стратегии разрешения конфликтов у работников профессий обслуживающего типа, имеющих разный уровень эмоционального выгорания</u>	148
<u>Севрюкова Д. Д. Самопрезентации личности юношеского возраста</u>	151
<u>Слесарева А. С. Особенности тревожности у молодых специалистов, работающих с пациентами Covid–19</u>	152
<u>Супрун Н. М. Образ тела как психологическая проблема</u>	154
<u>Тарасюк З. В. Особенности сферы самосознания специалистов помогающих профессий</u>	157
<u>Татарникова О. Д. Особенности самооценки у студентов педагогических специальностей</u>	159
<u>Чалевиц И. С. Психология кликбейт-заголовков в печатных СМИ (на примере газеты «На страже»)</u>	161
<u>Ясянь Чж. Представления о личности психолога у социальных работников центра психического здоровья в КНР</u>	163
<u>Чжихуань Чж. Социальные репрезентации о зависти у молодых людей разного пола</u>	165
<u>Чирик Е. А. Цвет в эмоциональном состоянии младших школьников при освоении ими средств художественной выразительности на занятиях по изобразительному искусству</u>	167
<u>Чумакова О. В. Особенности мотивации студентов разных специальностей</u>	169
<u>Чуньлан В. Представления о любви у жителей Китая</u>	171
<u>Шмыгина О. С. Взаимосвязь самовосприятия внешности и самооценки у женщин</u>	173
<u>Шульжик Т. В. Особенности карьерной мотивации у взрослых</u>	175
<u>Яковчик Д. В. Потенциал использования технологий профайлинга в отношении подростков</u>	177
<u>Янгибаев С. А. Стыд как психологическое последствие сексуального насилия</u>	179

В. В. АДЕКОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Л. Ящук

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ СУПРУГОВ С РАЗНЫМ СТИЛЕМ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Современная семья является объектом пристального внимания со стороны самых разных отраслей науки: психологии, социологии, философии, медицины и др. Одной из важнейших, приоритетных направлений политики государства является укрепление семьи, семейных ценностей, семейных отношений. Во многом это обусловлено тем, что именно семья является одним из важнейших инструментов социализации личности, исторической трансляции культурных, этнических и нравственных ценностей. Однако семья – это не статичное, а динамичное образование. Она постоянно находится в процессе развития, в результате чего могут возникать различные сложности во взаимоотношениях, в понимании и выборе путей развития, в решении многих бытовых, воспитательных и других вопросов.

Особенности общения, эмоциональных и межличностных отношений супругов прослеживаются в работах Ю. Е. Алешинной, А. И. Антонова, Г. Айзенка, А. А. Бодалева, Л. Я. Гозман, С. И. Голод, А. И. Захарова, Е. С. Калмыковой, С. Кратохвил, В. П. Левкович, Н. Н. Обозова и др.

Целью данного исследования являлось выявление особенностей психологической близости супругов с разным стилем воспитания детей.

Для достижения поставленной цели нами использовались методы: графическая проективная методика «Динамика психологической близости в супружеской паре» (А. А. Кроник, Е. А. Кроник, модификация Т. А. Заеко), методика измерения психологической дистанции (Е. И. Медведская, модифицированный вариант Т. А. Заеко), опросник родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин); методы статистической обработки.

В эмпирическом исследовании психологической близости супругов с разным стилем воспитания детей приняли участие 40 человек – 20 супружеских пар. Возраст супругов 25–45 лет. Выборка была сформирована случайным образом, респонденты принимали участие в опросе добровольно, анонимно и на безвозмездной основе.

В ходе работы статистически было установлено, что респонденты, у которых высокий уровень психологической близости чаще склонны использовать такой стиль воспитания, как симбиоз. Такие родители стремятся к максимальному единению с ребенком, часто нарушая при этом его границы и посягая на личное пространство. И наоборот, чем больше ди-

станция в отношениях с супругом, тем меньше внимания отведено на эмоциональное общение с ребенком.

Анализ особенностей психологической близости супругов с разным стилем воспитания детей показал, что в данной группе преобладают средний и низкий уровни психологической близости. Следовательно, недостаточная психологическая близость, ощущение одиночества и ненужности в паре показывает также и разногласия в воспитании детей, когда один из супругов авторитарен по отношению к детям, а другой нацелен на продуктивное взаимодействие; принятие у одного супруга и симбиоз у другого; авторитарность и инфантильность и др.

Представленные результаты могут использоваться практическими психологами для проектирования способов профилактики и коррекции проблем семейных отношений.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. С. АКИМОВА

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – Т. К. Комарова

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ РЕВНОСТИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ САМООЦЕНКОЙ

Ревность – это переживание, возникающее, когда человек чувствует неуверенность в своих отношениях (будь то отношения с романтическим партнером, родителем, братом или сестрой, другом). Каждый человек испытывает ревность в какой-то момент своей жизни, но проблемы могут возникнуть, когда ревность из здоровой эмоции превращается в нездоровую и иррациональную, способную в конечном итоге разрушить отношения. В романтических отношениях ревность обычно провоцируется третьей стороной. Когда молодой человек сталкивается с такой ситуацией, он может реагировать на нее страхом, гневом, горем, беспокойством, печалью, сомнениями, болью, жалостью к себе и унижением. Во многом репертуар как мотивов ревности, так и эмоциональных реакций на неё обусловлен индивидуально-психологическими особенностями личности, в том числе отношением человека к самому себе.

В этой связи нами была предпринята попытка выявить наличие особенностей мотивации ревности у студентов с разной самооценкой, имеющих опыт романтических отношений. Для изучения мотивации ревности применялся опросный метод с использованием открытого вопроса «Как вы думаете, что заставляет человека испытывать чувство ревности?» На основе частотного анализа полученных ответов были выделены 23 мотивиров-

ки ревности, которые далее были предложены респондентам с адекватной и неадекватной самооценкой для ранжирования. Полученные данные были обработаны методом ранговых оценок с последующей квантилизацией ранжированного ряда мотивировок ревности в каждой группе студентов. Полученные данные позволили в каждой группе выявить ведущие мотиваторы ревности, составляющие содержание 1-х квартилей.

Установлено, что для студентов, имеющих заниженную самооценку, в качестве ведущих мотивов ревности выступают такие как страх потери любимого человека, недостаток работы над личными отношениями, страх отвержения партнером, его прошлое и зависимость от него. В представленном репертуаре доминирующих мотивов ревности просматриваются типичные для неуверенного в себе и в своей самооценности человека особенности, в числе которых можно назвать низкий уровень социализированности, наличие различных социофобий, коммуникативную пассивность и т. п.

У студентов с адекватным отношением к себе преобладающими мотивами ревности являются такие как чувство собственности в отношении близкого человека, недоверие к нему и зависимость от него, а также страх потери и страх одиночества. Для молодого человека с адекватным представлением о себе нехарактерно переживание ревности из-за неуверенности в себе, неумения идти на диалог из-за прошлого партнёра, неоправданных ожиданий. Студентам данной группы присуща уверенность в том, что там, где есть любовь, должно быть доверие, а, следовательно, не может быть места ревности

В группе студентов, имеющих завышенную самооценку, обнаруживается мотивация ревности, обусловленная переживанием недоверия партнеру, собственной закомплексованностью, осознанием недостаточности своей работы над отношениями, чувством собственности, неуверенностью в себе и страхом одиночества. Нельзя не отметить, что такой репертуар мотивов ревности достаточно нетипичен для человека, высоко оценивающего себя. Скорее он свидетельствует о том, что значимость интимно-личностных отношений для молодого человека побуждает его усомниться в своей самооценности и более критично отнестись к себе как к партнеру в таких отношениях

Для того, чтобы выявить степень сближенности/удаленности ранжированных рядов мотивов ревности у студентов с разной самооценкой, был использован коэффициент корреляции Спирмена. Полученные значения коэффициента корреляции трактовались как эмпирические показатели сходства/различия в мотивации ревности

Корреляционный анализ мотивов ревности студентов с адекватной и завышенной самооценкой показал наличие слабой связи между ними

($r=0,18$, при $p<0,05$). Аналогичный результат имеет место и в случае корреляции мотивов студентов с заниженной и адекватной самооценкой ($r=0,17$, при $p<0,05$). Это говорит о том, что мотивация ревности у студентов с адекватной и неадекватной самооценкой обнаруживает очевидные особенности. Вместе с тем, результаты корреляции мотивов ревности студентов с заниженной и завышенной самооценкой свидетельствуют о достаточной сближенности их ранжированных рядов ($r=0,55$, при $p<0,05$). Это означает, что неадекватное, как заниженное, так и завышенное, отношение молодых людей к себе порождает сходные побуждения к переживанию ими ревности.

Таким образом, полученные результаты позволяют рассматривать самооценку личности как значимый фактор мотивации переживания ревности и в этой связи – психологического благополучия/неблагополучия молодого человека как субъекта интимно-личностных отношений в юношеском возрасте.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. С. БАБУРЧИК

Гродно, ГрГМУ

Научный руководитель – Е. В. Воронко

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОГО ПОЛА И СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Межличностные отношения в подростковом и юношеском возрасте характеризуются повышением интереса к сексуальным отношениям и противоположному полу. Непосредственное общение заменяется опосредованным общением, связанным с использованием специальных средств для организации обмена информацией [1]. Нередко в качестве специфического посредника выступают онлайн-платформы социальных сетей Вконтакте, Whatsapp, Telegram, TikTok.

Цель исследования: изучение особенностей восприятия противоположного пола и сексуальных отношений пользователями социальных сетей.

Методы: метод анализа продуктов и результатов деятельности, анкетирование, методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви.

Выборка: 151 респондент (143 девушки, 8 юношей), возраст 15–20 лет.

Результаты и их обсуждение. Анализ результатов исследования позволил отметить, что отношение к лицам противоположного пола у боль-

шинства респондентов негативное, 71 % (107) опрошенных негативно отзываются о большинстве знакомых им женщин и мужчин, положительное отношение отмечается лишь в 15 % случаев (23 опрошенных). Респонденты отмечают, что в поведении лиц противоположного пола им не нравится: ложь (5 %), злоупотребление алкоголем (6,6 %), насильственные действия сексуального характера (8,6 %), оскорбления (11 %), навязывание гендерных стереотипов (7 %), истерики (9 %), безответственность (2 %), манипуляции (2 %), нарушение личных границ (8%), приказы (19 %).

Отмечается отсутствие идеала женщины/мужчины для 28,5 % пользователей социальных сетей, возможно, что это связано с негативным отношением к противоположному полу в реальной жизни. 34 % хотят, чтобы в качестве идеала были люди, с которыми они имеют эмоциональную близость. 21,5 % видят в качестве идеала знаменитого человека, причём, чаще представителя корейской поп-музыки (14,5 %).

50 % респондентов индифферентно относятся к гетеросексуальным парам, у 19 % сформировано положительное отношение к ним, а 15 % (23 респондента) имеют негативное отношение к парам противоположного пола, с предполагаемым негативным исходом событий: когда я вижу женщину рядом с мужчиной... «я никак не реагирую на это, если мужчина или женщина не делает чего-то противного», «мне становится жаль женщину, и я чувствую лёгкое отторжение».

Отношение к супружеской жизни, в целом, негативное: 21 % респондентов считают супружескую жизнь тяжелой, 9 % думают, что она будет скучной, 8 % говорят о страхе обязательств, которые лягут на них после заключения брака, 6 % считают супружескую жизнь странной, у 18 % отмечается отторжение и страх узаконенных отношений: супружеская жизнь кажется мне... «бесполезной или страшной, я не знаю, боюсь я или просто не вижу смысла в женитьбе», «страшной», «после предложения отношения рушатся». Однако 26 % опрошенных ожидают положительных изменений при появлении супружеских отношений, 7 % особых изменений не ожидают, 5 % рассчитывают на построение доверительных взаимоотношений между партнерами.

В сфере сексуальных отношений 69 % говорят об отсутствии половой жизни, из них 20 % ожидают положительных изменений с ее появлением, 9 % не заинтересованы в сексуальных отношениях и 7 % пишут о своих страхах, связанных с половой жизнью, 13 % считают, что с ее появлением с их жизни ничего не изменится и 3 % будут бороться с низкой самооценкой через сексуализацию своего тела: если бы у меня была нормальная половая жизнь... «может быть я бы не так стеснялась своего тела», «то я бы перестала стесняться своего тела».

Выводы. Среди респондентов отмечается негативное отношение к лицам противоположного пола, что приводит к отсутствию реального идеала женщины/мужчины или выбору его среди знаменитостей. Отношение к парам «женщина-мужчина» безразличное, отношение к браку негативное из-за боязни обязательств, монотонности и тяжести супружеской жизни. Большинство опрошенных не имеют сексуальных отношений, но ожидают положительных изменений в своей жизни в связи с появлением таковых.

Литература

1. Воронко, Е. В. Социальная психология : учеб.-метод. пособие для студентов учрежд. высш. образ-я, обуч. по спец-ти 1-79 01 05 «Медико-психологическое дело» / Е. В. Воронко, Л. В. Марищук. – Гродно : ГрГМУ, 2020. – 328 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Т. В. БАРШАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. И. Селех

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ТЕЛА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Изучая образ я и я-концепцию личности в целом, в науке рассматриваются и анализируются все компоненты и их влияние, и взаимовлияние на личность и ее поведение. Так, большой интерес представляет собой образ физического я личности. Этот интерес обусловлен значимостью для личности себя как физического объекта. Соответствие собственного тела идеалам красоты, который нестабилен и зачастую субъективен, играет большую роль при оценивании человеком самого себя.

Объясняется этот феномен тем, что красота человеческого тела является таковой только в аспекте принятия её обществом, поддерживается средствами массовой информации, семьёй, ближайшим окружением и даже случайными людьми. И даже случайная негативная оценка внешности может явиться причиной снижения самооценки человека, потери ощущения собственной уникальности и значимости социальных контактов, нарушения образа собственного тела. В последние десятилетия эта ситуация стала существовать уже как проблема. Это обусловлено наличием современных социокультурных стандартов красоты тела, достижение которых очень затруднительно» [1].

Одним из основных, критических периодов в жизни является подростковый период. Впервые описал психологические особенности под-

росткового возраста С. Холл, заметивший противоречивость в поведении подростка (появление замкнутости, неуверенности в себе, также сомнения по поводу внешности и др.). Предметом самовосприятия и самооценки индивида в подростковом возрасте, в частности, становятся его тело и социальные отношения. Для подростка собственная телесность – одновременно краеугольный камень и камень преткновения [2].

В эмпирическом исследовании приняли участие 60 респондентов в возрасте 14–15 лет (30 мальчиков и 30 девочек). Для детализации, какими же частями своего тела более недовольны опрошенные, была использована шкала оценки уровня удовлетворенности собственным телом (ШУСТ).

По данной шкале оценивалась неудовлетворенность отдельными частями тела. Результаты, представленные в таблице 1, позволяют сделать вывод, что для девочек характерна большая неудовлетворенность частями тела, чем для мальчиков.

Так у девочек существенно выше неудовлетворенность лицом, глазами, носом, ушами, челюстью, шеей, грудной клеткой, грудью, спиной, животом, руками, кистью, тазом, бедрами, коленями, ступнями, кожей, волосами, ростом. Практически равная удовлетворенность мальчиков и девочек выявлена в отношении зубов, ягодиц, ног.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов практическими психологами при организации коррекционной работы по формированию образа тела у подростков.

Литература

- 1 Татаурова, С. С. Актуальные проблемы исследования образа тела / С. С. Татаурова // Психол. вестн. Уральск. гос. ун-та. – 2009. – № 8. – С. 142–154.
- 2 Скугаревский, О. А. Образ собственного тела : разработка инструмента для оценки / О. А. Скугаревский, С. В. Сивуха // Психол. журн. – 2006. – № 4. – С. 40–48.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

О. В. БАТУРЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. В. Северин

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ КРИЗИСОВ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН 30–40 ЛЕТ

В жизни человека периоды стабильности сменяются периодами жизненных кризисов, больших и малых. Жизненные кризисы неизбежны и

даже необходимы для любого человека. Искусство выхода из них – необходимый инструмент для управления собственной судьбой.

Возрастные кризисы – это особые периоды онтогенетического развития, возникающие естественным образом при переходе человека с одного этапа развития на другой и связанные с внезапными изменениями в его социальных отношениях, деятельности и личности, его психике и сознании. В период кризиса у человека могут появляться переживания, которые могут вызывать неоднозначную реакцию. С одной стороны, возникает чувство полной потери рационального контроля над происходящим во внутреннем пространстве, расцениваемое как начало безумия, с другой – расширение сферы осознания и более глубокое понимание себя и окружающего мира.

В процессе выхода из жизненного кризиса формируется новая, более универсальная система ценностей. Еще Л. Н. Толстой подчеркивал, что выход человека из кризиса всегда связан с обретением другого места в жизни, новых духовных ценностей.

Психологически кризисное состояние требует концентрации всех сил для решения задач, которые ставятся перед личностью. Опыт переживания кризиса может вести за собой преодоление опасности, переживание облегчения, очищение и удаление конфликтных вопросов, достижение и приобретение нового опыта и др.

Исследованиями стратегий преодоления кризисов взрослых людей занимались многие отечественные и зарубежные ученые, среди которых необходимо отметить таких как А. М. Анцыферова, А. В. Боровинская, Ф. Е. Василюк, И. Ю. Кулагина, В. В. Столин, Л. А. Пергаменщик и многие другие.

Копинг-стратегии – это способы справиться с различными ситуациями. Они выражаются на поведенческом, эмоциональном и когнитивном уровнях и зависят от ряда условий: личных, практических и поддерживающих. Копинг-стратегии необходимо использовать в различных видах деятельности, особенно в тех, где стрессовые ситуации возникают часто.

С целью изучения стратегий преодоления жизненных кризисов взрослыми людьми в возрасте 30–40 лет нами было проведено эмпирическое исследование при помощи методик: тест-опросник смысложизненного кризиса К. В. Карпинского; тест Лазаруса «оценка поведения в трудной жизненной ситуации».

Были получены следующие результаты исследования:

– женщины в большей степени ориентированы на переживание смысложизненного кризиса. Эти факторы могут быть гендерного типа, возрастные факторы и иные элементы развития представлений о системе смысложизненного кризиса;

– для респондентов-мужчин наиболее характерны такие копинг-стратегии как: конфронтация и самоконтроль. Для респондентов-женщин наиболее характерны такие копинг-стратегии как: поиск социальной поддержки и положительная переоценка.

Респонденты-женщины преимущественно выбирают следующие копинг-стратегии: положительная переоценка, предполагающая положительное переосмысление трудной ситуации; поиск социальной поддержки, которая заключается в использовании внешних ресурсов; принятие ответственности, отражающая признание своей роли за возникновение и решение проблемы.

На основе результатов эмпирического исследования, был разработан тренинг по преодолению кризисов жизни в возрасте от 30 до 40 лет, который включал упражнения и игры на коррекцию черт характера и поведения личности, развитие навыков работы над собой. Формирование копинг-реакций в тренировочных ситуациях может происходить в достаточно короткие сроки, чтобы они были эффективными и действенными.

Работа по исправлению и развитию должна быть опережающей и предвидящей. При разработке стратегий такой работы они не должны ограничиваться сиюминутными потребностями, а должны быть ориентированы на перспективу развития. Если рассматривать период взросления как путь, то каждый согласится, что этот путь не может быть абсолютно прямым. Ведь зрелость не приходит в одночасье, и поначалу у человека нет ни опыта, ни мудрости жизни.

Результаты исследования могут быть использованы педагогами и психологами в процессе проведения консультаций с взрослыми людьми, а также коррекции и развития навыков у человека самообладания и психологического самообслуживания, а также формирования позитивных стратегий преодоления жизненных кризисов.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. А. БАСАЛАЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. В. Северин

ВОЛЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Воля – это способность человека преодолевать внешние и внутренние трудности и препятствия на пути достижения к определенным целям. Под волей понимают и осознание проблем человеком и поиск их решения.

Согласно философу Аристотелю, воля понимается как особая сила или способность души, которая соединяет разумное решение и действие.

Исследованию воли как психологического феномена посвящены труды разных авторов, таких как В. Вундта, У. Джемса, В. А. Иванникова, Е. П. Ильина, К. Левина, С. Л. Рубинштейна, Ш. Н. Чхартишвили, Д. Н. Узнадзе и многих других. Но механизм волевых действий еще не полностью описан в психологии, связь воли с другими процессами человека и т. д. [1].

Л. С. Выготский считал, что изучение воли должно начинаться не с действий человека по отношению к обществу, а в отношении самого человека, например в овладении человеком своим поведением и эмоциями.

Д. Н. Узнадзе и Ш. Н. Чхартишвили исследовали мотивы совершения волевых действий, что позволило им выделить разные виды волевых действий – простые и сложные. Они также описали влияние необходимости и характера установки на готовность и совершение человеком определенных действий.

В настоящее время волю связывают с наличием волевых качеств, которые помогают человеку достигать поставленные им цели и организовывать себя и свое поведение, управлять своим эмоциональным состоянием и т. п. Очевидна связь между волей и эмоциями. В научной литературе часто используется понятие «эмоционально-волевая сфера личности». Но тем не менее, актуальность изучения воли человека не вызывает сомнения. Волю нельзя признать синонимом других психологических феноменов в психологии, отождествлять ее с вниманием, мышлением, эмоциями, характером человека.

Интересным представляется изучение воли в связи с личностью, точнее с ее отношением к социально значимым группам, общественным организациям, информационно-компьютерным технологиям и др.

Литература

1. Иванников, В. А. Воля / В. А. Иванников // Нац. психол. журн. – 2010. – №1(3). – С. 97–102.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. В. БЕНЕЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. А. Губарева

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ УРОВНЯМИ САМООЦЕНКИ

Копинг-стратегии (стратегии совладающего поведения) - это целенаправленное социальное поведение, позволяющее человеку справиться со

стрессом или трудной жизненной ситуацией способами, адекватными личностным особенностям, через осознанные стратегии действий. Стилль со-владеющего поведения является довольно устойчивой личностной характеристикой, активное становление которого приходится на подростковый возраст. Именно в этом возрасте осваиваются наиболее эффективные способы преодоления жизненных трудностей, и часто бывает так, что человек активно применяет эти методы во взрослой жизни. Многие подростки последовательно перенимают стратегии совладания у своих родителей или других значимых взрослых, не принимая во внимание реальные обстоятельства [1].

Выделяют три основные группы стратегий поведения: адаптивные; относительно адаптивные; неадаптивные. Все эти стратегии могут проявляться в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. Использование неадаптивных стратегий с поведенческой точки зрения у подростка – это изоляция, алкоголь, табак и т. д., активное избегание контактов, общая пассивность, склонность к изоляции с отказом решать текущую проблему. В когнитивной сфере наблюдается смирение, растерянность, неверие в собственные силы с частыми сменами чувства вины, часто подросток сознательно недооценивает неприятности и последствия, которые наступят. Адаптивные стратегии включают в себя стратегии, направленные на анализ причин трудностей и поиск реальных ресурсов для их преодоления. При использовании относительно адаптивных стратегий подросток пытается временно отложить решение проблемы и заполняет свое время незначительными занятиями, испытывая при этом чувство вины и тревоги [2]. В подростковом возрасте активно формируются не только копинг-стратегии, но и самооценка. Самооценка – это оценка человеком самого себя, своих способностей, способностей, качеств и места среди других людей. Самооценка во многом определяет его активность, отношение к себе и другим людям [3].

Основной задачей исследования было выявление особенностей копинг-стратегий у подростков с разными уровнями самооценки. Было установлено наличие статистически значимых обратных связей между самооценкой и ассертивными действиями, самооценкой и импульсивными действиями, а также самооценкой и ассоциальными действиями. Например, обратную связь самооценки и ассертивного поведения ($r = -0.423$) можно понимать так, то низкая самооценка является следствием проблемных межличностных отношений, будь то с семьей или с классом. И подросток, стремясь ее повысить, начинает разбираться в себе, начиная самостоятельно регулировать свое поведение и за него отвечать вне зависимости от оценок и влияния других людей. И когда он разбирается со всеми причинами и их последствиями, то самооценка повышается. И после этого ассер-

тивное поведение становится его главной стратегией и применяется уже гораздо реже, ведь круг его общения построен именно так, как ему удобно.

Обратную связь самооценки и импульсивных действий ($r = 0.646$), а также самооценки и ассоциальными действиями ($r = -0.492$) можно объяснить тем, что подросткам с низкой самооценкой очень важно быть признанными в своей компании или той компанией, в которую они хотят попасть. И ради этого они готовы на многое. Импульсивные действия являются одной из форм завоевания авторитета у сверстников. Обычно импульсивные действия проявляются во «взятии на слабо», когда подростку говорят о его неспособности сделать что-то. Это вызывает бурную реакцию и желание доказать обратное. В основном так и начинается формирование разного рода зависимостей, начиная курением и алкоголем, заканчивая наркотиками и kleptomанией.

Если же подросток достаточно уверен в себе, то поддаваться импульсивным действиям в большинстве случаев он не станет. Ему не нужно завоевывать внимание таким образом, ведь он осознает свою значимость и добиваться его такими методами он не будет. Адекватная самооценка складывается благодаря правильному воспитанию и активной социализации в обществе. Поэтому уровень самооценки оказывает влияние и на выбор преобладающих копинг-стратегий у подростков.

Литература

1. Онуфриева, В. В. Особенности копинг-поведения в подростковом возрасте / В. В. Онуфриева, А. С. Константинова // Молодой ученый. – 2016. – № 6. – С. 701–703.
2. Крюкова, Т. Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения / Т. Л. Крюкова // Психол. журн. – 2010. – № 2. – С. 5–15.
3. Витюк, О. Ю. Межличностная аттракция как основа уровня самооценки личности / О. Ю. Витюк // Практическая психология и социальная работа – 2007. – № 8 – С. 56–60.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. Н. БОГОДЯЖ

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – Е. М. Жогаль

ПРЕСТАВЛЕНИЕ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ РОЛЕЙ В БРАКЕ У СОВРЕМЕННЫХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Специфические представления о гендерной и семейной роли каждого человека формируются исходя из географического положения, народности, религии и культуры. Сегодня же, на представления о браке молодых людей из восточноевропейских стран влияют современные западные идеи и движения равенства, равноправия, феминизма и т. д. Функционально-ролевые позиции молодых супругов в значительной степени зависят от того, какую модель брачного союза они предполагают создать с учетом личных установок, своих представлений о роли каждого из них в семейном союзе. Сейчас возникла необходимость изучить представления молодых людей о распределении ролей в браке, поскольку прочность и стабильность семьи в последующем будет зависеть от совпадения их ролевых ожиданий и соответствующих им особенностей ролевого поведения брачного партнера.

Мы провели исследование и сравнили представления о распределении ролей в браке у современных юношей и девушек. В исследовании участвовали 25 девушек и 25 юношей от 18 до 23 лет, не состоявшие в браке. Нами были проведены следующие методики: опросник «Пословицы» (автор И. С. Клецина), Опросник «Распределение ролей в семье» (авторы Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская).

В своих представлениях о ролевом распределении в семье большинство девушек (64 %) не подвержены традиционным гендерным установкам в браке. В своих представлениях о ролевом распределении в семье девушки оставляют себе воспитание детей (52 %), психотерапевтическую функцию (72 %), организацию развлечений (52 %) и семейной субкультуры (48 %). За мужчиной остаётся реализация материального обеспечения семьи (72 %). Остальные функции – роль «хозяина»/»хозяйки» (44%) и сексуальное партнерство (52 %) – реализуются супругами совместно. Исходя из вышеописанного мы можем предположить, что на представления о распределении ролей в браке у девушек сильно влияют современные тенденции равноправия и феминизма. Девушки требуют к себе уважения и свободы выбора. Так, девушки сами готовы принять на себя часть «традиционных» ролей, если у них будет свобода выбора, если эти роли не будут навязаны обществом.

Исследование, проведенное нами среди юношей показало, что большинство юношей имеют неопределенные гендерные установки в браке (68 %). В своем представлении о ролевом распределении в семье юноши берут на себя ответственность за материальное обеспечение семьи (60 %) и организацию развлечений (40 %). За женщиной остается реализация психотерапевтической функции (44 %). Воспитание детей (40 %), роль «хозяина»/«хозяйки» (48 %), сексуальное партнерство (60 %), организация семейной субкультуры (40 %) – реализуются супругами совместно. Мы можем предположить, что на представления юношей о распределении ролей в браке влияет целый ряд факторов. Они не хотят терять роль «добытчика» и некоторую власть в определении развлечений семьи – это может быть обусловлено традиционными религиозными идеями, возродившимися в обществе после развала СССР. Так, они считают себя ответственными за содержание семьи. Однако юноши берут во внимание изменившуюся общественную позицию, законодательное равноправие и изменившиеся взгляды самих девушек на распределение ролей в браке. Возможно, поэтому большинство функций в семье они собираются реализовывать совместно с женой.

При сравнении результатов исследований у девушек и юношей мы определили, что современные юноши и девушки имеют в корне отличающиеся гендерные установки в браке. Говоря о распределении ролей в браке, мы заметили расхождение во мнениях о том, кто должен реализовывать функции «воспитание детей», «организация развлечений» и «организация семейной субкультуры». В представлении девушек жена в браке должна заниматься воспитанием детей, организовывать развлечения и семейную субкультуру. Юноши же склоняются к совместному воспитанию детей и организацией субкультуры, и считают, что организовывать развлечения в семье должен именно мужчина. Такие результаты могут быть последствиями происходящих изменений в обществе, его глобальной перестройке, переосмыслении норм и законов. На сегодняшний день набирают силу движения и организации, продвигающие идеи равноправия и феминизма. И парни и девушки одинаково готовы принять на себя ответственность в браке, понимая свои сильные стороны и давая возможность своему партнеру реализовывать те сферы, в которых он силён. Именно сейчас юноши и девушки находятся на стадии перестройки своего мировосприятия, пересмотра традиционного и оценки нового. Возможно, поэтому и происходят конфликты мнений и представлений о браке у юношей и девушек. Им предстоит найти свою собственную позицию и отстоять ее, изменить понятия нормы в современном мире. И когда это случится, это будет большой шаг общества в сторону прогресса и развития человечества.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Ю. Н. БУДНИК

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – И. В. Калачева

**ОСОБЕННОСТИ СИБЛИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ**

Сиблинговые отношения подразумевают межличностные отношения между детьми одних родителей. Значение сиблинговых связей прослеживается в становлении личности, а также в ее способности устанавливать партнерские отношения с другими людьми в настоящем и будущем [1]. В отечественной психологии проблема братско-сестринских отношений остается малоизученной. В связи с этим нами проведено исследование, целью которого являлось выявление социально-демографических детерминант сиблинговых отношений в юношеском возрасте.

Исследование, в котором приняли участие 128 учащихся, проходило на базе социально-гуманитарного колледжа УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова. В качестве диагностического инструментария нами была использована методика диагностики сиблингового общения М.В. Кравцовой [2].

Статистический анализ полученных данных, проведенный с помощью дисперсионного анализа, позволил установить следующие различия:

– сиблинги из неполных семей демонстрируют более высокие показатели по шкале «Доверительность общения», чем их сверстники из полных семей. Они в большей степени способны положиться на своих братьев/сестер, рассказать им свои дела и тайны. Мы полагаем, что это может быть связано с занятостью единственного родителя в неполной семье, который чаще всего вынужден обеспечивать себя и своих детей самостоятельно. Вследствие чего, дети чаще общаются и взаимодействуют с братьями/сестрами и доверяют им свои тайны;

– сиблинги из неполных семей демонстрируют более высокие показатели по шкале «Психотерапевтичность общения», чем их сверстники из полных семей. Это означает, что общение сиблингов из неполных семей в большей степени, чем общение сиблингов из полных семей, является поддерживающим, приносит облегчение в ситуациях, связанных с неприятностями. Психотерапевтическая функция общения невозможна без определенного уровня доверия, поэтому занятость единственного родителя в неполной семье приводит к тому, что сиблинги чаще общаются между собой, получая необходимую поддержку;

– в паре сиблингов «сестра-сестра» показатели шкалы «Общие символы» выше, чем в паре сиблингов «брат-сестра». Это означает, что для се-

стер в большей степени характерно чувство единства и сплоченности, существует «свой язык», в котором есть высказывания, вызывающие одно и то же чувство, воспоминание. Девушки в большей мере, чем юноши, склонны инициировать и поддерживать связи с сиблингами, поэтому них больше вероятность возникновения чувство единства, переживания совместных впечатлений и др., чем в сиблинговой паре «брат-сестра»;

– установлены достоверные различия по шкале «Сходство взглядов» между сиблингами, родившимися первыми и вторыми в семье. Респонденты, которые родились в семье вторыми, в большей мере, чем первенцы, расположены к поиску единства взглядов с сиблингом в оценке вопросов, связанных с ценностными выборами, мировоззренческой позицией, кругом интересов. Мы полагаем, что каждый ребенок в семье развивается в несколько различающихся условиях: первый ребенок взаимодействует только с родителями, тогда как второй строит свое поведение, ориентируясь и на личность старшего брата или сестры. Поэтому ему гораздо проще найти с сиблингом «общий язык» и общие интересы;

– выявлены достоверные различия по шкале «Сходство взглядов» между младшими и старшими сиблингами. Старшие дети в семье в большей степени, чем младшие, расположены к поиску схождения взглядов с сиблингом по вопросам, связанным с восприятием окружающего мира. Мы полагаем, что каждой сиблинговой позиции присущ типичный стиль взаимодействия с братьями и сестрами. Старший ребенок нередко выступает в качестве лидера среди остальных сиблингов. Для эффективного лидерства ему необходимо научиться находить «общий язык» с младшими братьями и сестрами и поэтому он в большей степени расположен к поиску схождения взглядов со своими сиблингами.

Таким образом, результаты исследования позволили установить, что значимыми факторами, определяющими сиблинговые отношения в юношеском возрасте, являются тип семьи, пол сибсов и сиблинговая позиция.

Литература

1. Алибегашвили, Н. М. Сиблинговые отношения в социальной психологии / Н. М. Алибегашвили // Мир науки. – 2018. – № 4. – С. 35.
2. Слепкова, В. И. Психологическая диагностика семейных отношений / В. И. Слепкова, Т. А. Заeko. – 2-е изд. – Мозырь : Содействие, 2007. – С. 188–194.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. Ю. БЫЛИНСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У РАБОТНИКОВ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В последнее время фармацевтические работники все чаще ощущают признаки эмоционального выгорания и разочаровываются в своей работе. Данные проблемы имели тенденцию к накоплению в течение некоторого времени, но стали более острыми из-за факторов стресса, вызванных пандемией COVID-19. Тяжелые условия на рабочем месте довели многих провизоров и фармацевтов до отчаяния. Из-за большого объема работы, длительных рабочих смен и необходимости соответствовать показателям производительности и товарооборота, предъявляемых фармацевтической организацией, для фармацевтических работников сильно увеличивается риск возникновения эмоционального выгорания. Стоит отметить, что выгорание в аптеке является довольно серьезной проблемой поскольку напрямую связано с безопасностью пациентов. Эмоциональное выгорание мешает фармацевтическому работнику своевременно и корректно оказывать помощь клиентам, увеличивает вероятность совершения ошибок со стороны фармацевта или провизора [1].

Зарубежные и отечественные исследования проблемы эмоционального выгорания среди медицинских работников в большинстве своем касаются врачей либо медицинских сестер, в то время как данные о выгорании среди фармацевтов и провизоров представлены весьма скудно. Такое малое количество исследований не позволяет в должной мере оценить проблему и свидетельствует об актуальности и необходимости изучения синдрома эмоционального выгорания среди фармацевтических работников.

Для оценки эмоционального выгорания был использован опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексон. Результаты опроса представляются в виде трех субшкал: эмоциональное истощение (измеряет чувство эмоционального перенапряжения и истощения на работе); деперсонализация (измеряет бесчувственную и безличную реакцию по отношению к получателям услуг); редукция профессиональных достижений (измеряет чувство компетентности, адекватности оценивания своих достижений и успеха) [2].

Целью настоящего исследования являлось изучение уровня профессионального (эмоционального) выгорания у фармацевтических работников ($n = 60$).

Результаты диагностики посредством опросника «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексона свидетельствуют о высоком уровне эмоционального выгорания у большей части опрошенных фармацевтических работников. Высокий уровень эмоционального истощения, характерный для 66 % респондентов, проявляется в виде повышенной психической истощаемости, потере интереса, снижения эмоционального тонуса. Фармацевтические работники, страдающие истощением со временем теряют способность переживать положительные эмоции и начинают ощущать неудовлетворенность своей жизнью.

По шкале «Деперсонализация» у большей части опрошенных фармацевтических работников (74 %) также зафиксирован высокий уровень. «Деперсонализация» подразумевает под собой построения особых деструктивных отношений между работником и клиентом, которые можно охарактеризовать как бесчувственные, безразличные и циничные. Полученные данные указывают, что в ходе профессиональной деятельности фармацевтические работники все чаще выполняют свои обязанности без личностной включенности и сопереживания, которое весьма необходимо при работе с людьми. Во время взаимоотношений с клиентом провизора и фармацевты стараются дистанцироваться и сократить время необходимого контакта. Наблюдается сильное снижение эмпатии. В первое время данное негативное отношение скрывается работником, в последующем раздражение будет накапливаться и выплеснется наружу в виде вспышек гнева или конфликтных ситуаций.

Высокий уровень наблюдается и по шкале «Редуцирование профессиональных достижений» (58 % респондентов), которая характеризуется негативным взглядом на свои профессиональные достижения, неадекватностью их оценивания. Фармацевтические работники с высоким показателем по данной субшкале не удовлетворены своей работой, они занижают ценность своей деятельности. Все эти негативные чувства человек ставит в вину себе, у него снижается личностная и профессиональная самооценка, результатом чего является чувство собственной ничтожности и несостоятельности, появляется безразличное отношение к работе.

Полученные данные демонстрируют высокий уровень эмоционального выгорания среди фармацевтов и провизоров, включая все три компонента синдрома профессионального (эмоционального) выгорания. Такое широкое распространение синдрома является довольно тревожным сигналом не только для фармацевтических работников, но и для пациентов, поскольку негативно влияет на оказание фармацевтической помощи, частоту конфликтов с пациентами, здоровье фармацевтического работника и результаты деятельности аптеки.

Литература

1. Jakovljevic, B. Burnout of Physicians, Pharmacists and Nurses in the Course of the COVID-19 Pandemic: A Serbian Cross-Sectional Questionnaire Study / B. Jakovljevic, K. Stojanovic. – Int. J. Environ. Research and Public Health, 2021. – P. 50–61.

2. Maslach, C. The measurement of experienced burnout / C. Maslach, S. E. Jackson. – Journal of Organizational Behavior, 1981. – P. 99–113.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. Ю. БЫЦКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – магистрант С. Л. Ящук

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

Понятие смысла пришло в психологию с целью объяснения поведения человека. При этом основной акцент делался на здравый смысл и быденное сознание.

Фундаментальные разработки данного феномена особенно отчетливо отражены в исследованиях психологии личности (В. Франкл, Дж. Ройс, А. Адлер, К. Юнг, А. Пауэлл, К. Левин, Э. Бош и др.). Обобщая разнообразие подходов понятия «смысл», можно выделить следующее: «...смысл является особой психической реальностью, игнорируя которую... невозможно построить достаточно полную теорию ни личности, ни сознания, ни деятельности» [1].

Изучение структурной организации смысловой сферы личности связано с работами А. Г. Асмолова, Б. С. Братуся, Ф. Е. Василюка и др. Анализ исследований указывает на то, что смысл порождается конкретными отношениями человека с объективной действительностью. При этом необходимо учитывать, что порождается смысл потребностями и мотивами личности. И именно через смыслы, порождающиеся деятельностью, происходит реализация реальных жизненных отношений субъекта.

Обратившись к вопросу о смысловой сфере в подростковом и юношеском возрастах, важно отметить присущие им особенности.

У подростков ведущим видом деятельности является социально-актуальная деятельность. В этот период происходит освоение социального мира, закладываются основы жизненной позиции. Подросток активно осваивает и усваивает правила жизни через участие в социально-актуальной деятельности. Именно ее смысл соответствует личностному

смыслу подросткового периода развития – потребности в саморазвитии, самореализации и актуализации своих возможностей в социальном окружении (Д. И. Фельдштейн, О. В. Лишин, А. К. Дусавицкий и др.).

В юношеском возрасте ведущим видом деятельности является учебно-профессиональная деятельность. Главным вопросом в этом возрасте становится вопрос о профессиональном и личностном самоопределении. Юношеству присущ поиск смыслов и формирование смысловых установок по отношению профессионального выбора и построения сценария своей жизни. Итогом таких поисков выступает создание собственного смыслового поля (Д. И. Фельдштейн, Б. С. Браатусь, О. В. Лишин).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что личностные смыслы обусловлены личным опытом, они неотделимы от мотивов и потребностей ребенка на каждом этапе его развития.

Литература

1. Леонтьев, Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. А. ВАГЕР

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – О. К. Войтко.

К ВОПРОСУ О РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВКАХ СТУДЕНТОВ

Репродуктивная установка понимается как система убеждений личности, определяющая положительное или отрицательное отношение к деторождению [1]. В связи с увеличением количества молодых людей, отрицательно относящихся к деторождению, возникло целое движение, именуемое «чайлдфри». Это субкультура и идеология, в основе которой лежит сознательное желание не иметь детей. Это желание не связано с тем, что люди могут не иметь детей по различным медицинским показаниям, либо они откладывают рождение ребенка на более поздний срок.

Сегодня исследователей в области психологии и педагогики интересуют вопросы мотивов, побуждающих людей присоединиться к движению «чайлдфри»; причин отказаться от положительной репродуктивной установки; методов формирования позитивного отношения к родительству и т. д.

Анализируя полагаемые причины данного поведения, обратимся к теоретическим концепциям психодинамического направления в психоло-

гии. В рамках психоанализа, разработанного З. Фрейдом, феномен «чайлдфри» рассматривается как своеобразная модель психического аппарата. Стремление стать матерью – следствие понимания анатомических различий между полами. Дж. Кестенберг считает, что желание родить ребенка связано в первую очередь с желанием восстановить ранние, симбиотические отношения с матерью, чувство единства с ней. Последовательница З. Фрейда, специалист по женской психологии Х. Дойч отмечает, что пассивность, мазохизм и повышенный нарциссизм – свойства женской природы. А мазохизм особенно важен для развития стремления к материнству. По ее мнению, деторождение является кульминацией сексуального удовлетворения.

Второй причиной, кроме врожденной потребности, является детская травма. Психологическая травма – одна из тех многих причин, что может скрываться за желанием осознанно отказаться от детей. Психотравмы часто связаны с: насилием в семье, в том числе и психологическим; очень тяжелым материальным положением в семье, которое оборачивалось тем, что приходилось ущемлять родителям не только себя, но и детей в чем-либо; нелюбовью и безответственностью родителей по отношению к их детям, что могло выражаться в постоянных упреках о том, что ребенок «какой-то не такой»; сравнением ребенка с другими детьми; эмоциональным пробелом между ребенком и родителем, повлекшим за собой тотальное недоверие к маме или отцу.

Цель исследования: выявление мотивов отказа от деторождения у современной молодежи и их причин.

Выборку составили 27 студентов 2 курса Института психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Из них 25 испытуемых – девушки, и 2 – юноши, возраст которых от 17 до 19 лет.

Методы исследования: анкетирование, метод контент-анализа, метод математической обработки данных.

В результате анкетирования было выявлено, что 8 испытуемых связывают отказ от деторождения с психологической травмой, 7 – с неблагоприятными условиями в родительской семье, 7 студентов считают, что еще не созрели для родительства. Иными причинами, по которым испытуемые не планируют иметь детей, являются: «отсутствие смысла в деторождении»; «нет желания становиться рано родителем»; «чтобы стать родителем, необходима психологическая зрелость и финансовая составляющая»; «хочу жить для себя».

В будущем планируют стать родителями 19 испытуемых из 27, 8 – нет. На вопрос о количестве детей в семье, в которой вырос испытуемый, отвечали следующее: единственным ребенком в семье являются 11 студен-

тов, из семьи, где двое детей – 12 человек, из многодетной семьи только 4 студента.

Таким образом, выявлена тенденция скорее отрицательных репродуктивных установок в юношеском возрасте. Интерес представляет проследивание динамики этого процесса в дальнейшем, направленность образования с учетом формирования положительного отношения молодежи к деторождению и родительству.

Литература

1. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – М. : Изд-во МГУ. – 304 с.

2. Фрейд, З. Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд ; пер. с нем. Г. Барышниковой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 448 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. В. ВАЛЛИУЛИН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Социальный интеллект представляет интерес для исследователя. И тот факт, что проблема изучения социального интеллекта (СИ) привлекает все большее внимание исследователей, объясняется несколькими причинами. С одной стороны существуют разные подходы к его пониманию, что задает конкретные векторы в изучении данного явления. При этом социальный интеллект как психологическая категория представляет собой понятие, не имеющее однозначного и единого толкования. С другой стороны, СИ как совокупность способностей, определяющих успешность социального взаимодействия, позволяет рассматривать его как один из компонентов социально-психологической компетентности личности. Кроме того в обществе, в котором сетевые коммуникации «отвоевывают» все больше пространства и времени пользователей, способность понимать своё собственное поведение и поведение другого человека, способность действовать сообразно ситуации актуализирует потребность в развитии СИ. Применительно к культурному контексту развитый СИ способствует более эффективной межкультурной коммуникации, применительно к социализации – успешной инкультурации. В профессиональном плане его развитие важно для представителей социэкономических профессий.

Впервые термин был употреблен Э. Л. Торндайком, который ввел термин «социальный интеллект» для обозначения способности добиваться

успехов в межличностных ситуациях, вести себя мудро и в соответствии со сложившейся ситуацией. Он также допускал наличие в структуре социального интеллекта умения управлять другими людьми. Дж. Гиллфорд рассматривал СИ как своеобразный механизм интеллектуальных способностей, не зависящих от общих факторов интеллекта, в основном связанных с познанием поведенческой сферы, М. Салливан – как интегральную интеллектуальную способность человека, определяющую успешность коммуникации и социальной адаптации, М. Форд и М. Тисак – как четкую и стройную группу психических способностей, содействующих регуляции познания индивидом общества и своего поведения в нем, которые развиваются в процессе социализации, Н. А. Кудрявцева определяла СИ как способность к совершению обдуманых мыслительных операций, предметом которых являются процессы межличностного взаимодействия, М. Л. Кубышкин – как компонент общественно значимой деятельности, направленной на достижение высоких результатов, Д. В. Ушакова – как способность к изучению социальных явлений, что является одной из составляющих социальных умений и навыков. И это далеко не весь спектр интерпретаций, предлагаемых для определения этого явления.

Категория «социальный интеллект», употребляемая в современной психологии, используется для определения способности человека понимать поведение, мотивы и состояния других людей, приобретаемой в процессе усвоения социокультурного опыта, а также строить на этой основе взаимодействия, что позволяет провести параллель между социальным интеллектом и коммуникативной компетентностью. Уровень развития социального интеллекта человека определяет успех в деловых и межличностных отношениях помогает сохранить чувство собственной целостности и комфорта.

Наиболее интересна модель строения социального интеллекта, предложенная Э. Торндайком, который описывал абстрактный, механический и СИ как виды интеллекта, которые связаны с оперированием идеями, конкретными предметами, людьми. Последнее определялось как «умение понимать людей... и руководить ими, разумно поступать в межличностных отношениях». Важным с точки зрения Э. Торндайка является выделение двух аспектов СИ: когнитивного и поведенческого. И хотя трехкомпонентная модель Торндайка метафорична, ее роль оказалась решающей для рождения нового конструкта. Значительный вклад в процесс разработки методов изучения социального интеллекта внес Дж. Гилфорд, предложивший собственную модель интеллекта, одним из компонентов которой был СИ. В качестве системы способностей автором рассматривался социальный интеллект, относительно независимый от фактора общего интеллекта, тесно связанный с познанием поведенческой информации. Такая модель

понимания СИ вытекает из общей модели структуры интеллекта, предложенной Дж. Гилфордом, в которой социальный интеллект соотносился с поведенческим содержанием испытуемого, а тесты конструировались для двух типов интеллектуальных операций – познания и дивергентной продуктивности. В последующем содержание определения «социальный интеллект» было конкретизировано путем выделения «креативного социального интеллекта», который дополнил содержание понятия «СИ» с помощью навыков решения задач в области межличностных отношений. Следовательно, согласно теории Дж. Гилфорда социальный интеллект не только рассматривается как относительно независимая категория, но и позволяет с помощью предложенных им методик изучать его познавательный и поведенческий аспекты.

Резюмируя сказанное, мы полагаем, что проблема социального интеллекта динамична. И, несомненно, это новая, но еще недостаточно развитая область психологии. Неоднозначно представление о компонентах, составляющих структуру социального интеллекта. Не совсем понятны «его отношения» с другими видами интеллекта. Также отсутствует определенный ответ на вопрос, с какими личностными и, в частности, социально-психологическими характеристиками, он может быть связан.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. Е. ВИЛЬЧЕВСКАЯ

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – Т. К. Комарова

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ ПОДРОСТКОВ И ИХ РОЛИ В СИТУАЦИИ БУЛЛИНГА

Создание и поддержание безопасной образовательной среды – актуальная задача для учреждений образования. Поэтому тема буллинга в образовательной среде в последнее время заставляет обратить на себя внимание педагогов, психологов, социологов и представителей других областей научного знания [1].

Безопасность образовательной среды подразумевает формирование здоровой личности у школьника. В данной статье в качестве фактора развития личности мы рассмотрим самооценку, которая является одним из важнейших личностных образований человека. Самооценка определяет уровень социальной адаптации личности и регулирует как её поведение, так и деятельность. Доказано, что значительное влияние на формирование самооценки оказывают оценки со стороны окружающих [2].

В ситуации буллинга подросток может примерять на себя различные роли, такие как обидчик, помощник обидчика, жертва, защитник жертвы и наблюдатель [3]. Взаимосвязь принятой роли и самооценки подростка поможет нам увидеть, как буллинг влияет на формирование самооценки.

Проведенное исследование позволило выявить буллинг-структуру подростков. Так, среди учащихся восьмых классов по методике «Буллинг-структура» Е. Г. Норкиной были следующие результаты: 24 % учащихся приняли роль защитника жертвы, 20 % – роль обидчика, 19,2 % – роль наблюдателя, 18,6 % приняли роль помощника обидчика и 18,2 % приняли роль жертвы.

Также был выявлен уровень самооценки подростков с помощью опросника «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалёва. Результаты показали, что 66 % учащихся имеют низкий уровень самооценки, 25 % – средний уровень и 8 % имеют высокий уровень самооценки.

Результаты проведенного исследования помогли прийти к выводу о том, что уровень самооценки находится в прямой связи с ролью, принимаемой подростком в ситуации буллинга. Было обнаружено, что:

- между уровнем самооценки и принимаемой роли обидчика была выявлена взаимосвязь, которая свидетельствует о том, что, принимая роль обидчика, подросток повышает свою самооценку, за счёт буллинга жертвы, что позволяет ему самоутвердиться;

- между показателями самооценки и жертв ситуаций буллинга была выявлена взаимосвязь, которая показывает, что при укреплении статуса жертвы в ситуации буллинга уровень самооценки уменьшается;

- между показателями самооценки и принимаемой роли защитника в ситуации буллинга была выявлена взаимосвязь, которая показывает, что при защите жертвы уровень самооценки подростка повышается.

Таким образом, проведенное исследование дает понять, что буллинг как феномен небезопасности образовательной среды влияет на нормальное развитие самооценки подростка, которая является важнейшим личностным образованием человека.

Литература

1. Баева, И. А. Психологическая характеристика образовательной среды: диагностика и оценка / И. А. Баева // Изв. рос. гос. педаг. ун-та им. А. И. Герцена. – 2002. – № 3. – С. 16–25.
2. Мухина, Ю. И. Самооценка как форма проявления самосознания / Ю. И. Мухина // Психол. науки. – 2018. – № 3. – С. 203–206.
3. Бутенко, В. Н. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» /

В. Н. Бутенко // Вестн. красноярского гос. ун-та имени В. П. Астафьева. – 2015. – № 3. – С. 138–143.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. В. ВОЛОСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. В. Головня

СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Манипуляция понимается как вид психологического воздействия, позволяющий заставить человека сделать нужное манипулятору действие, вопреки его собственным истинным желаниям и интересам. Мы привыкли слышать это определение в рамках политики и рекламы, но рассматриваемый феномен зачастую сопровождает людей и в повседневной жизни. Желание и сам факт неосознанно воздействовать и управлять людьми присутствовали в социуме во все времена.

Для обычного человека манипуляция явно что-то крайне негативное, ведь зачастую она нарушает этические нормы. Но подобное влияние на другого человека используется нами настолько часто, что мы просто не в силах акцентировать на этом внимание каждый раз. Например, примитивное отвлечение ребенка на другой предмет или уловки для поднятия работоспособности, обучения в педагогической отрасли – тоже своего рода манипуляции. Такое воздействие оказывает на человека позитивное влияние и называется продуктивной манипуляцией. Оно может нести в себе одобрение, похвалу, комплименты, подбадривание, попытки предотвращения конфликтов и многое другое.

Соответственно, существует противоположная, непродуктивная (конфликтная) манипуляция, которая направлена на то, чтобы скрытыми способами вызвать у собеседника негативное эмоционально-психологическое состояние. Такое явление по-другому можно назвать фрустрацией. Фрустрация, согласно Н. Д. Левитову, понимается как психическое состояние, при котором человек сталкивается с препятствием на пути к преодолению своих актуальных потребностей и целей.

И первый, и второй вид манипуляции мы можем встретить в рамках дружеских отношений. Например, среди подростков. Во время подросткового возраста такой процесс как социализация действительно выражен крайне ярко, что приводит к новым знакомствам, вступлению в различные социальные группы и т. д. Одним из очевидных различий в специфике протекания процесса социализации у подростков по сравнению с другими

периодами, по мнению А. В. Петровского, является индивидуализация. С одной стороны, она включает в себе внутренний до конца неразрешимый конфликт между идентификацией личности с обществом и ее «отделением». В свою очередь, успешная социализация предполагает эффективную адаптацию человека к обществу и его саморазвитие, а также активное взаимодействие с социумом. На этой почве и проявляется большая внушаемость подростка. Например, попытки найти самоидентификацию часто приводят к поиску кумиров, эталонов для подражания. С другой стороны, люди подвержены следовать за какой-либо социальной группой, а, в частности, и их мнением. Подросток, пытающийся вступить в какой-либо коллектив, практически во всех случаях соблюдает правила этого коллектива и легко поддается на манипуляции, чтобы «прижиться в нем», не противоречить мнению «большинства». В случае следования за определенным индивидом все, что необходимо – это просто чувствовать авторитет или превосходство человека в чем-либо. Подобное поведение свойственно далеко не только подростку [1].

Так, не лишним будет упомянуть исследование Стэнли Милграма, в рамках которого проводилась экспериментальная проверка, насколько далеко готов зайти человек, действуя вопреки своим убеждениям и установкам под давлением группы. В ходе эксперимента стало очевидно факт, что человек склонен к тенденции подчинения групповому давлению. Д. Майерс отмечал: в повседневной жизни наша внушаемость иногда потрясает. Дж. Оруэлл описывал, как однажды не смог противостоять мнению разъяренной толпы, несмотря на собственные убеждения. И в опасной ситуации, в первую очередь, обращал внимание на то, какая реакция последует от других людей [2].

В данных случаях речь шла о взрослых людях. Если же дело касается подростков, то масштабы внушаемости или попытки внушения увеличиваются, ведь подросток, как мы уже выяснили, только на пути к индивидуализации и закреплению в социальной группе. Таким образом, случаи манипулирования оказывают максимальное воздействие на еще пытающегося найти себя человека. Следовательно, подросткам необходимо быть особо внимательными. Педагогам и психологам целесообразно проводить различные мероприятия, направленные на обучение контрстратегиям манипулирования.

Литература

1. Ильин, В. А. Групповое давление и групповое влияние : конформизм, неконформизм, личностное самоопределение / В. А. Ильин // Социальная психол. и об-во. – 2012. – № 1. – С. 44–58.

3. Седов, К. Ф. Агрессия и манипуляции в повседневной коммуникации [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/agressiya-i-manipulyatsiya>. – Дата доступа: 06.10.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

К. С. ГОЛОВАЧЕВА

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – Н. Л. Пузыревич

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Юношеский возраст характеризуется вхождением во взрослую жизнь – первыми определяющими будущее индивида выборами и решениями, зависящими от ценностных ориентаций, качества жизни индивида и его личного жизненного опыта [1].

Рассматривая ценностные ориентации в гуманистическом направлении, мы говорим о сложных личностных образованиях, которые формируются индивидом в процессе общения с социумом и деятельности, связывающие его внутренний мир с окружающей действительностью, определяющие его выборы и направление жизнедеятельности [2].

Психологическое благополучие оказывает значительное влияние на все стороны жизнедеятельности индивида, в том числе на здоровье, продолжительность жизни, коммуникативные навыки и формирование ценностных ориентаций у юношей и девушек. Однако недостаточно исследований, посвящённых анализу специфики взаимосвязи психологического благополучия и ценностных ориентаций в юношеском возрасте, результаты которых могут позволить определить направление психологического сопровождения юношей и девушек в области преодоления трудных жизненных ситуаций с опорой на имеющиеся ресурсы.

В связи с этим, нами было проведено эмпирическое исследование среди юношей и девушек, обучающихся в 9–10-х классах ГУО «Средняя школа № 3 г. Минска». Были использованы методики «Диагностика психологического благополучия по шкалам К. Рифф» и «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубновой)», а также проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты нашего исследования показали, что положительная корреляция установлена между шкалами «Личностный рост» и «Приятное времяпрепровождение, отдых», что свидетельствует о том, что юноши и

девушки, добиваясь успеха, определяют в качестве самоцели избавление от источника стресса.

Согласно методике К. Рифф, шкала «Позитивное отношение» отвечает за положительное отношение к окружающим. Корреляция с ценностной ориентацией С. С. Бубновой «Поиск и наслаждение прекрасным» указывает на перенос поиска на сферу социального взаимодействия. Юноши и девушки ищут прекрасное и наслаждаются им в ходе общения, взаимодействия с другими значимыми для них людьми, считая их тоже в своем роде искусством. Это выражается у респондентов в межличностном общении.

Положительная корреляция между шкалами «Цели в жизни» и «Любовь» означает в большинстве случаев преобладающую значимость чувства любви в жизни юношей и девушек.

В соответствии с преобладанием шкалы «Цели в жизни» по методике К. Рифф, респонденты, у которых преобладает ценность «Признание и уважение людей, влияние на них» по методике С. С. Бубновой, своей целью в жизни считают необходимости достичь влияния, заработать уважение. Часто к такому стремятся люди, имеющие некоторую неуверенность в себе, низкую самооценку. Признание их заслуг со стороны общественности повышает их психологическое благополучие.

Отрицательная корреляция между шкалой методики «Познание нового в мире, природе, человек» по методике С. С. Бубновой и шкалой «Управление средой» по методике К. Рифф свидетельствует о том, что, чем больше у юношей и девушек есть желание познавать мир и свое окружение, тем меньше у него возникает потребностей в контроле окружения. Это связано с тем, что респонденты замечают больше положительного в естественном течении природы, в своевременном его изучении, познании человеческих смыслов. Чем больше они изучают структуру своего окружения, тем меньше они испытывают тревогу в связи с неопределенностью. В связи с этим, потребность в контроле как в механизме защиты отпадает.

Полученные результаты о взаимосвязи психологического благополучия и ценностных ориентаций вносят свой вклад в понимание ресурсов юношей и девушек, и могут быть использованы в работе психологов и социальных педагогов с учащимися старших классов в процессе их психологического сопровождения, а также – для работы с ценностными ориентациями учащихся при снижении уровня психологического благополучия.

Литература

1. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 254 с.

2. Сорокоумова, Е. А. Формирование ценностных ориентаций детей в процессе освоения традиционного прикладного искусства / Е. А. Сороко-

умова, А. В. Лобанова // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 1. – С. 96–101.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

С. В. ГОЛОВНЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. Э. Синюк

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С ОПФР

Рождение ребенка является нормативным событием в рамках любой семьи и, в свою очередь, представляет собой один из возрастных кризисов (развития), характеризующийся как определенная реакция в ходе жизни человека. В психологии развития семья рассматривается в нескольких аспектах: в позитивном – как необходимый источник развития ребенка (Е. И. Захарова, М. И. Лисина, А. Г. Лидерс). В клинических и психотерапевтических исследованиях микросоциум понимается скорее как фактор негативного влияния на развитие ребенка (А. И. Захаров, В. Гарбузов, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкий, А. С. Спиваковская).

Появление на свет малыша с особенностями психофизического развития, как правило, – неожиданное событие. Действительно, с трудом можно представить себе женщину, которая ждала бы увидеть больного ребенка. Однако ключевой парадокс состоит в широком пределе вариативности периода, который проходит между временем рождения ребенка до выявления у него патологии. Конкретизируем этот аспект. Например, некоторые заболевания врачи могут констатировать во время беременности (синдром Дауна, врожденная слепота и иные генетические нарушения). А такие расстройства, как аутизм, ДЦП, СДВГ, нарушения речи и др. проявляются уже в процессе жизни ребенка, его развития и взросления.

Семья, имеющая ребенка с ОПФР – это особая система, так как наличие расстройства (заболевания, нарушения) у ребенка создает для всех ее членов затрудненные условия жизнедеятельности. В такой семье у ребенка реализуется, по мнению Л. С. Выготского, качественно отличный, своеобразный тип развития. Воспитание и уход за «особенным» малышом приводит к трансформации семейной системы на всех ее уровнях, а также зачастую становится причиной конфликта, прежде всего, в мотивационно-ценностной сфере личности. Соответственно, актуальным является вопрос о готовности родителей ребенка с отклонениями в развитии к исполнению материнской и отцовской роли, а также готовности к трансформации всей семейной системы. Данные исследований подтверждают, что в рамках рас-

смаатриваемой нами семейной системы увеличивается нервно-психическая и физическая нагрузка, изменяется ее распределение между членами семьи, нарастает неудовлетворенность семейной жизнью, снижается социальный статус семьи и т. д. (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкий и др.) [1].

Пытаясь найти объяснение факту неготовности семьи к рождению ребенка с ОПФР, В. М. Сорокин рассматривает феномен экспектаций (ожиданий). Механизм довольно прост: рождение особенного ребенка отменяет прежние экспектации, в то время как новые еще не сформированы; именно отсутствие последних в неопределенной ситуации и порождает шоковую реакцию [2]. Следовательно, факт появления на свет такого малыша служит толчком, который «запускает» процесс переживания горя. Актуальные переживания родителей сопоставимы с реальной потерей. Горе в данном случае является процессом, который традиционно проходит несколько стадий: отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие (Э. Кюблер-Росс).

Целесообразно отметить выдержки из дневников и интервью с матерями, в которых они описывают свои эмоциональные состояния и мысли при установлении факта психофизического отклонения у ребенка: «Мои страх и тревога родились почти одновременно с рождением моего ребенка», «И как гвозди в гроб начали забивать страх и стыд. С каждым днем мне все больше и больше становилось стыдно», «У меня буквально волосы дыбом стояли от ужаса», «Я помню, как со мной разговаривал генетик в роддоме. Я чувствовала себя преступницей», «Мы не представляли, как жить дальше» [3].

Опираясь на содержание дневников и интервью с матерями, мы выделяем у них широкий спектр сильных эмоциональных состояний с четкой негативной окраской: смятение, тревога, беспокойство, растерянность; жалость к себе и к ребенку, чувство вины перед ребенком и близкими и т. п. В этой ситуации у мам доминируют негативно окрашенные эмоциональные переживания, блокирующие безусловную радость от общения с новорожденным. Следовательно, высокую степень актуальности приобретает проблема эмоциональной саморегуляции, так как со всеми ранее перечисленными нами негативными переживаниями необходимо совладать, выстроить конструктивную модель поведения, достигнуть либо хотя бы приблизиться к стадии принятия.

Литература

1. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкий. – СПб. : Питер, 1999. – 656 с.

3. Сорокин, В. М. Психологическое содержание реакций родителей на факт рождения больного ребенка / В. М. Сорокин // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Серия 12. Вып. 3. – С. 166–171.

4. Дорогая мама, дорогой папа... Брошюра для родителей. – Минск : БелАПДиМИ, 2011. – 14 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Н. Н. ГОЛУБЕВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Л. Ящук

СИНДРОМ «РАЗБИТОГО СЕРДЦА»

Синдром «разбитого сердца», или стресс-индуцированная кардиомиопатия (СИКМП), представляет собой транзиторную дисфункцию левого желудочка в ответ на физиологический или психический стресс при отсутствии гемодинамически значимого поражения коронарного русла [1].

Впервые эту нозологию описали в 1990 году японские кардиологи (Н. Sato и др.) как шарообразное расширение верхушки сердца с одновременной гиперкинезией базальных сегментов ЛЖ, сопровождающееся апикальной желудочковой дисфункцией. За сходство такой картины при эхокардиографическом исследовании со специальным приспособлением, используемым в Японии для ловли осьминогов (керамическим горшком с круглым основанием и узким горлышком) синдром получил название кардиомиопатии такотсубо [2].

В связи с тем, что транзиторная дисфункция ЛЖ часто вызывается сильным эмоциональным стрессом, например, смертью любимого человека, это состояние также называют синдромом «разбитого сердца».

В настоящее время патогенез СИКМП представляется следующим образом: при стрессе происходит острый выброс катехоламинов: высокий уровень адреналина оказывает отрицательное инотропное действие на миокард; норадреналин вызывает спазм коронарных сосудов. Верхушка сердца более чувствительна к действию катехоламинов, чем базальные отделы из-за более высокой плотности расположения адренорецепторов в апикальной области. Таким образом, возникает гипокинез или акинез преимущественно верхушки левого желудочка с формированием характерной эхокардиографической картины. Кроме того, катехоламины и продукты их окисления оказывают прямое токсическое действие на микроциркуляторное русло миокарда.

Клинически СИКМП проявляется жалобами пациентов на острую загрудинную боль, одышку, сердцебиение. Изменения на электрокардиограмме (ЭКГ) характерны для острого коронарного синдрома. Наблюдаются нарушения ритма. Эхокардиография выявляет типичные для кардиомиопатии такотсубо изменения: гипокинез или акинез средних и апикаль-

ных сегментов левого желудочка. Течение и прогноз кардиомиопатии такотсубо в целом благоприятные при проведении адекватной терапии, происходит быстрое восстановление функции миокарда и нормальных показателей ЭКГ. Среди осложнений выделяют аритмии (желудочковые тахикардии и экстрасистолии), кардиогенный шок, тромбозы и др. [3].

Предрасполагающими факторами в развитии синдрома разбитого сердца являются: физический и психический стресс (смерть любимого человека, плохие финансовые новости, стихийные бедствия, долгожданное радостное известие; перименопауза у женщин (снижение уровня эстрогенов, обладающих множественными кардиозащитными эффектами) [4].

Исследования, проведенные доктором Джо Диспенза, указывают на то, что каждая переживаемая нами эмоция влияет на сократительную способность сердца и сердечный ритм [6]. Джо Диспенза в сотрудничестве с учеными из Института математики сердца (НМИ) изучал влияние различных эмоций на когерентный ритм сердца. Ими было обнаружено, что, когда люди фокусировали свое внимание на возвышенных эмоциях, таких как благодарность, радость, сострадание, наблюдались когерентные паттерны в сердечном ритме. Во время стрессовых эмоций их сердечный ритм становился инкогерентным, то есть зазубренным и непоследовательным. Джо Диспенза считает, что человек может развить в себе способность контролировать частоту сердечных сокращений. Так, в Институте математики сердца, который находится в Булдер Грик, штат Калифорния, обучают представителей органов правопорядка, спортсменов и других людей с высокой степенью эмоциональной загруженности способности сохранять самообладание в стрессовых ситуациях.

Изучение проблемы «синдрома разбитого сердца» как с медицинской, так и с психологической точки зрения может позволить использовать в лечении и профилактике этой сердечной патологии не только медикаментозные препараты, но и методы психотерапии.

Литература

1. Лиманкина, И. Н. Кардиомиопатия такотсубо / И. Н. Лиманкина // Вестник аритмологии. – 2009. – № 56 – С. 23–34.
2. Sato, H. Takotsubo-type cardiomyopathy due to multivessel spasm. In: Kodama K, Haze K, Hon M. Clinical Aspect of Myocardial Injury: From Ischemia to Heart Failure / H. Sato, H. Tateishi, T. Uchida // Tokyo, Japan: Kagakuhyouronsha. – 1990. – P. 56–64.
3. Yoshihiro, J. Akashi Clinical and Diagnostic Aspects of Takotsubo Cardiomyopathy / J Akashi Yoshihiro, Barbaro Giuseppe, Banach Maciej, Miyake Fumihiko // Asia-Pacific Cardiology.– 2011. – Vol. 3(1). – P. 60–63.

4. Гиляров, М. Ю. Стресс-индуцированная кардиомиопатия (синдром тако-цубо) / М. Ю. Гиляров, М. С. Сафарова, А. Л. Сыркин // Кардиология. – 2008. – № 2. – С. 25–30.

5. Диспенза, Джо. Сверхъестественный разум. Как обычные люди делают невозможное с помощью силы подсознания // Джо Диспенза. – М. : Эксмо, 2021. – 560 с.

К СОДЕРЖАНИЮ

Н. Н. ГОЛУБЕВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Л. Ящук

ТРЕВОЖНЫЕ РАССТРОЙСТВА У ЛЮДЕЙ, ПЕРЕНЕСШИХ COVID-19

Пандемия COVID-19 объединила в себе все признаки чрезвычайной ситуации: высокую скорость и масштабность распространения заболевания, наличие опасности для населения из-за высокой смертности и значительного ущерба здоровью, нарушение условий привычной жизнедеятельности людей.

Невидимый характер угрозы и процесса заражения лишают человека веры в собственную неуязвимость и возможность контролировать свою жизнь и благополучие, что усиливает ощущения тревоги и растерянности.

Пациенты, перенесшие коронавирусную инфекцию, даже после физического выздоровления продолжают испытывать на протяжении достаточно продолжительного времени эмоциональный дискомфорт.

В многочисленных публикациях отечественных и зарубежных исследователей на фоне текущей пандемии отмечается увеличение числа случаев диагностики депрессивных, тревожных и тревожно-фобических, панических, тревожно-депрессивных и посттравматических стрессовых расстройств. [1]. Так, в научном журнале *Lancet Psychiatry* в апреле 2021 года опубликованы данные обследования 236379 пациентов, проведенные в Великобритании и США: в течение полугода после выздоровления тревожные расстройства наблюдаются у 17 % лиц, перенесших коронавирус [2]. По данным итальянских исследователей, спустя месяц после выздоровления у пациентов обнаруживаются следующие проблемы: в 42 % – тревожность, в 40 % – бессонница, в 31 % – депрессия, в 28 % – посттравматическое стрессовое расстройство. Китайские ученые в июне-сентябре 2020 года обследовали 1733 инфицированных COVID-19 – в 23 % были диагностированы тревожные состояния или депрессия, у 26 % пациентов отмечались трудности со сном.

Нами было проведено исследование ситуативной и личностной тревожности у людей, перенесших COVID-19. Настоящее исследование проводилось в октябре 2021 года, в нём приняли участие 30 человек, из них 27 женщин и 3 мужчин. Возрастной диапазон респондентов – от 19 до 64 лет. Все они перенесли коронавирусную инфекцию в период от 1 до 17 месяцев до момента анкетирования. Оценка эмоциональных состояний изучалась с помощью методики самооценки уровня тревожности Ч. Д. Спилберга и Ю. Л. Ханина.

По итогам анализа шкалы Спилберга-Ханина в исследуемой группе лиц высокий уровень ситуативной тревожности наблюдался в 40 % случаев (12 человек), умеренный уровень в 53,33 % случаев (16 человек), низкий – в 6,67 % случаев (2 человека).

Полученные нами данные свидетельствуют о наличии высокой частоты реактивной тревожности у пациентов, перенесших коронавирусную инфекцию. Они согласуются с данными исследований отечественных и зарубежных ученых.

Проблема пандемии коронавируса остаётся острой на текущий момент. С учетом высокой представленности тревожных расстройств в условиях пандемии коронавирусной инфекции возрастает актуальность их своевременного выявления и коррекции.

Литература

1. Медведев, В. Э. Расстройства тревожно-депрессивного спектра на фоне COVID-19: возможности терапии / В. Э. Медведев // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2021. – № 13(2). – С. 111–116.

2. Taquet M. 6-month neurological and psychiatric outcomes in 236379 survivors of COVID-19: a retrospective cohort study using electronic health records/ M. Taquet, John R. Geddes, M. Husain, S. Luciano, Paul J. Harrison // Lancet Psychiatry. – 2021.- V. 8, IS. 5 – P. 416-427.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. В. ГРЕСИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. В. Головня

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АДЮЛЬТЕРА ДЛЯ ПАРТНЕРОВ

Вот уже много сотен лет адюльтер является одной из самых ключевых опасностей брака. От этого по факту никто не застрахован, и супружеская измена рано или поздно может настигнуть любой, даже, казалось бы,

крепкий брак. В рассматриваемом контексте голос здравого ума твердит, что нужно срочно ставить точку в этих отношениях. Однако многие люди пробуют смириться с последствиями измены. Как раз эти аспекты мы и рассмотрим более подробно далее, а также ответим на вопрос: возможно ли сохранение здоровых отношений после совершения проступка?

Адюльтер понимается как «вступление лица, состоящего в браке, в половую связь с лицами из других брачных пар или с одинокими мужчинами и женщинами». Оно может носить как эпизодический, так и систематический характер [1]. Большинство людей придерживаются мнения, что неверностью целесообразно обозначить любой физический и эмоциональный контакт интимного характера партнера с кем-либо на стороне. Но есть и те, которые очень тщательно оценивают ситуацию, прежде чем присвоить ей категорию измены. Это всецело зависит от установок личности, представлений о адюльтере, а также от предыдущего опыта и прочих факторов.

Измена, как правило, является признаком неудовлетворенности человека своими отношениями, и это не всегда касается сексуальных отношений. Не находя в своём браке любви, поддержки, близости человек вынужден каким-то образом компенсировать дисбаланс. Однако, выбрав путь неверности, он впоследствии понимает, что именно это привело его к ещё большей фрустрированности. Адюльтер, в первую очередь, наносит ущерб одной из важнейших характеристик отношений – доверию партнеров. Этот факт оказывает сильное влияние на степень психологического комфорта в отношениях, приводя к таким явлениям как напряженность, отстранённость, конфликтность. По сути, значительно пошатнувшееся доверие как бы возвращает партнеров к первоначальной стадии отношений, когда оно ещё не было сформировано между конкретными людьми. Однако в этой ситуации все гораздо сложнее, так как довериться человеку в спокойной обстановке гораздо легче, чем после констатации и принятия факта предательства.

Стрессогенность измены обусловлена совокупным влиянием нескольких факторов: нарушение психологического комфорта личности, угроза разрыва значимых отношений и необходимость реагирования на поведение партнера [2].

Как правило, первое и самое токсичное чувство у человека, обнаружившего измену, – это ревность. Она является очень сильным индикатором в дисгармонии и способна поддерживать нестабильное состояние отношений на протяжении долгого времени. Осознание факта измены и чувство ревности оказывают колоссальное воздействие на самооценку человека, из-за чего он чувствует себя униженным и разбитым. В таком положении затруднительно все вернуть на прежние места и вновь обрести гармо-

нию в браке. Зачастую люди и не пытаются это сделать, обрывая отношения сразу же после раскрытия неверности. Однако существуют многие факторы, которые делают данное решение весьма проблематичным: привязанность и привычка, финансовые вопросы, наличие общих детей и т. д. Эти причины зачастую приводят к решению найти компромисс и оптимизировать отношения. В таких ситуациях очень важно отнестись серьезно к решению проблемы и тщательно обсудить с партнером условия сохранения брака. Ибо не стоит исключать случаи, когда человек, которому простили измену, начинает думать о том, что данный факт и в перспективе сойдет ему с рук. Люди, пренебрегая доверием и пониманием своего партнера, впоследствии идут на измену далеко не один раз, что приводит к окончательной утрате гармонии.

При желании обоих партнеров, благоприятным решением для сохранения брака является совместный поход к компетентному семейному психологу. Таким образом, можно сделать вывод: влияние измены на супружеские отношения в значительной мере определяется тем, на какой стадии развития брака она произошла, а также ее характером, длительностью и типом; была ли эта связь продолжительной или случайной, преимущественно сексуальной либо же отличалась эмоциональной привязанностью. При этом не всегда за изменой следует расторжение брака, ибо в данном случае могут препятствовать несколько важных аспектов, сформированных в процессе отношений.

Литература

1. Олифирова, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифирова, Т. Ф. Велента, Т. А. Зинкевич-Куземкина. – М. : Речь, 2008. – 360 с.
2. Смирнова, Н. С. Аналитический обзор исследований неверности и измены в романтических отношениях [Электронный ресурс] / Н. С. Смирнова. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskiy-obzor-issledovaniy-nevernosti-i-izmeny-v-romanticheskikh-otnosheniyah>. – Дата доступа : 06.10.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

М. А. ГУСЛА

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Научный руководитель – Т. Г. Шатюк

ОСОБЕННОСТИ АЛЕКСИТИМИИ У ПОДРОСТКОВ

Алекситимия описывает психологическое состояние, когда личность неспособна оценивать и описывать собственные эмоции. При алекситимии размышляются не только негативные эмоции, но и положительные – человек не способен испытывать такие чувства, как радость или воодушевление [1, с. 43].

В эмпирическом исследовании алекситимии приняло участие 60 подростков, обучающихся в 8–9 классах.

Результаты исследования типа алекситимии с помощью методики «Торонтская шкала алекситимии (TAS-26)» Дж. Г. Тейлора показали, что алекситимический тип личности обнаружен у 21,7 % опрошенных, группа риска – 50 % опрошенных, неалекситимический тип личности – 28,3 %.

Согласно результатам, у подростков было выявлено преобладание типа личности, входящего в группу риска, что может свидетельствовать о пониженной контактности, нежелании разговаривать о своих чувствах и мыслях по поводу чувств. У них возможно размытие негативных и позитивных эмоций – не способны в полной мере испытать такие чувства, как радость или воодушевление.

Результаты исследования уровня алекситимии с помощью методики «Торонтская шкала алекситимии (TAS-20)» Дж. Г. Тейлора показали преобладание среднего уровня у подростков по шкалам «трудности идентификации чувств» и «трудности описания чувств», что может свидетельствовать о том, что время от времени подростки испытывают затруднения в понимании того, что они испытывают, как на это реагировать и как этим пользоваться. Они не всегда способны в полной мере описать и вербализировать свои чувства.

Также преобладает средний уровень выраженности экстернального мышления. Люди с низким и средним уровнем субъективного контроля убеждены, что их успехи и неудачи зависят, прежде всего, от внешних обстоятельств – условий окружающей среды, действий других людей, случайности, везения или невезения и так далее. Эти люди подвержены социальному воздействию других, деятельность лучше всего выполняют под чьим-либо контролем, а также достаточно тревожны и склонны к стрессам.

Литература

1. Гершиганов, Т. М. О культуре семейных отношений / Т. М. Гершиганов // Воспитание школьников. – 2015. – № 3. – С. 43.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. И. ДЕБЕЛО

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – Т. К. Комарова

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ

Важнейшая проблема «вчерашнего абитуриента», ставшего студентом вуза, заключается в необходимости успешной адаптации в новом образовательном пространстве. Этот процесс осложняется трудностями, с которыми с очевидностью сталкиваются первокурсники, в числе которых переживания, связанные с уходом из школьного коллектива или из родительской семьи; адаптация в студенческой группе; неопределенность мотивации выбора профессии; поиск оптимального режима труда и отдыха в новых условиях; налаживание быта и самообслуживания; значительная академическая нагрузка на фоне недостаточного уровня развития навыков самостоятельной работы и т.д. Возникает адаптивная ситуация, успешное разрешение которой вызывает активизацию адаптационного потенциала личности и приводит к преодолению проблемных ситуаций в образовательном процессе и в межличностных отношениях.

В предпринятом эмпирическом исследовании в качестве фактора социально-психологической адаптации рассматривалась креативность личности. Несмотря на размытость концепта «креативность» и при отсутствии единого подхода к его определению, в целом под креативностью понимается общая способность к творчеству как деятельности, порождающей нечто качественно новое или отличающееся уникальностью, неповторимостью, личностной или общественно-исторической значимостью [1].

Цель эмпирического исследования состояла в изучении особенностей креативности у студентов, которые успешно прошли социально-психологическую адаптацию. В этой связи была сформирована выборка, состоящая из 69 студентов 2-4 курсов ГрГУ им. Янки Купалы. В качестве диагностического инструментария использовалась методика диагностики личностной креативности (Е.Е. Туник). По мнению исследователя, тесно коррелирующими с креативностью являются такие проявления личности, как стремление узнавать новое, склонность воображать события, с которыми не приходилось ранее сталкиваться, интерес к трудным задачам и настойчивость в их решении, а также толерантность к возможности ошибок решения. Соответственно в качестве субшкал креативности автором методики рассматриваются любознательность, воображение, сложность и риск.

Полученные данные свидетельствуют о том, что среднее значение общей личностной креативности у студентов в исследуемой выборке составило 57 баллов. Ввиду невозможности сослаться на общие нормативные для этой возрастной группы показатели, требовалось вывести их примерные значения, исходя из показателей данной конкретной выборки. В этой связи было выявлено, что показателями среднего уровня общей личностной креативности будут являться результаты в пределах 44 - 70 баллов.

Таким образом, было установлено, что в данной выборке 13% респондентов обнаружили низкий уровень личностной креативности; 14,5 — высокий уровень; у преобладающего большинства студентов (72,5%) выявлен средний уровень.

Анализ данных по распределению респондентов с учетом показателей субшкал личностной креативности свидетельствует о том, что по всем субшкалам доминирующим является средний уровень личностной креативности. Результаты исследования показывают, что большая часть студентов обнаруживают достаточный уровень как общей личностной креативности, так и её конкретных составляющих, что обеспечивает успешность их социально-психологической адаптации. Вместе с тем, обнаружена группа «риска» с низким уровнем креативности, требующая особого внимания социально-психологической службы вуза.

Литература

1. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 448 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. П. ДЕНИСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Актуальность исследования обоснована современным положением психологической мысли о поле, которой с одной стороны, приходится мириться с критически настроенным активистом, усматривающим за психологическим знанием репрессивный союз клиники и власти. И с другой стороны, оппонировать интеллектуалу, уличающему исследования психологии гендера в попытке сокрытия за психологической гипотезой метафизики пола, базирующейся на биологической составляющей.

На принципиальную новизну по отношению к психологической и/или биологической гипотезе претендует мысль о поле как конструкте социального толка. В этой связи на передний план выходит не привычное соревнование между психологистским и социологистским аргументом, а ситуация, в которой отмеченность половым различием обязана эпистемологической диспозиции, следствия развёртывания которой отражаются в конкретной социальной ситуации. Наиболее ярким представителем теории диспозитива в области гендерных исследований является квир-теоретик Джудит Батлер. Опираясь на философию (пост)структурализма, критическую теорию и структурный психоанализ, Д. Батлер удаётся представить теорию о властном распределении гендера и механизмах его приобретения, устойчивости и лабильности.

Инструмент в лице концепта перформатива, разработанного Д. Батлер на основании теории речевых актов Джона Серля, применительно к *gender trouble* становится средством актуализации политического высказывания и стремительно выносит квир-теорию на платформу активистской практики. Вместе с этим, отказ от метафизики сущности и акциденции, связи пола и его социального или психологического представительства как имеющих характер укоренённости в половом истоке, наделяет квир-теоретический текст исключительной позицией. Таким образом, несмотря на критику со стороны течений, отстаивающих презумпцию пола и сексуальности, будь то радикальный гей- и фем-активизм или психологический подход к гендеру, квир-инициативе удаётся выдерживать достаточную плотность теоретического поля и способность к политической аккумуляции, что делает последующие продвижения в области мысли о поле имеющимися средствами, затруднительным. Кроме того, теории социального представительства гендера как предписания власти и перформативного учреждения, не смотря на то, что им удаётся удерживать приоритетность в области гендерных исследований, не в силах повлиять на активно обсуждаемые в научном сообществе вопросы пола. На это указывает не только реальная актуальность вопроса, о чём не перестаёт свидетельствовать консервативное настояние на сенсуалистской составляющей. Или не проходящая неудовлетворенность затронутого *gender trouble* субъекта, заставляющая его продуцировать умножающееся число гендерных наименований и обращаться к наиболее радикальным выводам пост-батлеровской мысли, предлагающим варианты такого невозможного гендера, который обещал бы бытие вне гендерной перспективы. Тем ни менее, сегодня попытки объяснить механизмы гендерной теории, ответственные за объяснение усвоения и приверженности субъектом пола предпринимаются реже. Квир-теорией Д. Батлер в этом отношении является перспективной, что под-

тверждает С. Жижек, называя её реальным измерением пола, оперируя концептом структурного психоаналитика Жака Лакана.

Вместе с тем, Ж. Лакан не указывает на эксклюзивность своей теории по отношению к Фрейдовскому знанию, широко задействованному психологическими практиками. «Верность» З. Фрейду обусловлена не частотностью обращения к классическому корпусу или охранительной дидактичностью, а специфической модификацией, которую Ж. Лакан привносит в ответ на проекты объектного психоанализа, эго-индивидуальной психологии и т. д. Ж. Лакану удаётся указать как на условия современной чувствительности субъекта в отношении гендерного предписания, так и на иную перспективу относительно пост-батлеровской либеральной теории гендера. Им разрабатывается учение о сексуации, позволяющее выявить несвободное отношение желания субъекта и пола. Связь не без неподвижности не накладывает запрет в консервативном духе на перформативную манифестацию гендера, но открывает возможность изменения по отношению к известной изменчивости социальной репрезентации пола. Инструментарий сексуации не является ни возвращением к догендерному, анатомическому аргументу, ни апелляцией к властному предписанию в духе квир-теории. Сексуация предстает в качестве транспозиции желания, в которой субъекту приходится с социальной и биологической изнанкой иметь дело не посредством власти и анатомии, но через третий элемент, который приобретением пола не исчерпывается.

Учитывая сказанное, следует обратить внимание на особенности становления гендера/гендерной идентичности применительно к лицам юношеского возраста в современном сообществе, что актуально вследствие насыщенности информационной составляющей стихийной и организованной социализации молодежи.

К СОДЕРЖАНИЮ

А. С. ДМИТРУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Д. Э. Синюк

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ, ПРОЯВЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ СЦЕНАРИЯ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

Личность человека сложна и многогранна. Существует множество теорий, описывающих структуру личности и динамику её развития. В данной статье упор сделан на теорию М.Е. Литвака, который основывает её на идеях Э. Берна. Ключевым аспектом здесь является жизненный сценарий, который формируется в течение первых 3–5 лет жизни, и в даль-

нейшем человек, как правило, реализует его, если не было проделано работы по его изменению. Сценарий жизни человека можно определить по четырем основным параметрам: «я» (отношение к себе), «вы» (отношение к близкому окружению), «они» (отношение к дальнему окружению), «труд» (отношение к деятельности). В каждом из них может быть «+» и «-». Данные параметры («позиции») связаны между собой и способны влиять друг на друга. Их сочетание у конкретного человека и определяет, как будет складываться его жизнь [1; 2].

Так, при «я+», человек считает себя благополучной личностью. Он обладает здоровым чувством собственного достоинства, самоуважением и здоровым эгоизмом. Неудачи в чем-либо не выбивают его из равновесия, а побуждают извлекать уроки из этого опыта и пробовать снова. При «я-» человек считает себя неполноценным. Не способен отстаивать свои интересы и, как правило, живет чужими интересами в ущерб своим. Неудачи считает закономерным следствием своей личности и остается пассивным, не предпринимая ничего нового. Готов уступать, подчиняться, оставаться ведомым [1; 2].

При «вы+» человек расположен к своему ближнему окружению. Обращает внимание на положительные качества близких людей, выстраивает с ними равные отношения, а их недостатки принимает и не акцентируется на них. Транслирует дружелюбие и доброжелательность, дорожит эмоциональными связями. При «вы-» человек осознанно или неосознанно настроен к своему ближнему окружению негативно. Он фокусируется на недостатках близких людей, пытается их перевоспитать и изменить. В отношениях играет роль «преследователя», что проявляется в критике, придирках, сарказме. Готов конфликтовать по незначительному поводу. Не дорожит отношениями и в случае чего готов прервать их. Спустя время это приводит к тому, что человек становится «одиноким», так как ни с кем не чувствует эмоциональной связи. Возможно, он станет менять окружение, но это не решит проблему. Потенциальные «претенденты» на близкие отношения, которые изначально оцениваются положительно, при более тесном общении будут попадать под действие данного паттерна, что приводит к разочарованию в «претенденте».

При «они+» человек открыт к новым знакомствам и контактам. В новых партнерах по общению видит положительные стороны и качества. Ощущает себя легко и комфортно в незнакомом окружении. Транслирует дружелюбие. При «они-» человек застенчив, избегает новых знакомств и контактов. В новых партнерах по общению видит прежде всего недостатки. При сильной выраженности данного параметра человек может быть настроен враждебно к новым людям и ожидать от них зла [1; 2].

То, что будет в позиции «труд» – «+» или «-» – определяет доминирующая мотивация той или иной деятельности. Так, при «труд+», для человека важен сам процесс учебы, игры или труда, он получает от этого удовольствие, ему интересно. Также здесь может возникать желание стать лучше, освоить какой-либо навык и / или проявить свои творческие способности. При «труд-» ориентиром являются конкретные результаты труда. Это могут быть деньги, социальный статус, признание и т. п. Человек будет постоянно пытаться найти более выгодную работу и не будет способен извлекать из неё положительные эмоции [1; 2].

Пример действия данных параметров можно увидеть уже в три года, когда ребенок начинает посещать дошкольное учреждение. Он может с радостью идти в детский сад («они+») и также с радостью возвращаться домой («вы+»). Или может кричать, плакать по дороге в детский сад и цепляться за маму, когда она уходит («они-»), и прыгать от радости, когда мама его забирает («вы+»). Или может с энтузиазмом идти в детский сад («они+») и предпочитать остаться с новыми друзьями в садике, когда мама пришла его забирать («вы-»).

Закрепление минуса в той или иной позиции приводит к появлению фонового эмоционального напряжения, усложняет адаптацию человека в новой среде и затрудняет процесс удовлетворения потребностей. И получается замкнутый круг... Через несколько лет у человека, если он ничего не меняет, могут возникнуть невротические симптомы или психосоматическое заболевание. Рассмотрим подробнее, как это происходит. Например, у человека минус в позиции «вы», в остальных плюс. В отношениях с близкими он ведет себя высокомерно, эти отношения его не удовлетворяют. В дальнейшем человек пытается строить близкие отношения с новыми людьми, но спустя много неудачных попыток (а удачными при «вы-» они не могут быть), он разочаровывается в людях и появляется минус в позиции «они». Или у человека минус в позиции «труд», он не способен извлекать из него положительные эмоции и пытается делать это только в близких отношениях. Это приводит к тому, что человек становится назойливым и его начинают отвергать. Появляется тенденция к формированию минуса в позиции «вы» и позже – в позиции «они». Или у человека минус в позиции «Я», в близких и в дальних отношениях он находится «снизу», надеется на хорошее к себе отношение, но его используют. Спустя время появляются минусы в позициях «в» и «они». Возможны и другие вариации появления минусов в тех или иных позициях, и, как отмечает М. Е. Литвак, конец сценария, как правило, печален. Встречаются три исхода – болезнь, тюрьма, могила [1; 2].

Для решения данной проблемы автор предлагает метод «сценарного перепрограммирования», целью которого является формирование лично-

сти с плюсами во всех позициях. Такой человек трезво оценивает свои достоинства и недостатки, обладает самоуважением, способен эффективно общаться с близкими и готов расширять свой круг общения. Процесс труда ему в радость. Такой человек не станет одиноким и бездеятельным, даже если актуальное окружение и работа пропадут [1].

Литература

1. Литвак, М. Е. Как узнать и изменить свою судьбу / М. Е. Литвак. – Ростов н/Д. : Феникс, 2021. – 478 с.

2. Литвак, М. Е. Неврозы: клиника, профилактика и лечение / М. Е. Литвак. – Ростов н/Д. : Феникс, 2022. – 279 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

М. А. ДУБЧЕНКО

Минск, БГПУ имени Максима Танка

Научный руководитель – Н. Л. Пузыревич

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР САМООТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Самоотношение является важнейшим компонентом самосознания личности, определяющим проявление, адекватность и дифференцированность ее социальной активности. Несмотря на то, что в современной психологии накоплен эмпирический материал, указывающий на устойчивое влияние самоотношения личности на межличностные отношения, специфика этого влияния с учетом его структурно-содержательных особенностей практически не изучена, в том числе в контексте детско-родительских отношений в подростковом возрасте. Специальные исследования по данной проблематике отсутствуют, хотя запрос со стороны психологической науки и практики очень высок.

Особый интерес, на наш взгляд, для понимания и изучения проблемы детско-родительских отношений как фактора самоотношения подростков представляет обращение к экзистенциальному подходу, поскольку первоначально личность рассматривается в контексте многочисленных взаимосвязей с миром.

В концепции В. Франкла способность человека выбрать собственное отношение к себе важнее характера, порывов и инстинктов, поскольку именно это делает человека человеком и, соответственно, является одной из главных ценностей [1]. Человек неповторим, уникален, в своей уникальности он и определяет смысл своей жизни.

Следует отметить, что для В. Франкла то, что имеет ценность, имеет смысл [2]. Ученый выделяет три категории ценностей: первая – ценности переживания, вторая включает ценности созидания, третья – категория ценности установок. Однако для человека важны другие люди. В любви к другому человек осуществляет себя, чем больше он отдает партнеру, тем в большей степени становится человеком, самим собой. Как свидетельствуют результаты исследования, если в жизни современного подростка есть хотя бы один значимый, по его мнению, человек, вопрос о смысле жизни не возникает – смысл жизни в других людях. Причем, речь идет не только о сверстниках, но и о референтных взрослых.

В основе самоотношения как ценности, по А. Лэнгле, – самость. Говоря о ценностях, А. Лэнгле упоминал следующие из них: переживание фундаментальной ценности жизни, которое формируется, когда человек способен переживать чувства, неважно радость это или страдание, и вторая ценность – отношения с другими. «Когда я устанавливаю отношения, у меня уже есть предположение о той ценности, которую ты собой представляешь», – говорил ученый [3]. По А. Лэнгле, ценности нас укрепляют, и чтобы ценить и уважать другого, нужно в первую очередь иметь высокую самооценку. Следуя логике А. Лэнгле, для построения отношений с другим человеком необходимо «хотеть близости, быть готовым затронутым другим человеком, сделать себя доступным для другого» [4]. Результаты исследований свидетельствуют о том, что стиль воспитания в современных семьях способствует появлению нарциссических тенденций. В детях все меньше воспитывают скромность, у них приветствуется способность добиваться успеха, поощряется индивидуальность, самореализация и творчество. «Мы с пеленок учим этому наших детей – добиваться успеха, чего бы это ни стоило, быть в достаточной степени агрессивными» [3]. Однако по мере присвоения подростком перечисленных ценностей, родители могут для себя отметить, что подобные достижения вступают с противоречиями относительно их ожиданий от подростка.

По мнению С. В. Кривцовой, в обществе есть тенденция к потере смысла как основной ценности, эта тенденция напрямую связана с современным состоянием жизни общества» [5]. Все больший акцент делают на индивидуальности, достижениях, отсюда у детей и подростков формируется новая ценность – личная сила. Однако дети часто путают смыслы, «личная сила» может означать для них не власть над собой, а власть над другими людьми. Таким образом, они утверждают себя в отношениях с окружающими. Как свидетельствуют результаты исследования, семья сохраняет ценность для подростка. Если подросток не считает семью своей социальной поддержкой при решении проблем, то не приобретает способность понимать свои чувства и желания, следовательно, не приобретает навыков

конструктивного преодоления трудных жизненных ситуаций, которые важны для самоотношения и понимания ценности жизни подростками.

Литература

1. Франкл, В. Воля к смыслу [Электронный ресурс] / В. Франкл. – Режим доступа: https://bookap.info/book/frankl_volya_k_smyslu/. – Дата доступа: 21.09.2022

2. Франкл, В. Скажи жизни: «Да!»: психолог в концлагере [Электронный ресурс] / В. Франкл. – Режим доступа: http://loveread.me/view_global.php?id=95175. – Дата доступа: 21.09.2022

3. Лэнгле, А. Грандиозное одиночество нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен [Электронный ресурс] / А. Лэнгле. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/files/55/mpj_2002_n2_Langle.pdf. – Дата доступа: 21.09.2022

4. Лэнгле, А. Что делает жизнь ценной? [Электронный ресурс] / А. Лэнгле. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/blog/58455/>. – Дата доступа: 21.09.2022

5. Кривцова, С. В. Школа может помочь растущему поколению преодолеть кризис смысла? / С. В. Кривцова // Нар. обр-ние. – 2013. – № 4. – С. 5–15.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. Д. ЕВДОКИМОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. С. Коверец

МАЛОАДАПТИВНЫЕ ФОРМЫ ВИНЫ

В последнее время наблюдается повышение интереса к исследованию феномена чувства вины, особенно со стороны клинической психологии. Возникновение вины основано на стремлении принадлежать к группе и быть принятым её членами, что возможно только при соблюдении тех норм и правил, которые в этой группе установлены. Как отмечает С. В. Горнаева, механизм регуляции поведения при проживании вины осуществляется через «внутренние санкции», которые в свою очередь вызваны внутренним принятием групповых стандартов поведения [1].

Ещё в прошлом веке вина рассматривалась не только как чувство, способствующее поддержанию связей со значимыми близкими, но и как существенный фактор, влияющий на уязвимость личности к стрессу и психопатологии [2]. Исходя из этого, актуальность изучения различных форм вины обусловлена их сильным влиянием на психологическое благополучие

человека и на формирование предрасположенности к возникновению психических расстройств.

Одним из исследователей, внёсших значительный вклад в изучение данной проблемы, является современный психоаналитик Джозеф Вайсс. Он разработал межличностную когнитивную теорию, согласно которой источником вины является прежде всего альтруизм и забота об окружающих [2]. Д. Вайсс выделил два типа вины: адаптивную и малоадаптивную. Адаптивная вина направлена на сохранение отношений с людьми, разрешение возникающих конфликтов и поддержание порядка и гармонии в социальной группе. Малоадаптивная (или иррациональная) вина деструктивна и ведёт к искажению социальных отношений и образа «Я» человека. Адаптивная вина становится малоадаптивной, когда в ходе неблагоприятного опыта, чаще в детстве во взаимодействии со значимыми близкими, она была многократно увеличена и связана со стыдом [3].

Ученым были выделены четыре формы малоадаптивной вины, каждая из которых имеет свои особые характеристики. Далее рассмотрим каждую из них. *Вина выжившего* основывается на убеждении, что преследование собственных целей и успешность могут вызвать в близких людях чувства несчастья и неполноценности. У людей, склонных к вине выжившего, можно наблюдать иррациональное верование в то, что достижение их желаний происходит за счет других. Например, человек, поборовший раковую опухоль, может считать, что своим везением он обязан тем, кто не смог излечиться от этого заболевания. Также человек может ощущать *вину отделения*. Она происходит из убеждения, что кто-либо не имеет права жить своей жизнью, а любое проявление отделения от близких может причинить им боль (как пример – страх сепарации). *Вина гиперответственности* характеризуется преувеличенным чувством заботы о других людях. Она основывается на убеждении, что человек ответственен за состояние и счастье близких. В таком случае он будет чувствовать вину за плохое настроение, болезнь или неудачи значимых людей. *Вина ненависти к себе* является крайней формой малоадаптивной вины. Она проявляется в резко негативной оценке себя, чувстве неполноценности и может возникать в раннем детстве из-за жестокого или игнорирующего отношения близких людей к ребенку [2].

Для оценки форм малоадаптивной вины Л. Коннором, Д. Берри, Д. Вайсом и др. был создан опросник IGQ (адаптирован Е. В. Белинской). В ходе анализа была выявлена положительная корреляция между подшкалами малоадаптивной вины и шкалами депрессии (BDI) и негативных автоматических мыслей (АТQ). Люди, страдающие от наркотической зависимости, имели значительно более высокие показатели подшкал малоадаптивной вины в сравнении с респондентами неклинических групп [2]. Также

показатели малоадаптивной вины были значительно выше в группе насильственных преступников в сравнении с группой законопослушных граждан [3].

Таким образом, изучение малоадаптивных форм вины является перспективным направлением психологических исследований и обладает значительным практическим потенциалом диагностики предрасположенности к возникновению психических расстройств и деструктивного поведения.

Литература

1. Горнаева, С. В. Теоретические подходы к изучению вины и стыда / С. В. Горнаева // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2011. – № 20. – С. 123–126.

2. O'Connor, L. E Interpersonal Guilt: The Development of a New Measure / L. E. O'Connor, J. W. Berry, J. Weiss // Journal of Clinical Psychology. – 1997. – Vol. 53(1). – P. 73–89.

3. Белинская, Е. В. Опросник для измерения малоадаптивных форм вины / Е. В. Белинская // Психологическая помощь. Системные расстановки [Электронный ресурс]. – Ростов, 2012. – Режим доступа : <http://rasstanovki-rostov.ru/?p=1857>. – Дата доступа : 23.10.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. В. ЗДОРОВЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. Э. Синюк

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ У СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

Профессионализация в литературе по проблеме исследования рассматривается как целостный непрерывный процесс становления личности специалиста, который начинается с момента выбора и принятия будущей профессии и заканчивается, когда человек прекращает активную трудовую деятельность. Интенсификация этого процесса приходится на период юности, время обучения.

Помогающие профессии относятся к типу «Человек – человек», что предполагает постоянное взаимодействие с различным социальным окружением, Поэтому профессионалам помогающих профессий отводятся определённые роли, которые включают в себя моральные и этические требования к особенностям личности специалиста. Выделяют общие требования к специалисту помогающей профессии: профессионализм, ответствен-

ность, компетентность, терпимость, уверенность в себе, эмпатичность, тактичность, самоконтроль, альтруизм, честность, культура речи, коммуникативные навыки, стрессоустойчивость и др. [3].

В период студенчества стрессовые ситуации неизбежны, так как учебно-профессиональную деятельность в вузе невозможно себе представить без серьезных и интенсивных нагрузок, напряженной работы, особенно в период сессии, сопровождающихся переживаниями успеха или неудачи. При этом для юности характерны повышенная эмоциональная возбудимость, реактивность, что является следствием раздражительности, нестабильности, быстрой смены настроения и обусловлено такими факторами, как учёба, экзамены, специфика будущей профессиональной деятельности студентов [2].

Стресс – крайне неустойчивое эмоциональное состояние. Г. Селье понимает стресс как реакцию организма на внешний или внутренний раздражитель. Огромную роль играет то, как человек преодолевает стрессовые ситуации. Стрессовое состояние может трансформироваться как в оптимальное, так и в напряжённое состояние, которое является причиной снижения работоспособности.

Стрессоустойчивость – стилистически разнообразная саморегуляция человека, состоящая из определённых звеньев. Важную роль при этом выполняют копинг-стратегии, которыми человек пользуется, сталкиваясь со стрессом. Под копинг-поведением понимают систему целенаправленного поведения по совладанию со стрессовыми ситуациями.

Выделяют следующие копинг-стратегии: самоконтроль, противостоящее совладание, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, позитивная переоценка, плановое решение проблемы, избегание и дистанционирование.

Уровень развития копинг-ресурсов определяет успешность адаптации в ситуациях стресса: пассивные копинг-стратегии, дезадаптация и социальная изоляция являются следствием низкого уровня копинг-ресурсов, а активные копинг-стратегии, активное преодоление стрессовых ситуаций – высокого уровня [1].

Таким образом, на основе анализа литературы мы делаем вывод, что стрессоустойчивость у студентов помогающих профессий играет крайне важную роль. Умение находить адекватные способы совладания со стрессом обуславливает профессионализм и компетентность специалиста, а также является основой эмоционального равновесия и психологического благополучия.

Литература

1. Киреева, М. В. Ведущие копинг-стратегии студентов с различным уровнем стрессоустойчивости / М. В. Киреева // Вопр. журналистики, педагогики, языкознания. – 2012. – № 6 (125). – С. 229–233.

2. Сапогова, Е. Е. Психология развития человека : учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. «Психология» / Е. Е. Сапогова. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 460 с.

3. Эннс, Е. А. Психологическая характеристика помогающих профессий [Электронный ресурс] / Е. А. Эннс // Совр. психол. : матер. междунар. заоч. науч. конф., Пермь, июнь 2012. – Пермь : Меркурий, 2012. – С. 92–93. – Режим доступа : <https://moluch.ru/conf/psy/archive/34/2487/>. – Дата доступа : 02.10.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. Г. ИНДУКОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Практически в каждой группе детского сада разворачивается сложная и порой драматичная картина межличностных отношений детей. Дошкольники дружат, ссорятся, мирятся, обижаются, ревнуют, помогают друг другу, а иногда и делают «мелкие пакости». Все эти отношения остро переживаются участниками и несут массу разнообразных эмоций. Эмоциональная напряженность и конфликтность в сфере детских отношений значительно выше, чем в сфере общения с взрослыми.

Родители и воспитатели иногда не подозревают о той широкой гамме чувств и отношений, которую переживают их дети, не придают особого значения детским дружбам, ссорам и обидам. Между тем опыт первых отношений со сверстниками является фундаментом, на котором строится дальнейшее развитие личности ребенка. Этот опыт во многом определяет характер отношения человека к себе, к другим, к миру в целом. Далеко не всегда он складывается удачно. У многих детей уже в дошкольном возрасте формируется и закрепляется негативное отношение к другим, которое может иметь весьма печальные отдаленные последствия.

Существуют разные методики, позволяющие выявить особенности межличностных отношений дошкольников. Одной из них является «Маска» (А. М. Щетинена). Цель методики состоит в исследовании общения ребенка со сверстниками, определении его статусного места в группе. Ребенку предъявляется набор из 4-х масок, нарисованных на бумаге, симво-

лизирующих хорошее и плохое настроение, стремление к доминированию или подчинению. Далее предлагается следующая инструкция: «Посмотри на эти лица. Как ты думаешь, какое лицо чаще всего бывает у тебя, когда ты смотришь на ребят своей группы? А на кого из них ты смотришь обычно вот так? (показывает каждую из масок по очереди). А кто из ребят на тебя смотрит чаще всего вот так? (опять показывает по очереди каждую из масок)». Четыре маски выкладывают в ряд перед ребенком. После того, как он выбрал одну из них при ответе на первый вопрос, каждую из масок по очереди дают ребенку и задают вопрос, на кого он так смотрит или кто на него так смотрит. Принимается любой ответ, в том числе и отказ, отвечать.

При обработке результатов учитывается, что эмоциональное состояние ребенка в группе проявляется в выборе маски с определенным настроением (хорошим или плохим при ответе на первый вопрос). Подсчитывают, сколько раз были выбраны маски с хорошим и плохим настроением при ответе на вопрос «На кого из ребят ты смотришь вот так?» Если ребенок удовлетворен своим местом в группе, количество улыбающихся масок значительно превышает количество грустных. Этот показатель важнее показателя статуса (лидерства или отверженности) ребенка, так как свидетельствует об удовлетворенности детей положением в группе. В случае отверженности речь может идти о детях, которые предпочитают общаться со сверстниками дома, во дворе, а не в группе, поэтому испытывающих тревогу оттого, что здесь с ними мало общаются. Таким образом, выявляются так называемые «пассивные» и «активные» отверженные: дети, которые спокойно переносят свою отверженность и не стремятся к общению, и дети, которые переживают свою отверженность от группы. Подсчитывают также и количество выборов «доминирование и подчинение» как при первом вопросе, так и при последующих ответах.

Нами было проведено исследование на базе ГУО «Парохонский детский сад Пинского района». Респондентами выступили 60 детей старшего дошкольного возраста (5–6 лет).

Отвечая на вопрос «Как ты думаешь, какое лицо чаще всего бывает у тебя, когда ты смотришь на ребят своей группы?», дошкольники выбрали маску с хорошим настроением 54 раза, с плохим – 6 раз. Таким образом, результаты исследования показали, что большинство старших дошкольников, а именно 90 %, удовлетворены своим местом в группе и общением со сверстниками. Дети, которые выбрали маску с плохим настроением, очень редко посещают дошкольное учреждение и говорят о том, что здесь с ними мало общаются другие дети. Дошкольники из этой подгруппы, как правило, удовлетворены своим местом в группе и спокойно переносят свою отверженность. Дети с ними играют, но их редко выбирают из-за того, что

они по разным причинам только иногда поспешают детский сад, но если они приходят, дети с ними охотно взаимодействуют.

Те дети, у которых проявляется стремление к доминированию, – 11 человек, что составляет 18 %, – не всегда удовлетворены своим статусным местом. Их не устраивает простое общение со сверстниками, они готовы лучше прервать общение с одними детьми и сразу же начать общение с другими, чем подчиняться. Дети, у которых проявляется тенденция к подчинению (49 человек) составляют большинство. Они не удовлетворены именно своей отверженностью и готовы к общению в любой форме. Поэтому в группах часто наблюдается, как меняются компании детей.

Полученные данные важно сравнить с данными по другим методикам, позволяющим изучить межличностные отношения, так как это позволит вовремя определить проблемные аспекты межличностных отношений и помочь ребенку преодолеть их.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. А. КАСКЕВИЧ

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – Т. К. Комарова

КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ НА РЕВНОСТЬ В НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЬЯХ

В практике обыденной жизни одной из главных причин разногласий в отношениях между супругами является ревность, которая провоцирует определенные реакции со стороны одного из партнеров. При этом ревнивое поведение является межличностной диадной активностью, предполагающей как интерактивную вовлеченность, так и коммуникативные последствия [1, с. 84]. В последние годы возник особый интерес к коммуникативным аспектам или «защитным реакциям» личности на переживание ревности, которые исследователи разделяют на две главных категории, основанные на позитивной или негативной валентности коммуникации [2, с. 518]. Представляется, что одним из факторов, влияющих на определение стратегий поведения каждого из супругов в ситуации ревности, выступает удовлетворенность браком как внутренняя субъективная оценка, выражающая отношение супругов к собственному браку [3].

В опоре на данные представления на первом этапе эмпирического исследования были выделены семьи неблагополучные (с низким уровнем) и семьи благополучные, где оба супруга обнаруживают высокий уровень удовлетворенности браком (применялся опросник «Удовлетворенность браком» В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко).

В настоящей статье представлены результаты изучения особенностей коммуникативных реакций на ревность у супругов из неблагополучных семей. Применялась методика «Коммуникативные реакция на ревность» в адаптации И. А. Фурманова [1]. В результате ранжирования средних значений коммуникативных реакций мужчин и женщин и последующей квартилизации ранжированных рядов были получены такие данные, которые позволили выявить, что у супругов, неудовлетворенных браком, независимо от пола ведущими являются такие реакции как негативная аффективная экспрессия и дистрибутивная коммуникация. Данные указывают на то, что партнеры участвуют во взаимодействии лицом к лицу, но данное взаимодействие имеет неконструктивный характер. Представители неблагополучных семей чаще всего применяют прямую, асоциальную коммуникацию с партнером, решая проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером. Как мужчины, так и женщины в ситуации ревности демонстрируют свои негативные эмоции и чувства.

Следует отметить, что редко встречающейся коммуникацией является контакт с соперником. Это свидетельствует о том, что в ситуации ревности конфликтное взаимодействие направлено на партнёра, а не на конкурента. Также непопулярной коммуникацией является у мужчин – компенсация/замещение, а у женщин – избегание/отрицание. Мужчины в неблагополучных семьях редко идут на уступки, не пытаются угодить партнеру. Такое поведение у мужчин можно объяснить тем, что в ситуациях ревности мужчины чаще выбирают стратегии, обеспечивающие поддержание самооценки. А вследствие того, что женщины более эмоционально реактивны в ситуациях, стимулирующих ревность, более вероятно, что они не прибегнут к замалчиванию проблемы, делая вид, что ничего не случилось, и тем самым еще больше усугубляя конфликт.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в неблагополучных семьях в ситуации ревности мужчины и женщины чаще всего используют интерактивные реакции, открыто демонстрируя свои негативные эмоции и вступая в конфликтное взаимодействие с партнером.

Литература

1. Фурманов, И. А. Коммуникативные реакции на ревность в романтических и супружеских отношениях / И. А. Фурманов // *Общ. науки: Социология*. – Минск : БГУ, 2016. – С. 80–87.

2. Фурманов, И. А. Коммуникационные реакции в романтических и супружеских отношениях на ситуацию, вызывающую ревность / И. А. Фурманов // *Социальный психолог*. – 2016. – № 1. – С. 506–523.

3. Голод, С. И. Личная жизнь: любовь, отношения полов / С. И. Голод. – Л. : Знание, 1990. – 32 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

М. Р. КИЙКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

**СИТУАЦИОННЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ
ПРИЧИНЫ ОДИНОЧЕСТВА**

В вопросах изучения многих психологических явлений сложно претендовать на оригинальность и новизну, так как они так или иначе уже изучены. Но всегда находится тема или темы, которые интересны конкретному человеку. Именно субъективная значимость задает часто направление исследования: хочется найти и изучить что-то еще в том явлении, которое интересно человеку, или проверить данные, полученные другими исследователями. Условия, в которых живут люди, изменяются, что не может не влиять на психическую реальность. И, возможно то, что было характерно для человека раньше, теперь не проявляется в его сознании, деятельности, поведении.

Определенный интерес представляет проблема одиночества. В частности, интересно изучить, почему человек все же оказывается психологически одинок? С одной стороны, возникновению одиночества способствуют обстоятельства, в которых оказался человек. С другой стороны, человек может иметь такие личностные черты, которые не способствуют установлению и поддержанию хороших отношений с другими людьми.

Благодаря социальным сетям люди могут общаться друг другом в любое время и на любом расстоянии, что позволяет иметь большое количество контактов. При этом виртуальное общение может быть очень поверхностным или очень глубоким. В последнее верится не всегда, так как «чрезмерное психологическое обнажение» или излишнее самораскрытие чреваты последствиями. Не смотря на работу модераторов и иные формы защиты личной информации, она может становиться «достоянием» лиц, которым не была адресована. Поэтому, как правило, большое количество разнообразных контактов в социальных сетях не избавляют человека от одиночества. И здесь, вероятно, именно ситуационные причины становятся фактором, способствующим возникновению чувства одиночества у внешне «неодиноких» субъектов.

Реальное общение как альтернатива виртуальному тоже не всегда решает проблему одиночества. В нем должны быть открытость и доверие к партнеру, уважение его интересов и определенная свобода быть собой, оставаясь в отношениях. Но длительные отношения, в которых не чувствуешь себя одиноким, это отношения близкие, глубокие, они

формируются не сразу и развиваются во времени, в них присутствует выраженная эмоциональная привязанность и самораскрытие. Все ли готовы к таким отношениям? Ведь в таких отношениях общение – это диалог двух индивидуальностей, видящих определенные вещи как минимум похоже, получающих эмоциональное удовольствие в компании друг друга, ценящих мнение другого, надежных в значимых для обоих партнеров сферах жизни. Возможно, в этой ситуации именно личностные детерминанты одиночества могут объяснить его переживание современным человеком.

Одиночество как отсутствие/недостаток социальных связей и одиночество как субъективное переживание – это не одно и то же. В первом случае мы говорим о внешней стороне этого явления, которое может восприниматься по-разному в зависимости от того, испытывает ли человек потребность в большом количестве контактов, в том числе разнообразных по качеству. На внутреннем уровне одиночество рассматривается как переживание, привязанное не только к социальной ситуации, в которой человек реализует свою потребность в общении, но и к его восприятию себя в этой ситуации, к его самоощущению.

В этой связи вопрос определения причин одиночества не может рассматриваться в приоритете только к ситуационным или личностным его детерминантам. Опять же, согласно мнению представителей экзистенциального направления в психологии с данностью изоляции (отчуждения) человек «сталкивается» постоянно. А потому переживание человеком одиночества – неизбежно, так как невозможно быть до конца понятым и принятым. И все-таки хочется получить собственные ответы, например, на следующие вопросы: связано ли переживание одиночества и удовлетворенность жизнью, как влияет качество отношений с членами семьи, друзьями, партнерами на переживание одиночества, связаны ли уровень образования человека, его пол, возраст и переживание им одиночества? Или, например, как связаны отношение к себе, интроверсия-экстраверсия, потребность в достижении, уровень самораскрытия и самоконтроль в общении, восприимчивость к одиночеству и переживание одиночества?

Поэтому при изучении детерминант одиночества важно изучить не только ситуационные и личностные детерминанты одиночества, но и выявить их совместное влияние на человека.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

К. Е. КЛЕЦКОВА

Брест, Бргу имени А.С. Пушкина
Научный руководитель – С. Л. Ящук

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Эмоциональный интеллект – способность эффективно разбираться в эмоциональной сфере человеческой жизни: понимать эмоции и эмоциональную подоплеку отношений, использовать свои эмоции для решения задач, связанных с отношениями и мотивацией. Эмоциональный интеллект позволяет регулировать поведение человека.

Трудно представить социальное взаимодействие без различных взглядов и мнений людей, которые постоянно сталкиваются друг с другом, что в свою очередь, приводит к возникновению конфликтных ситуаций.

От эмоционального интеллекта во многом зависят взаимоотношения юношей и девушек с окружающими. Чем выше у них уровень эмоционального интеллекта, тем лучше они чувствуют собеседника, что помогает им быть гибкими в конфликтной ситуации. Тем самым эмоциональный интеллект влияет на эффективность деятельности человека и дальнейшую социализацию его личности.

Любой конфликт в юношеском возрасте проходит через несколько стадий. Конфликт начинается с зарождения противоречий между участниками конфликтной ситуации и заканчивается полным разрешением конфликта: нахождением компромисса или завершением конфликта.

В конфликтной ситуации ее участник дает оценку своим интересам и интересам соперника. На основе анализа интересов человек выбирает одну из пяти моделей поведения: соперничество, приспособление, компромисс, сотрудничество и уклонение.

Для успешного управления конфликтной ситуацией важно обучиться навыкам эмпатичного и толерантного поведения. Внешнее поведение и внутренние установки на безбарьерное общение и конгруэнтность должны быть согласованны, что является своеобразным показателем развития эмоционального интеллекта [1, с. 90–96].

Именно эмоциональный интеллект помогает обеспечить объективный анализ эмоциональной составляющей конфликта, уйти от субъективного одностороннего восприятия происходящего и понять смысл конфликтного взаимодействия для себя и для партнера.

Таким образом, благодаря эмоциональному интеллекту работа с конфликтом преобразуется в работу с проблемой, приобретая конструк-

тивную направленность, которая наиболее ярко выражается в модели сотрудничества.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что чем выше у человека уровень эмоционального интеллекта, тем проще и продуктивнее он будет разрешать конфликтные ситуации. Т. к. он будет лучше чувствовать свои эмоции, а так же эмоции Другого, а это, в свою очередь, позволит принять во внимание интересы двух конфликтующих сторон и, как следствие, конструктивно решить конфликтную ситуацию.

Согласно широко распространенному мнению в психологии, юноши и девушки прибегают к конфликтам и бунтарству, как основному способу достижения автономии от родителей, педагогов, а также для самоидентификации внутри возрастной группы. Таким образом, конфликтность становится одним из определяющих черт юношеского возраста.

Поэтому одним из важных факторов для разрешения конфликтных ситуаций в юношеском возрасте является уровень развития эмоционального интеллекта.

Литература

1. Мкртумян, Л. С. Организационная культура как фактор конструктивного разрешения конфликтов / Л. С. Мкртумян // Актуальные вопр. современной психол. – 2015. – № 4. – С. 90–96.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. С. КЛУБАЕВ

Могилев, Белорусско-Российский университет
Научный руководитель – Д. А. Канашевич

ЭЙДЖИЗМ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ И РЕШЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ БЕЛАРУСИ

Важную роль для человека играет семья, но нередко ближайšie к нам люди оказываются источником опасности. Бытовое насилие может происходить и происходит в любых слоях населения, независимо от классовых, национальных, культурных моментов и затрагивает все возрастные группы – от детей до пожилых людей.

В 2011 году ООН объявила об учреждении 15 июня Всемирным днем распространения информации о злоупотреблениях в отношении пожилых людей, чтобы ежегодно напоминать человечеству, что пожилые люди более всего социально незащищены и что к 2050 году они составят около двух млрд. человек [1]. Ментальной чертой белорусского общества традиционно считается уважение старших, а социальная защита пожилых людей

является одним из приоритетных направлений социальной политики. За время пандемии COVID-19 в стране активизировалась волонтерская помощь маломобильным пожилым гражданам. Однако, как показывает изучение периодической печати, проблема домашнего насилия, в отношении пожилых людей, не обошла и нашу страну. Проявлениями такого рода насилия эксперты квалифицируют любое действие или бездействие, которое причиняет вред пожилому человеку или подвергает риску его здоровье или благосостояние. Имеется в виду физические и психологические наказания, сексуальное насилие и экономическую эксплуатацию (незаконное пользование деньгами, предметами собственности, неавторизованными денежными чеками, фальсификацию подписи, кражу, получение крупных сумм осуществляющим уход за пожилым, предоставление ненужных услуг) [2, с.16].

Насильственные действия агрессора приносят серьёзный ущерб психологическому и физическому здоровью пожилых людей. Психологические травмы формируют у жертвы недоверие и развитие чувства страха. Страдающие от насилия нередко боятся поделиться своими проблемами с окружающими, и в итоге, остаются один на один со своими проблемами, замыкаются в себе. Выявить и наказать домашнего агрессора не так просто. С одной стороны, сложности возникают из-за особенностей поведения самих жертв насилия, так как многие боятся рассказывать о давлении, оказываемом на них из-за боязни остаться без поддержки близких. С другой стороны, в случае наличия обращения пострадавшего лица в правоохранительные органы требуется огромная работа для сбора доказательств. В результате, жертве нередко представляется, что партнер больше контролирует ситуацию, чем суд, она может выполнять его требования даже в ходе начатого судебного разбирательства, предпочитая вернуться к своей стратегии выживания. Одновременно нельзя не учитывать и психологию самих пожилых людей, которым недостает внимания окружающих. Поэтому они могут использовать такие жалобы для привлечения внимания общественности к своей фигуре. Ситуация осложняется и невозможностью полного отображения наказания за домашнее насилие в отношении пожилых людей в официальной статистике.

Считаем, что, несмотря на недостаток данных о масштабах домашнего насилия в отношении пожилых людей в различных формах их проявлениях, имеющейся информации все же достаточно, чтобы привлечь большее внимание общества к данной проблеме. Страдающие от домашнего насилия пожилые люди, должны найти большую поддержку у государства.

В этой связи отметим, что в Республике Беларусь 16 апреля 2014 года вступил в силу Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», который ввел понятие «насилие в семье». Однако по нор-

мам белорусского законодательства учитываются лишь насильственные действия физического, психологического и сексуального характера, но ответственность не распространяется на факты «экономического насилия», которое особенно проявляется в отношении пожилых граждан и учитывается в международных правовых актах. Имеющаяся в республике законодательная база в отношении домашнего насилия требует доработки и скорее всего, принятия специального закона.

Считаем, что необходимо завершение работы по принятию специализированного нормативного правового акта – Закона «О профилактике насилия в семье», в котором должен найти отражение вопрос о квалификации эйджизма и видах наказания за такие практики в семье.

Литература

1. Жестокое обращение с пожилыми людьми / ВОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: who.int/ru/news-room/fact-sheets/de. – Дата доступа: 05.10.2022

2. Особенности организации работы с участниками домашнего насилия // Образовательные материалы для психологов Государственного пограничного комитета и специалистов государственных, международных и общественных организаций, работающих по противодействию сексуальному и гендерному насилию в Беларуси. – Минск, 2019.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. А. КЛЫШКО

Брест, Бргу имени А.С. Пушкина
Научный руководитель – Н. И. Селех

К ВОПРОСУ ГОТОВНОСТИ К РОДИТЕЛЬСТВУ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В психологии сложилось понимание феномена родительства как динамического образования личности, проходящего долгий путь становления в рамках ведущей деятельности в каждом возрастном периоде. В формировании родительства выделяют теоретический и практический этапы. На теоретическом уровне (с рождения до юности) в процессе социализации происходит закладка возможности стать родителем.

Исследователи психологии родительства отмечают, что семейная жизнь в большей степени определяется тем, как люди представляют себе родительство до принятия функций родителя. Будущее родительство формируется под влиянием условий и образа жизнедеятельности семьи, личного примера родителей, их культуры взаимоотношений, от стиля, обычая-

ев, традиций семьи и т.д. В дальнейшем на формирование родительства оказывают влияние общественные институты. Латентное родительство включает в себя мотивирующие факторы, способные определить становление родительства. Это мечты, фантазии, образы, представления, относящиеся к воспитанию детей [1].

В современном мире наблюдается тенденция к изменению модели родительства. Одной из насущных проблем общества выступает несоответствие биологической и психологической готовности к родительству потенциальных матерей и отцов. В природе детство заканчивается физиологическим созревaniem, таким образом, юность характеризуется высоким показателем физической готовности к родительству. Однако половая зрелость, являясь одной из основ супружеской жизни, не является показателем психологической и социальной готовности к родительству.

Рассматривая феномен понятия родительство, ученые уделяли большое внимание изучению понятий отцовство и материнство. Они пришли к выводу, что отцовство, как совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающих все уровни жизнедеятельности человека, связано и с объективными характеристиками личности. Принятие роли отца играет важнейшую роль в выполнении отцовских функций. Материнство рассматривается как психосоциальный феномен: как обеспечение условий для развития ребёнка, как часть личностной сферы женщины.

Таким образом, родительство – это социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства.

На готовность к родительству влияют следующие факторы: комфортные социально-экономические условия для рождения детей; охрана здоровья беременной женщины, как в медицинском, так и в социальном плане; формирование условий для безопасного материнства; наличие условий, которые позволяют гражданам реализовывать собственные репродуктивные права [2].

Однако, помимо различных факторов, которые влияют на готовность к родительству, нужно уделить особое внимание психологической характеристике юношеского возраста.

Юношеский возраст характеризуется такими психологическими особенностями и новообразованиями как профессиональное и личностное самоопределение, требующее от девушек и юношей осознанного выбора своего жизненного пути во взрослой жизни. Одним из вариантов саморазвития и самоопределения является вступление в родительство.

Главной характеристикой юношеского возраста является то, что в этот возрастной период осуществляется окончательный переход к зрелости личности, завершается формирование устойчивых черт личности. Возникновение опосредованных потребностей делает для юноши возможным сознательное управление своими потребностями и стремлениями.

Таким образом, именно в юности человек обретает независимость и осознанно берет на себя социальные обязательства. Юность выступает как период принятия ответственных решений, определяющих всю дальнейшую жизнь человека: выбор профессии и своего места в жизни, выбор смысла жизни, выбор спутника жизни, создание семьи. Исходя из вышесказанного, юношеский возраст как период вхождения во взрослость кажется нам наиболее сензитивным для формирования представлений о родительстве как элемента структуры зрелой личности.

Литература

1. Шнейдер, Л. Б. Основы семейной психологии: Учеб. пособие для вузов / Л. Б. Шнейдер. – М. : Деловая книга, 2006. – 768 с.
2. Кедярова, Р. Н. Программа «Молодая семья» / Р. Н. Кедярова // Социально-педагогическая работа. – 2004. – № 5. – с. 73–80.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. А. КОВАЛЬЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. О. Семянникова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О Я-КОНЦЕПЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Подростковый возраст один из наиболее сложных периодов в жизни человека и отличается своей непредсказуемостью и изменениями, благодаря которым формируется личность. На данном этапе начинает интенсивно проявляться потребность в самоуважении. Та система отношений, которая сложилась еще с детства, становится для подростка неприемлемой. Наиболее важным изменениям подвергается сфера самосознания, закладывающая фундамент для дальнейшего развития и становления подростка как личности. Подростковый возраст это время становления собственного «я», осознания собственной особенности и неповторимости, способности к самосознанию и самоотношению. Именно таким долгим путем у подростка формируется своя я-концепция.

Я-концепция – это то, что человек может сказать о себе. Эти представления формируются различными способами, которые меняются в те-

чение жизни. От них зависит то, как подросток будет вести себя с окружающими и, как вообще будет складываться его жизнь.

Изучение я-концепции направлено в первую очередь на особенности того или иного возраста. Однако такие параметры, как роль значимых других и роль семейных отношений, сопровождают развитие Я-концепции на протяжении всех возрастных периодов.

Значимые другие – термин предложил Дж. Мид. Согласно его теории значимые другие это те, кто принципиально отличен от самого ребенка. Одни из них занимают важное место в жизни и воспитании подростка, их мнение весьма influentially (например, родители, сестры, братья). Степень этого воздействия обусловлена интенсивностью привязанности, развития межличностных отношений. Подросток для получения психологического опыта и формирования я-концепции ищет себе среди значимых других такой образ, какой соответствовал бы его собственным индивидуальным особенностям. Этот образ им высоко ценится, т.к. таким образом он отображает свою значимость.

Родители одни из первых значимых других в жизни ребенка, это становится понятно еще в раннем детстве. Затем к ним присоединяются учителя и сверстники.

Главное психологическое приобретение юности – осознание себя, как личность, индивида отличного от других людей. Обретая способность погружаться в себя, в свои переживания, индивид по-новому открывает для себя все новое, более интересное. Он (юноша) начинает воспринимать и осмысливать свои эмоции, поступки по-новому, уже не как производные от каких-то внешних событий, а как состояния собственного «я», то есть все внимание уделено своим внутренним качествам, свойствам, мыслям (внутренним характеристикам и чертам).

Мы можем сделать вывод, что процесс становления я-концепции в подростковом и юношеском возрасте очень важен, ведь именно в эти возрастные границы начинает формироваться личность как таковая, именно поэтому важно уделить внимание протеканию этого процесса, с целью нормальной социализации личности.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. Ю. КОЛЯДА

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – Н. Л. Пузыревич

**ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ КСЕНОФОБИИ И УРОВНЯ
ЭМПАТИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ**

Изучением проблем эмпатии и ксенофобии уже давно занимаются представители различных научных парадигм. Однако исследованию специфики взаимосвязи данных феноменов уделяется недостаточно внимания.

Ксенофобия – это негативное, предосудительное отношение, иррациональная неприязнь по отношению определенным социальным группам. Многие исследования по проблеметолерантности и ксенофобии подтверждают, что наиболее склонная к их проявлению возрастная группа – старшие школьники (подростки) и юноши [1].

В рамках социальной психологии ксенофобия неразрывно связана с понятиями «внутригруппового фаворитизма» и «межгрупповой враждебности» [5]. Исследователи социобиологического подхода (К. Лоренц и др.) полагают, что ксенофобия может сплотить группу, снижая уровень внутригрупповых конфликтов благодаря перенаправлению агрессии «вовне», что свидетельствует об эволюционной значимости такого механизма [4].

В отношении понимания сущности феномена эмпатии ученые расходятся во мнении: с одной стороны, эмпатия проявляется в сопереживании другому человеку через механизмы эмоционального заражения и подражания, с другой стороны, отмечается важность участия когнитивной составляющей в проявлении эмпатии, то есть рассматривают этот процесс как произвольный и полностью осознаваемый. Закономерно, что результаты исследования эмпатии привели к возникновению 3 подходов: «гносеологический», «этический» и «интегративный».

Гносеологический подход характеризуется тем, что в нем эмпатия рассматривается как способ познания, то есть акцент сделан на понимании человека человеком через сочувствие, сопереживание [3]. Этический подход представляет эмпатию как важную часть социального взаимодействия, она необходима в ходе общения, чтобы реагировать на эмоции и чувства собеседника, разделять его переживания. Интегративный подход, как часто это бывает в психологии, совмещает оба предыдущих подхода, признавая значимость эмпатии и в познании человека, и в общении между людьми [2].

Нами было проведено исследование, целью которого было изучить взаимосвязь уровня ксенофобии и уровня эмпатии у подростков. Выборка составила 50 подростков, учащихся 9-ых и 10-го классов обучающихся в ГУО «Средняя школа № 3 г. Минска».

Для изучения ксенофобии использовался «Опросник уровня ксенофобии» (Е. Н. Юрасова), для изучения эмпатии – «Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии» (И. М. Юсупов). Проведен анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В результате исследования мы выяснили, что существует взаимосвязь между уровнями эмпатии и ксенофобии в подростковом возрасте, то есть, соответственно,

чем выше уровень эмпатии, тем ниже уровень ксенофобии подтверждается, так как корреляция между переменными исходя из результата анализа, является значимой (двухсторонней).

Подобные результаты можно объяснить, понимая особенности людей, с низким уровнем эмпатии. Основываясь на теоретической базе, которую мы проанализировали ранее, а так же учитывая результаты нашего и других исследований по темам эмпатии и ксенофобии, можно сделать вывод, что существуют определенные схожие черты у людей склонным к ксенофобным взглядам и у людей с низким уровнем эмпатии. Ведь с помощью механизмов эмпатии подросток вовлекается в мир чужих переживаний, формирует представление не только о своих ценностях, но и о ценностях других людей, однако, ксенофобные установки могут значительно затруднить этот процесс из-за предубежденности подросток может даже не стремиться понять, а уж более того и принять чужие ценности. Можно сделать вывод, что важно изучить эмпатию, чтобы разработать способы повышения ее уровня, для сплочения ныне разобщенных групп людей, а также и изучать ксенофобию, дабы найти способ, возможно именно с помощью эмпатии, разработать способы профилактики и коррекции ее радикальных проявлений.

Литература

1. Апанасюк, Л. А. Причины и факторы проявления ксенофобии в молодежной среде / Л. А. Апанасюк // Вестн. Тамб. Ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (122). – С. 101–106.
2. Басин, Е. Я. Дзуликкий Янус. О творческой природе человека / Е. Я. Басин. – М. : Гуманитарий, 2014. – 196 с.
3. Лазарева, И. В. Гносеологический аспект эмпатии / И. В. Лазарева // Соц. и гуманитар. науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 5. – С. 14.
4. Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. – М. : Культурная революция, 2008. – 616 с.
5. Шевченко, О. М. Сущность и виды ксенофобии: история и современность / О. М. Шевченко. – Рн/Д. : Антей, 2013. – 55 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. Ю. КОРНЕЙЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
 Научный руководитель – В. В. Ильяшева

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ИГРОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В научной литературе подростковый возраст описывается как возраст активного качественного перехода от детского состояния к взрослому, со сложнейшими противоречивыми внутренними процессами преобразования всей личности от физиологии до высших форм самоосознания себя и своих взаимоотношений с миром. Состояние изоляции и непонимания, часто возникающие у подростков, зачастую компенсируют компьютерные игры. Подростковый возраст считается самым опасным периодом в отношении формирования компьютерно-зависимого поведения.

Подростки с зависимостью от компьютерных игр испытывают устойчивую потребность в игре, постоянно находятся в состоянии фрустрации и сниженного настроения в реальном мире, в следствии чего плохо адаптирующиеся в социуме: имеют проблемы с учебой, во взаимоотношениях. Реальный мир для таких учащихся скучен, неинтересен и полон опасностей. Зависимость от компьютерных игр может являться как причиной низкого уровня развития коммуникативной компетенции (потеря социальных связей и навыков взаимодействия), так и следствием (неумение выстраивать отношения с окружающими компенсируется увлечением компьютерными играми). У таких подростков часто наблюдаются сложности в построении и передаче информации в процессе беседы, в выстраивании отношений, в выборе тактики поведения в различных жизненных ситуациях и др. Из-за неумения выстраивать отношения с окружающими возникает отсутствие взаимопонимания и общения с родителями, сверстниками и значимыми людьми.

Проведенное эмпирическое исследование среди учеников 6-х классов ГУО «Средняя школа № 1 г. Дрогичина», ГУО «Средняя школа № 20 г. Бреста» позволило установить следующее.

У подростков с высоким уровнем игровой компьютерной зависимости (16 % от общего числа выборки) преобладает средний (54 %) и низкий (46 %) уровень коммуникативных знаний. Большинство из них (56 %) демонстрируют агрессивные коммуникативные реакции в общении с другими людьми, склонность к проявлению резкости, раздражения, гнева, негативным оценкам, которые могут задевать других людей; однако около пятой части подростков (18 %) предпочитают одиночество, замкнуты, неразговорчивы, негативно реагируют на новые виды деятельности и необходимость новых контактов. Практически в равной степени у таких подростков отмечен высокий (46 %) и низкий (54 %) уровень коммуникативного контроля: наряду с высокой импульсивностью в общении, открытостью, раскованностью, низкой адаптивностью поведения в зависимости от ситуации общения, наблюдается и постоянное отслеживание собственных поведенческих реакций и эмоций, которое приводит к внешней эмоциональной холодности, необщительности.

У подростков со средним уровнем игровой компьютерной зависимости (61 % от общего числа выборки) преобладают средний уровень коммуникативных знаний (93 %), компетентные коммуникативные реакции (47 %), тенденция к адекватному реагированию на поведение окружающих. Развито умение вступать в контакт с другими людьми, выражать положительные чувства и оценки по отношению к ним, обращаться за помощью и поддержкой и самому ее оказывать. Уровень общительности у большинства респондентов данной группы варьируется от средней степени до высокой. Подростки достаточно любознательны, часто охотно слушают интересного собеседника, охотно знакомятся с интересными людьми, достаточно терпеливы в общении с другими, однако, им иногда недостает усидчивости и терпения. Однако часть из них (9 %) не любит шумных компаний, испытывает раздражение из-за чрезмерной общительности других. Преобладающим в данной группе является средний уровень коммуникативного контроля (70 %): в общении подростки искренние, непосредственные, сдержаны в эмоциональных проявлениях, соотносят свои реакции с поведением окружающих людей.

Для преодоления проблем, выявленных в ходе эмпирического исследования, была разработана программа развития коммуникативной компетенции подростков, склонных к игровой компьютерной зависимости. Программа включает 12 мероприятий, реализация которых позволит учащимся актуализировать, углубить и систематизировать знания о сущности и специфике общения, его видах, фазах, закономерностях развития; особенностях и правилах коммуникативного взаимодействия; методах и приемах общения, их возможностях и ограничениях, их эффективности в отношении разных людей и разных ситуаций, собственных слабых и сильных сторонах коммуникации; преодолеть высокую импульсивности и эмоциональную холодность в общении; освоить конструктивные способы взаимодействия с окружающими людьми. Программа внедрена в деятельность специалистов СППС школ, участвовавших в исследовании, и используется в коррекционно-развивающей работе с подростками, склонными к игровой компьютерной зависимости.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

О. В. КОСИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. В. Васильева

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ О ПРИЧИНАХ
НЕУДАЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА**

Выбор профессии, как правило, приходится на юношеский возраст. Период юности – время выбора жизненного пути, в том числе профессиональной деятельности и дальнейшего обучения. В этом в основном и заключается социальная ситуация развития личности – самостоятельный выбор профессионального пути и своего места в обществе. Социальная ситуация развития предполагает смену предъявляемых требований и условий, благодаря которым молодые люди должны быть подготовлены к трудовой деятельности и выполнению гражданских обязанностей [1].

Л. И. Божович считала самоопределение (как личностное, так и профессиональное) характерной чертой юношества. Выбор будущей профессиональной деятельности упорядочивает и приводит в систему соподчинения все разнообразные мотивационные тенденции, что могут исходить как от непосредственных интересов индивида, так и от других многообразных мотивов, порождаемых ситуацией выбора. Л. И. Божович не описывала однозначно феномен самоопределения, но утверждала его значимость. Самоопределение она условно понимала как «выбор будущего пути, потребность нахождения своего места в труде, в обществе, в жизни», «поиск цели и смысла своего существования», «потребность найти свое место в общем потоке жизни» [2].

Профессиональное самоопределение рассматривается как процесс, который охватывает весь период профессиональной деятельности личности: от момента возникновения профессиональных намерений до выхода из трудовой деятельности. Акт выбора профессии является своеобразным пиком или переломным моментом этого сложного процесса. На базе оценки своих способностей, престижа профессии и содержания ее труда, а также социально - экономической ситуации девушки и юноши, прежде всего, самоопределяются в путях получения профессионального образования и резервных вариантах приобщения к профессиональному труду.

Девушкам и юношам в процессе своего профессионального самоопределения в конечном итоге приходится из многих видов профессий выбрать наиболее подходящие им варианты. Молодые люди воспринимают это как заботу о своем будущем, благополучие которого зависит от правильности сделанного ими выбора. Цель нашей работы состоит в том, чтобы выявить представления студентов о причинах неудачного выбора будущей профессиональной деятельности.

В рамках данного исследования был опрошен 51 студент 1–3 курса БрГУ имени А. С. Пушкина, среди них 42 девушки и 9 юношей в возрасте от 18 до 22 лет. Каждому испытуемому были предложены методика, которая содержит в себе ряд вопросов, касающихся реакции на неудачный профессиональный выбор и отношение к нему. При проведении самого ис-

следования все испытуемые находились в равных условиях. Сбор данных проходил в виде группового опроса.

По результатам опроса были выявлены следующие возможные причины неудачного профессионального выбора. Причины, связанные с недостаточной подготовкой и недостатком проходных баллов были упомянуты большей половиной испытуемых (54,9 %). Влияние окружающих было упомянуто менее половиной опрошенных студентов, где 27,4 % – влияние родителей и 19,6 % – влияние близких и друзей. Внешние материальные условия отметили 23,5 % испытуемых. Внутренние условия, включающие различные эмоциональные состояния, были упомянуты более чем половиной опрошенных студентов (58,8 %).

Таким образом, причинами неудачного выбора профессиональной деятельности по мнению опрошенных студентов, выступают материальные и внутренние условия, влияние окружающих, а так же недостаточная подготовка и недостаток проходных баллов.

Литература

1. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности: Избранные труды / Л. И. Божович ; под ред. Д. И. Фельдштейна. – В. : МОДЭК, 2011, – 324 с.
2. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет / И. Ю. Кулагина – М. : УРАО, 1999. – 175 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. В. КОСТЮШЕВСКИЙ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Актуальность исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и копинг-стратегий в юношеском возрасте обусловлена тем, что данная тема является мало изученной и слабо разработанной. Вместе с тем, в последнее время теория эмоционального интеллекта как альтернативы традиционного интеллекта широко распространилась в психологии. Сторонники данной концепции утверждают, что эмоциональный интеллект обеспечивает успешность человека в повседневной деятельности, а коэффициент эмоционального интеллекта имеет большую прогностическую ценность, чем традиционный когнитивный интеллект. Ещё одним фактором,

позволяющим говорить об актуальности исследования, является недостаточная разработанность концепции эмоционального интеллекта в стране.

Исследование проводилось на базе УО «Средняя школа № 14 имени Е. М. Фомина г. Бреста». В исследовании приняли участие 60 учащихся 10–11-ых классов. Использовались методики: методика Н. Холла для оценки «эмоционального интеллекта», опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Д. В. Люсин); копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкман,

Результаты исследования эмоционального интеллекта с использованием методики Н. Холла показало, что среди учащихся чаще встречаются респонденты с низкими и средними значениями. Первые испытывают трудности в осознании, понимании своих эмоций и эмоций окружающих, в выражении эмоций и произвольном управлении ими и эмоциональными состояниями других людей, не склонны к сопереживанию. Вторые проявляют умеренную способность к распознаванию собственных и чужих эмоциональных состояний, к управлению ими и эмпатии.

Результаты исследования с помощью опросника эмоционального интеллекта «ЭмИн» показали, что респонденты лучше понимают эмоции окружающих, нежели управляют ими. Способность распознавать эмоции других людей выявлена у половины учащихся, что обеспечивает их успешность во взаимодействии с окружающими. У остальных значения свидетельствуют об умеренной выраженности способности к анализу эмоций окружающих. Все респонденты способны к управлению чужими эмоциями в той или иной степени: каждый третий учащийся способен влиять на других людей, вызывать или сдерживать их эмоции; две трети учащихся успешны в сфере управления эмоциями других людей на среднем уровне. Понимание собственных эмоций у респондентов развито лучше, чем управление ими. У большинства учащихся способность к интерпретации своих эмоций выражена умеренно. Управление своими эмоциями явно выражено у каждого третьего учащегося, две трети респондентов способны к контролю своих эмоциональных проявлений на среднем уровне.

Согласно полученным данным копинг-теста Р. Лазаруса, в выборке учащихся представлены все стратегии борьбы со стрессом, выраженность которых свидетельствует о средней и высокой напряжённости копинга. Отдают явное предпочтение одному копингу 8 учащихся, двум копингам – 18 учащихся, они демонстрируют определенную направленность поведения в трудной ситуации, но могут действовать неэффективно, если предпочитаемой стратегией будет являться дезадаптивные стратегии.

Проведя проверку на наличие взаимосвязи между данными по методике Р. Лазаруса и по методикам, исследующим эмоциональный интеллект, с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена мы выявили взаимосвязь нескольких показателей. Стратегия принятия ответственности

связана со шкалами управления эмоциями и управления своими эмоциями; стратеги бегства-избегания – со шкалами управления своими и чужими эмоциями; стратегии планирования решения проблемы связана со всеми шкалами, кроме контроля экспрессии; стратегии положительной переоценки – со шкалой понимания эмоций и субшкалой понимания своих эмоций. Таким образом, учащиеся, способные к пониманию своих и чужих эмоций, управлению своими и чужими эмоциями, будут чаще выбирать стратегию планирования решения проблем; учащиеся, ориентированные на понимание эмоций в целом и собственных эмоций, будут отдавать предпочтение стратеги положительной переоценки; при выборе учащимися стратегий принятия ответственности и бегство-избегание можно ожидать, что их способность к управлению эмоциональными состояниями и контролю собственных эмоций будет низкой. Согласно полученным данным взаимосвязь эмоционального интеллекта и копинг-стратегий в юношеском возрасте является достоверной.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты представляют интерес для педагогов-психологов и иных заинтересованных лиц, так как позволяют прогнозировать выбор стратегий совладания учащимися с разным эмоциональным интеллектом. Результаты работы могут быть использованы как маркер для продолжения исследований в этой области, учитывая важность повышения адаптационных возможностей личности и обеспечения ее эффективного взаимодействия с социальным окружением.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. А. КОСЯК

Могилев, Могилевский институт МВД

Научный руководитель – И. Л. Лукашкова

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Развитие эмоциональной культуры личности становится одной из наиболее актуальных проблем современной психологии. Ведь недооценка важности данного феномена, его игнорирование ведет к возрастанию числа аффективных расстройств, тяжелых душевных состояний, эмоциональных взрывов и конфликтов, к трудностям установления гармоничных, доверительных контактов и получения социальной поддержки. Поэтому можно утверждать, что эмоциональная сфера человека выполняют одну из важных функций в его жизнедеятельности.

Интерес к понятию «эмоциональный интеллект» значительно возрос в начале XX в. Это обусловлено тем, что взаимосвязь когнитивной и эмоционально-аффективной сфер является одной из самых сложных и важных в психологической науке. Также внимание к данному понятию связано с множеством «белых пятен» в концептуальном поле эмоционального интеллекта и с потребностями прикладных исследований. Поэтому эмоциональный интеллект (ЭИ) как научная категория довольно часто вызывает споры из-за отсутствия единого, общепризнанного понимания. Цель исследования – выделение и анализ основных моделей определения понятия ЭИ. Впервые этот термин был употреблен в 1985 г. У. Пэйном. В 1990 г. была опубликована работа двух американских исследователей Дж. Майера и П. Сэловея, в которой описана концепция ЭИ. Данные авторы определяют ЭИ как «способность глубокого постижения, оценки и выражения эмоций; а также способность управления эмоциями, которая содействует эмоциональному и интеллектуальному росту личности» [1, с. 204]. То есть их модель определения ЭИ включает группу ментальных способностей, которые помогают осознать и понять собственные эмоции и эмоции окружающих. Составляющей данной модели являются: восприятие и выражение эмоций, повышение эффективности мышления с помощью эмоций, понимание своих и чужих эмоций, управление эмоциями. Эти составляющие имеют важное значение, так как они необходимы не только для внутренней регуляции собственных эмоциональных состояний, но и для успешного воздействия на внешнюю среду.

Позже Д. Гоулман продолжил идею Дж. Майера и П. Сэловея и разработал свою модель понимания ЭИ, объединив в ней когнитивные способности и личностные характеристики. Д. Гоулман определяет эмоциональный интеллект как «способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей» [2, с. 47]. Его модель ЭИ включает 4 главных составляющих: самоконтроль, самосознание, управление, взаимоотношение и социальное понимание. Такой подход к пониманию ЭИ позволяет его рассматривать как важнейший фактор успешности личности в различных сферах жизни.

Если модель понятия ЭИ Дж. Майера и П. Сэловея ограничивается только способностями к познанию и управлению эмоциями, то модель Д. Гоулмана включает когнитивные, личностные и мотивационные свойства, благодаря чему они оказываются тесно связанными с адаптацией к реальной жизни и процессами совладания.

Еще более широкую трактовку понятию ЭИ дает Р. Бар-Он. Согласно ему ЭИ – «множество некогнитивных способностей и навыков, влияющих на способность успешно справляться с требованиями и давлением

окружения» [3, с. 368]. Р. Бар-Он выделяет пять сфер компетентности, которые отождествляет с пятью компонентами эмоционального интеллекта: познание себя, навыки межличностного общения, способность к адаптации, управление стрессовыми ситуациями, преобладающее настроение.

Таким образом, можно констатировать, что имеется два альтернативных подхода к определению понятия ЭИ, что представлено в различных авторских моделях: модель способностей Дж. Майера и П. Сэловея (ЭИ рассматривается как совокупность специальных способностей) и смешанные модели Д. Гоулмана, Р. Бар-Она (ЭИ трактуется как сложное психическое образование, имеющее одновременно и когнитивную, и личностную природу).

Учет существующих представлений об ЭИ позволит не только объективизировать диагностику данного психологического феномена, но и продолжить дальнейшие исследования взаимосвязи когнитивных и аффективных процессов.

Литература

1. Mayer, J. Emotional Intelligence: Theory, Findings and Implications / J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // Psychological Inquiry. – 2004. – V. 15. – № 3. – P. 197–215.
2. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки ; пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 301 с.
3. Bar-On, R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory / R. Bar-On, J. Parker // Handbook of emotional intelligence. – San Francisco : Jossey-Bass, 2000. – P. 363–388.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. А. КОТОВА

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины
Научный руководитель – Т. Г. Шатюк

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА У СТУДЕНТОВ

Дизайн исследования является набором методов и процедур, которые используются для сбора и анализа показателей переменных, указанных в исследовании задачи исследования. Существует множество дизайнов, которые используются в исследованиях и каждый из них имеет как преимущества, так и недостатки. Выбор метода, который будет использоваться, зависит от природы явления и цели исследования.

Дизайн исследования проблемы психологического пространства у студентов строился на анализе теоретического материала по данной проблеме. В классических концепциях психоанализа рассматривались внешние или социально-культурные границы, которые общество, другие люди ставят перед человеком. В первую очередь психологические границы понимались как преграды на пути удовлетворения ведущих потребностей, а также как границы между структурами личности (оно, я, сверх-я). В дальнейшем возник вопрос о внутренних границах. К. Хорни рассматривала их как внутренние рамки, в которые человек помещает себя. Гибкость этих рамок позволяет выстраивать отношения с другими людьми и адаптироваться к внешним ограничениям [1]. А К. Юнг писал об индивидуации как процессе образования и обособления психологического индивида в качестве существа, отличного от коллективной психологии [2].

Для исследования психологического пространства и психологических защит у студентов была сформирована выборочная совокупность в количестве 30 студентов в возрасте 17–21 года, обучающихся на 1–3 курсах факультетов психологии и педагогики, экономического и историческом ГГУ имени Ф. Скорины. Участники исследования были заинтересованы в обеспечении обратной связи с исследователем.

Диагностический алгоритм изучения данной проблемы включает в себя многоэтапность исследования с помощью совокупности психодиагностических инструментов: опросник «Границы психики» Э. Хартманна; опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» С. К. Нартовой-Бочавер; опросник «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкман.

Проведение исследования включало в себя в несколько этапов:

- 1 этап – ознакомительный – знакомство с базой исследования, знакомство с испытуемыми;
- 2 этап – мотивационный – обсуждение эмпирического исследования с психологом и педагогическим коллективом учреждения образования;
- 3 этап – теоретико-моделирующий – создание диагностического алгоритма;
- 4 этап – первичная диагностика – диагностика суверенности психологического пространства у студентов;
- 5 этап – промежуточный – анализ данных первичной диагностики, обоснование промежуточных выводов;
- 6 этап – коррекционно-развивающий – разработка рекомендаций по обеспечению психологической безопасности;
- 7 этап – диагностика – проведение повторной диагностики;

8 этап – аналитико-заключительный – апробация коррекционно-развивающей программы, анализ полученных результатов, подготовка итоговых выводов.

Реализация данного дизайна эмпирического исследования была осуществлена на 1–5 этапах и помогла выявить различного рода особенности суверенности психологического пространства у респондентов. Наиболее выраженными оказались проблемы с суверенностью вещей и суверенностью привычек. Это может проявляться через трудности с признанием права человека на личные вещи, а также насильственные попытки изменить комфортный распорядок субъекта.

Проведение 6–8 этапов исследования с помощью совокупности психодиагностических инструментов позволят в полной мере реализовать все задачи и осуществить логическую завершенность исследования на основе полученных значимых результатов и ввести в научный оборот новый массив эмпирических данных.

Литература

1. Сахарова, Н. А. Феномен «психологические границы личности» в психологии / Н. А. Сахарова, Ю. В. Щукина // *Dubna Psychological Journal*. – 2014. – № 3. – С. 1–9.

2. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – СПб. : Ювента – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 538 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

К. Д. КРИВЕЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. А. Губарева

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ И УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ ПОДРОСТКОВ

Самосознание является важным признаком личности, который формируется в ее становлении. Ее одной из составных частей является самооценка. Самооценка – это устойчивое образование, которое включает в себя компоненты самопознания и элементы эмоционально-ценностного отношения к себе.

Самооценка определяет взаимоотношения человека с окружающими, его критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам. Тем самым самооценка влияет на эффективность деятельности человека и развитие его личности. Самооценка тесно связана с уровнем притязаний, целей, которые человек перед собой ставит.

Уровень притязаний представляет собой уровень тех задач, которые человек ставит перед собой и осознаёт тот факт, что он способен их выполнить. Соотношение самооценки, уровня притязаний и реальных возможностей как здоровых, так и слабослышащих подростков может быть различным.

В случае если притязания и самооценка у подростка занижены, то возможности к развитию его способностей будут ограничены. Если же подросток чётко ставит перед собой цель и старается прийти к нужному результату, то могут сложиться благоприятные условия для дальнейшего развития его способностей.

Самооценка подростков с нарушениями слуха имеет ряд своих факторов. К ним относятся особенности семейного и школьного воспитания, обучения, интеллектуальные способности, условия личностного развития подростков. [1]

Сурдопедагоги и психологи отмечают, что у глухих детей наблюдается недостаток речевых средств для описания личностных особенностей людей, их эмоциональных проявлений, и преобладают контрастные оценки качеств личности. Это замедляет у неслышащих процесс формирования морально-этических представлений, социально-эмоциональной зрелости, осознания детьми своего отношения к другим и самим себе, своего положения среди сверстников и в более широком социальном окружении.

Подростки, которые имеют нарушения слуха чаще всего чувствуют себя отверженными обществом, в следствие этого у них появляется чувство собственной неполноценности. [2]

Слабослышащий подросток сталкивается с нормами в обществе, ожиданиями, требованиями и т. д., соответственно он сравнивает себя со здоровыми людьми.

На фоне этого чувство собственной неполноценности может усиливаться, что негативно влияет на развитие его самооценки и уровень притязаний. Также теряется самоуважение подростка, ослабевает его способность к реализации поставленных задач, его личностных возможностей.

В результате этого у подростка могут развиваться патологические признаки и глубокие нарушения личности.

Особенности уровня притязаний определяются, с одной стороны, желанием человека поддерживать уровень «я» как можно выше, с другой - стремлением избежать неудачи. [3]

При нормальном развитии наблюдаются тенденции повышать притязания в каждом испытании от первых выборов к последним: от предыдущего испытания к последующему (как следствие влияния опыта); после успеха (притом обычно сильнее, чем понижать после неудачи).

Уровень притязаний зависит от содержания деятельности и значимости ее для личности, от ситуации, в которой он оказывается, и т. д.

Исходя из исследований сурдопсихологов и психологов было выявлено, что у подростков он зависит, скорее всего, не столько от успешности деятельности, сколько от неуверенности в себе и своих силах. Уровень притязаний тесно связан с положением среди сверстников.

Особенности самооценки и притязаний зависят от многих факторов: времени поражения слуха, уровня интеллектуального развития ребенка, типа посещаемой им школы, отношений в семье и т. д. Слабослышащие подростки слабослышащих родителей имеют меньше проблем в общении и адаптации, отличаются относительно большей зрелостью и имеют более позитивную самооценку, чем слабослышащие дети слышащих родителей.

Один из самых важных моментов в развитии личности подростка – формирование у него самосознания, потребности осознать себя как личность.

У подростка возникает интерес к себе, своей внутренней жизни, качествам собственной личности, потребность в самооценке, сопоставлении себя с другими людьми. Также у него возникает потребность оценить свои возможности, для того чтобы найти свое место в коллективе [4].

С возрастом начинает сказываться тенденция самостоятельно анализировать и оценивать собственную личность. Но поскольку подросток еще не обладает достаточным умением правильно анализировать собственные личностные проявления, то на этой основе возможны конфликты, порождаемые противоречием между уровнем притязаний подростка, его мнением о себе и его реальным положением в коллективе, отношением к нему со стороны взрослых и товарищей.

Наши исследования были направлены на изучение особенностей самооценки и уровня притязаний слабослышащих подростков.

В качестве испытуемых представлено десять подростков в возрасте 14–15 лет с нарушениями слуха (нейросенсорная тугоухость, тугоухость средней степени). Была применена методика Дембо-Рубинштейн и методика В. В. Столина и С. Р. Пантелеева. По результатам эмпирического исследования с помощью данных методик обнаружено, что среди испытуемых – 6 подростков имеют заниженную самооценку, что составляет 60% от общего количества респондентов, 4 подростка имеют адекватную, в пределах нормы, самооценку – это 40%, подростков с завышенной самооценкой не выявлено.

Благодаря нашим исследованиям можно сделать вывод, что у слабослышащих детей старшего школьного возраста наблюдается заниженная самооценка, в особенности это касается таких характеристик, как внеш-

ность, авторитет у окружающих, характер, которая также не позволяет способствовать развитию возможностей подростков.

Литература

1. Боскис, Р. М. Учителю о детях с нарушениями слуха / Р. М. Боскис. – М. : Просвещение, 1988. – 128 с.
2. Куракин, А. Т. Коллектив и личность ребенка / А. Т. Куракин, Л. И. Новикова. – М. : Прогресс, 1971. – 37 с.
3. Немов, Р. С. Психология: Учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: В 3 Кн. Кн. 1. Общие основы психологии / Р. С. Немов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 688 с.
4. Развитие способностей у глухих детей в процессе обучения / Под ред. Т. В. Розановой. – М. : Педагогика, 1991. – 174 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. А. КУЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Ю. Ульянова

ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНКИ УЧЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ СТУДЕНТАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В современном мире имплицитные теории (ИТ), как обыденные, повседневные, неявные, получаемые в индивидуальном опыте (не в ходе обучения) рассматриваются как представления о чертах и характеристиках других лиц и себя, участвуют в интерпретации людьми событий и регуляции деятельности.

В литературе, посвященной анализу индивидуально-личностных предпосылок обучения, показано, что ИТ выступают предикторами обучения (Dweck, 1999; Blackwell et al., 2007; и др.), однако подобные исследования проводились в основном на зарубежных выборках (Good et al., 2003; Plaks, Stecher, 2007; Atwood, 2010; и др.) [1]. Вместе с тем в отечественной психологии, применительно к учебной деятельности, еще А. Н. Леонтьевым рассматривалась проблема сознательности учения как смысла, который приобретают усвоенные знания для обучающегося.

Отношение к ученику как субъекту учебной деятельности, утверждающееся в отечественной психологии предполагает переосмысление мотивационно-личностных составляющих ее регуляции [2]. Так, А. Н. Леонтьев к основным функциям мотивов относит функции побуждения и смыслообразования в деятельности. «Вот этот познавательный мотив, – пишет

А. Н. Леонтьев, – и придает деятельности, в том числе и мыслительной деятельности, известный смысл для субъекта, «личностный смысл»...» [3, с. 341]. Согласно В. В. Давыдову, в основные характеристики развивающего обучения, входит представление о том, что ученик сознательно ставит цели самоизменения и творчески их достигает. Из вышесказанного следует, что одним из возможных подходов к переосмыслению мотивационно-личностных составляющих регуляции учебной деятельности является разработка проблемы ИТ как специфических личностных предпосылок успешности учебной деятельности [2]. Таким образом, актуальностью данного исследования является анализ приоритетов в целях и задачах обучения с точки зрения личности как субъекта (а не объекта) учебной деятельности. Основная цель исследования: выявить особенности имплицитной оценки учебных целей и академической самооэффективности учащихся первой ступени высшего образования. Для реализации целей исследования была выбрана методика «Имплицитная оценка интеллекта и академической самооэффективности» К. Двек (модификация Т. В. Корниловой и С. Д. Смирновым) [2; 4]. Согласно исследованиям К. Двек, ИТ играют ключевую роль в успешности обучения. Методика представляет собой опросник, направленный на выявление имплицитных целей учебного процесса. Выборку составили студенты (n=36) 3-го года обучения различных педагогических специальностей социально-педагогического факультета БрГУ имени А. С. Пушкина. Обработка результатов проводилась путем подсчета баллов по выделенным авторами шкалам согласно предоставленного ключа.

Анализ полученных данных позволил установить, что по шкале «Принятие имплицитной теории наращиваемого интеллекта» у 30% от общего числа респондентов был выявлен высокий уровень. Согласно описания шкалы авторами, люди, придерживающиеся теории наращиваемого интеллекта и его обогащения в процессе обучения, не боятся трудностей, рассматривают препятствия как условие дальнейшего интеллектуального роста, ориентированы на обучение и овладение мастерством (компетентность). Низкие показатели по данной шкале выявлены у 70 % опрошенных. Такие студенты ценят легкий успех, стремятся быть лучше других, любые трудности, препятствия, успехи сверстников принуждают их подвергать сомнению свои интеллектуальные возможности.

По шкале «Принятие имплицитной теории обогащаемой личности» высокие показатели обнаружены 75 % опрошенных студентов, низкие – у 25 % респондентов. Студенты с высокими показателями ориентированы на обучение и овладение мастерством, они уверены, что обучение обогащает личность. Респонденты с низкими баллами предпочитают позитивную оценку и избегание неудач, они не склонны воспринимать учебную дея-

тельность в качестве средства развития их личностного потенциала и в целом придерживаются мнения, что личность неизменна.

82% из числа опрошенных по шкале «Самооценка обучения (предиктор результата экзамена, успеваемости)» установлено, что имеют высокую степень оценивания. Данные студенты относят себя к категории успешных студентов и готовы прилагать усилия в достижении высоких результатов в учебной деятельности. Соответственно, 18% опрошенных студентов относят себя к неуспешным студентам и не прилагают особых усилий в достижении каких-либо результатов в учебной деятельности.

По шкале «Принятие целей обучения» установлено, что 75% имеют высокий показатель, что отражает ориентированность на достижение конкретного академического результата, на сам процесс учения и профессиональное мастерство. 15% – имеют низкий показатель по данной шкале.

Необходимо отметить, что три последние шкалы свидетельствуют о выборе и использовании более эффективных метастратегий обучения, навыках саморегуляции и рационального использования учебного времени, более высокой академической самооэффективностью [2].

Обобщение полученных данных позволило сделать выводы:

1. От 75 до 82% (по разным шкалам) будущих педагогов относят себя к категории успешных студентов с ориентацией на достижение конкретного академического результата, на сам процесс учения и профессионального мастерства, используя эффективные метастратегии обучения.

2. Только треть опрошенных студентов придерживающиеся теории наращиваемого интеллекта и его обогащения в процессе обучения, не страшатся трудностей, рассматривают препятствия как условие дальнейшего интеллектуального роста, ориентированы на обучение и овладение мастерством (компетентность).

Анализ полученных данных позволил установить противоречие, заключающееся в ориентации на достижение конкретного академического результата у более чем 75 % опрошенных, при этом 70 % ценят легкий успех и любые трудности заставляют их ставить под сомнение свои интеллектуальные возможности. Следовательно, студенты ставят цели и хотят учиться, но не всегда учебные действия могут соответствовать поставленным целям, что в последствии и приводит к снижению эффективности учебной деятельности в целом. Выявленная проблема подразумевает дальнейшее изучение данных вопросов с целью более детального их освещения.

Литература

1. Зиренко, М. С. ИмPLICITные теории интеллекта и ассертиВность в связях со стилями совладания при принятии решений/ М. С. Зиренко //

Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие : материалы IV междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.Л. Крюкова и др. – Кострома, 2016. – Т. 1. – С. 200–202.

2. Корнилова, Т. В. Модификация опросников К. Двек в контексте изучения академических достижений студентов / Т. В. Корнилова [и др.] // Психол. журнал – 2008. – № 3. – С. 106–120.

3. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев – М. : Смысл, 2001. – 511с.

4. Смирнов, С. Д. Модифицированный вариант методики К. Двек для оценки типов имплицитных теорий интеллекта и личности, присущих студентам / С. Д. Смирнов // Труды СГУ. Гуманитарные науки. Психология и социология образования, 2005. – Вып. 82. – С. 40–55.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. П. ЛЕБЕДИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Романюк

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

В современном быстро изменяющемся мире, предъявляющем серьёзные требования к личности и профессиональным качествам специалистов, значительное количество людей сталкиваются с выгоранием. Как часто молодые люди, только получающие профессиональное образование, задумываются над этим вопросом? Мы заинтересовались тем, знакомы ли наши сверстники с заявленной проблемой, и поставили перед собой задачу обсудить вопрос профессионального выгорания и выяснить, какие категории людей чаще всего сталкиваются с ним.

В литературе по проблеме исследования под профессиональным выгоранием понимается истощение эмоционально-энергетических, умственных и личностных ресурсов человека, развивающееся на фоне сильного хронического стресса на работе. Данный синдром возникает при внутреннем накоплении отрицательных эмоций без соответствующей «разрядки», освобождения от них Э. Морроу, описывая внутреннее состояние работающего человека, находящегося на стадии профессионального выгорания, использует яркий образ «запаха горячей психологической проводки».

Следует отметить, что профессиональное выгорание соотносится с синдромом эмоционального выгорания – состоянием умственного, физического или эмоционального истощения и тревожности, возникающим на фоне сильного стресса. Выгорание обычно связано с неизменной рутинной

и постоянным перенапряжением, которые, в конце концов, выливаются в полное игнорирование своих обычных дел, неприятие и нежелание действовать.

Рассмотрим симптомы профессионального выгорания. Прежде всего следует обратить внимание на постоянное чувство усталости, моральное и физическое истощение. В связи с этим наблюдается падение мотивации, отстраненность от работы, циничное отношение к своим обязанностям, безразличие даже к тем проектам, которые раньше вдохновляли. В этом состоянии снижается работоспособность и продуктивность деятельности, на фоне раздражительности у человека ухудшаются отношения с родными, может проявляться цинизм по отношению к коллегам и клиентам. Умственное истощение проявляется в сильной забывчивости, невозможности сосредоточения внимания.

Находиться долгое время в состоянии выгорания опасно для человека. Это может привести к серьезным негативным последствиям для его жизни, здоровья и благополучия окружающих. Выгорание приводит к клинической депрессии и к различным физическим недомоганиям, таким как частые простуды, обострение хронических болезней и появление новых, ухудшение продуктивности, серьезные ошибки на работе.

Как же восстановиться? Специалисты рекомендуют жить по трём простым правилам. Во-первых, необходимо научиться получать удовольствие от мелочей жизни («мелочь, а приятно!»). Во-вторых, следует организовывать себе качественный отдых («отдых – всему голова!»). В-третьих, хронический стресс, запускающий выгорание, хорошо снимается двигательной активностью, пробуждая силы тела и души («движение – это жизнь!»).

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. Д. ЛЕСИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. А. Губарева

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ С САМООЦЕНКОЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В условиях стремительно развивающейся повседневности каждому человеку приходится ежедневно противостоять высокому уровню неопределённости; страху быть непонятым и отвергнутым из-за своей индивидуальности другими; социальному дистанцированию; неспособности брать ответственность за себя и свою жизнь; и многим другим социальным феноменам. Ко всему этому добавляется ещё явление жесткой конкуренции,

и личности приходится развивать в себе не просто навыки выживания, но и навыки преобразования действительной реальности. Конечно же, это долгий и трудоемкий процесс, который требует не только физических усилий, но и, в большей мере, задействования внутренних ресурсов – разных структур личности. Закладывание и развитие этих структур начинается на ранних этапах становления личности и продолжается в течение всей жизни. Важной вехой в этом процессе является юношество.

Границы юности в психологической литературе определены неоднозначно. В зависимости от критериев исследователей границы определяются значениями между 16 и 21 годами. В этот самый период происходят изменения в иерархии потребностей, формирование и развитие психологических механизмов, оказывающих влияние на процессы развития и самореализации в последующей взрослой жизни. Именно в юношеском возрасте личность способна раскрыться во всех своих аспектах, вступать в совместную специальную (профессиональную) деятельность с другими людьми, развивать свои личностные возможности, включается в самостоятельную жизнь, сепарируясь от родителей. Все это создает необходимые предпосылки для самореализации личности через проявления себя в сферах профессиональных и межличностных отношений [1]. Для того, что развиваться и достигать новых высот современный человек нуждается в наличии таких качеств, как: конкурентоспособность, целеустремленность, уверенность в себе и своих действиях и др. Одним словом быть лидером.

Лидер – это авторитетная личность, которая обладает ценностным, творческим и коммуникативным потенциалом и реализует своё стремление быть руководствующим в своей группе в процессе деятельности; личность, ведущая за собой других, способная обеспечить свободу каждому отдельному индивиду для достижения его собственных целей и удовлетворения потребностей [2]. Иными словами, лидер – это не просто человек, рожденный в семье высокопоставленных людей, которые имеют авторитет в обществе, а человек, которые обладает лидерскими качествами, постоянно их развивая и действуя в соответствии со своими принципами.

Лидерские качества – это совокупность психологических качеств индивида, умений и его способностей взаимодействовать с другими людьми и группой людей, которые способны обеспечить успешное выполнение лидерских задач и функций. Феномен лидерства изучался и продолжает изучаться в разных научных областях: философии и истории, социологии и экономике, и, разумеется, в психологии и педагогике. Наиболее значимый вклад в развитие знания о лидерстве и лидерских качества в частности внесли такие зарубежные авторы как: Р. Стогдилл, К. Бэрд, Е. Хартли, Ф. Карделл, Р. Бейсл, Ф. Слетгер, А. Адлер, З. Фрейд, К. Левин, К. Дж. Ковальски и др. Среди разработки данной темы ответственными психологами

можно отметить труды: А.В. Петровского, Е.М. Дубовской, Б.Д. Парыгина, Р.Л. Кричевского, М.Г. Ярошевского, Л.И. Уманского и М. Рыжака [2].

Значительную роль в формировании личности лидера играет самооценка. Самооценка определяет социальную адаптацию личности, выступает в роли регулятора его поведения и деятельности. С величиной самооценки связана удовлетворенность и неудовлетворенность человека, возникающие в результате достижения успеха или проявления неуспеха. В своей деятельности человек обычно стремится к достижению таких результатов, которые согласуются с его самооценкой, способствуют ее укреплению, нормализации [1].

Исследование проводилось на базе УО «БрГУ имени А.С. Пушкина».

Нами было отобрано 44 респондента в возрасте от 18 до 21 лет – студенты факультета физического воспитания и здоровья и студенты психолого-педагогического факультета. Среди них 25 юношей и 19 девушек.

Основной задачей исследования было определение взаимосвязи проявления лидерских качеств и самооценки в юношеском возрасте. В результате корреляционного анализа было установлено существование статистически значимых связей между адекватностью самооценки студентов и проявлением у них лидерских качеств. Коэффициент линейной корреляции показателей уровня самооценки выборки с показателями шкалы лидерских качеств отразил взаимосвязь средней значимости ($r = 0,515885$).

Полученные в ходе исследовательского процесса данные позволяют сделать вывод о том, что существует тенденция увеличения уровня развитости коммуникативных способностей и уровня проявления лидерских качеств при возрастании показателя адекватности самооценки на обоих факультетах. Эти данные имеют прикладное значение. Они позволяют выявить какая самооценка чаще всего встречается среди лидеров и могут быть использованы педагогами в ВУЗах, ССУЗах и рабочими руководителями для выстраивания межличностных отношений в коллективе, при организации совместной деятельности.

Литература

1. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология : учебник / Л. Ф. Обухова. – М. : Юрайт, 2011. – 460 с.

2. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект – ПРЕСС, 2001. – 378 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Л. Л. ЛИТВИНЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е. И. Медведская

МЕТОДЫ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЯ ДЕТЕЙ ВОСПИТАТЕЛЯМИ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Порядок и правила поведения делают жизнь детей понятной и предсказуемой, создают чувство безопасности (Ю. Б. Гиппенрейтер).

Дисциплинирование ребенка является базовым компонентом воспитания и социализации детей. Это прежде всего забота о будущем ребенка, гарантия его успешной социализации во взрослой жизни, формирование навыков внутреннего контроля, умение налаживать эффективные взаимоотношения с окружающими (И. А. Фурманов).

Настоящее эмпирическое исследование было посвящено изучению методов дисциплинирования детей воспитателями дошкольного образования с разными стилями педагогического общения.

Для сбора данных использовались методы анкетирования и заполнения карт наблюдений. Посредством анкетирования (анкета «Диагностика стиля педагогического общения воспитателя ДООУ») был изучен стиль педагогического общения воспитателей. Для изучения особенностей дисциплинирующего поведения воспитателей был использован авторский вариант карты наблюдений, созданный на основе систематизации теоретических данных о наиболее популярных методах дисциплинирования (И. А. Фурманов, А. Бандура и др.). Для описания результатов исследования использован дескриптивный анализ (Е. И. Медведская).

В карты наблюдений включены следующие наблюдаемые единицы: обсуждение правил поведения; объяснение правил и последствий различных форм поведения; поощрение позитивных действий ребенка/детей; ограничение общения с ребенком/детьми, игнорирование; изоляция ребенка/детей (усаживание на «стул послушания», постановка к «стене раздумий», закрывание в другом помещении; голос воспитателя не доминирует над голосом детей; голос воспитателя доминирует над голосом детей; порицания, относящиеся к действиям, а не к личности ребенка; порицания, относящиеся к личности, а не к действиям детей; физическое наказание; акцентирование внимания детей на положительных примерах поведения ровесников.

В исследовании приняли участие 20 воспитателей дошкольного образования, чей возраст составил от 19 до 55 лет. Все респонденты – сотрудники одного учреждения дошкольного образования г. Бреста.

При диагностике стиля педагогического общения выявлено, что 10 % воспитателей во взаимодействии с воспитанниками придерживаются авторитарного стиля руководства, 65 % воспитателей – демократического и 25 % – либерального стилей руководства.

При авторитарном стиле руководства воспитатели часто применяют объяснение правил и последствий различных форм поведения (100 %). В разговоре голос воспитателя доминирует над голосом детей (100 %). В случаях непослушания прибегают к изоляции детей путем закрывания в другом помещении, усаживании на «стул послушания» (100 %). Всегда при выражении неодобрения используют порицания, относящиеся к личности детей (100 %).

Воспитатели с демократическим стилем общения также придерживаются частого обсуждения, объяснения правил и последствий различных форм поведения (69 %). Однако при общении голос взрослого, как правило, не доминирует над голосом детей (77 %). Если педагоги и повышают голос, то только для привлечения внимания. В редких случаях воспитатели ограничивали общение с ребенком, усаживали на «стул послушания» (23 %).

При либеральном стиле общения голос воспитателя не доминирует над голосом детей (80 %). Как правило, обсуждают с детьми правила поведения, объясняют их и последствия различных форм поведения (80 %). В период наблюдения не применяли такие методы дисциплинирования, как изолирование и ограничение общения с детьми.

Как при демократическом (65 %), так и при либеральном (90 %) стилях педагогического общения воспитатели в равной степени иногда используют порицания, относящиеся как к личности, так и к действиям детей ($\phi = 1,18$ при критическом $\phi = 1,64$ для $p \leq 0,05$).

При всех трех стилях руководства воспитатели преимущественно применяют в качестве методов дисциплинирования поощрение позитивных действий детей и акцентирование внимания детей на положительных примерах поведения ровесников (авторитарный стиль – 75 %, демократический – 69 %, либеральный – 60 %).

Физическое наказание, как метод дисциплинирования, не применялось воспитателями с разным стилем педагогического общения.

Таким образом, при авторитарном стиле руководства преобладают методы дисциплинирования, основанные на использовании силы и власти взрослого. При демократическом и либеральном стилях педагогического общения дисциплинирование направлено, прежде всего, на разъяснение ребенку его поведения и разумности соблюдения дисциплины.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

ЛИУ ЛИХИН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – А. В. Северин

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В настоящее время существуют различные направления и работы, отражающие понятие эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект понимается как способность человека понимать и контролировать как свои эмоции, так и эмоции другого человека (Р. Бар-Он, Н. Холл, Д. Гоулман, Д. В. Люсин, И. Н. Андреева, И. И. Ветрова и т. д.). Однако не существует единой концепции об эмоциональном интеллекте и недостаточно изучены связи между эмоциональным интеллектом и психологическим благополучием.

Актуальность исследования обусловлена постоянными изменениями в способах коммуникации человека. За последние несколько лет условия для межличностного общения претерпевают большие перемены. С появлением и распространением смартфонов, планшетов и других гаджетов, молодежь все чаще общается посредством социальных сетей, не видя лица собеседника и не слыша его интонации. Теряется контакт «лицом к лицу». Эмоциональный интеллект является важной стороной когнитивных способностей человека. В связи с изменениями способов межличностного общения, меняется и эмоциональная составляющая человеческого контакта. Общение становится все более опосредовано знаками и символами, а каналом передачи выступают технические устройства. Это искажает содержание речи и глубину переживаний, которые передают при диалоге.

Интернет-зависимость или патологическое использование интернета приводит к аддикции в поведении студентов. В результате этого нарушается эмоциональное самочувствие студентов, снижается эффективность их учебы, происходит развитие психических заболеваний и др.

Однако несмотря на установленный психологами факт нарушения эмоциональной сферы пользователей виртуального пространства, еще недостаточно освещены вопросы о взаимосвязи эмоционального интеллекта пользователей и уровня интернет-зависимости. В связи с этим нами планируется проведение исследования по изучению эмоционального интеллекта студентов с разным уровнем интернет-зависимости. Актуальность исследования обусловлена поиском путей повышения позитивной социализации студентов, гармонизации их эмоционального состояния и взаимодействия с другими людьми, с обществом в целом.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. М. ЛУЗЬКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Н. И. Селех

РОЛЬ ПЕДАГОГА В ФОРМИРОВАНИИ САМООЦЕНКИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

«Адекватная самооценка ребенка – залог психологической стабильности». Актуальность темы исследования связана с тем, что большинство педагогов не учитывают некоторые аспекты и особенности личности. Одним из таких факторов является самооценка. Корректировка самооценки поможет не только улучшить свои результаты в процессе обучения, но также утвердить свои позиции в обществе. Проблема возникновения и развития самооценки является одной из центральных проблем становления личности ребенка. Ведь при рождении ребенок не имеет сформированной самооценки. По мнению Л. С. Выготского, самооценка начинает складываться в 7 лет как устойчивое отношение к себе.

Обучение детей в начальной школе коренным образом меняет их социальную ситуацию. Ребенок становится социальным субъектом, который имеет свои обязанности, несущие за собой общественную оценку.

Учитель с начала учебного периода является авторитетом для детей младшего школьного возраста, и это имеет значительное воспитательное воздействие на них. Поэтому учителю начальных классов необходимо знать и учитывать индивидуальные особенности самооценки детей в учебном процессе, для осуществления индивидуального и дифференциального подхода в обучении [1].

В развитии самооценки младшего школьника большую роль играет как оценка учителя, так и достижения в учебе. Роль этих влияний исследовал Б. Г. Ананьев. Он указывает на необходимость обращать внимание на стимулы школьников к оценке их поведения, от которой происходит осознание уровня развития личности. Ценности и традиции, привитые в семье и в школе, в дальнейшем определяют его самооценку и помогают правильно строить отношения с взрослыми и другими детьми, также оценивать себя, как личность.

Во время учебного взаимодействия школьнику предоставляется обратная связь, в ходе которой он видит и свои плюсы, достоинства, если его действия правильные и действительно полезные, что говорит о позитивной обратной связи. А если же в негативной форме выражается обратная связь, то это помогает ребёнку осознавать, что его действия неправильны. Поэтому педагогу важно стараться давать положительную обратную связь,

чтобы не навредить ученику, но не стоит переусердствовать, надо хвалить и замечать только когда ребенок этого действительно заслуживает.

Следует отметить, что учитель, по утверждению Б. С. Волкова, организуя учебную деятельность, обращает внимание обычно только на достигаемые детьми результаты, учитывая их умственные возможности, не обращая должного внимания на самооценку ребёнка, его собственные представления о характере и уровне организации своих возможностей в разных учебных ситуациях. Между тем, именно от этих подходов зависит самоуверенность ученика в своих силах, осознание результата как успеха или неуспеха, отношение к допущенным ошибкам. Поэтому при организации уроков важно учитывать все составляющие, чтобы всесторонне развивать личность ученика и гармонизировать его развитие.

Активность, находчивость, бодрость, чувство юмора, общительность, желание идти на контакт – вот те качества, которые свойственны детям с адекватной самооценкой. Они охотно участвуют в играх, не обижаются, если оказываются проигравшими. Пассивность, мнительность, повышенная ранимость, обидчивость часто свойственны детям с заниженной самооценкой. Они не хотят участвовать в играх, потому что боятся оказаться хуже других, а если участвуют в них, то часто обижаются. Иногда дети, которым дается негативная оценка в семье, стремятся компенсировать это в общении со сверстниками. Они хотят всегда и везде быть первыми и принимают близко к сердцу, если это им не удастся. При завышенной самооценке дети во всем стремятся быть лучше других [2].

Таким образом, самооценка младшего школьника характеризуется рядом особенностей, которые связаны с тем, что в связи с поступлением в школу и сменой ведущего вида деятельности самосознание ребенка младшего школьного возраста развивается, а его структура укрепляется, наполняясь новыми ценностными ориентациями относительно окружающего мира и самого себя. Эмоциональное отношение к оценкам извне, особенно полученным от значимых взрослых, накладывает отпечаток на характер восприятия ребенком себя как личности.

Литература

1. Савинова Е. Ю. Исследование уровня самооценки младших школьников / Е. Ю. Савинова // Педагогическое мастерство: материалы междунар. науч. конф., Москва, апр. 2012 г. – М. : Буки-Веди, 2012. – 180 с.
2. Сапогова, Е. Е. Психология развития человека / Е. Е. Сапогова. – М. : Аспект-Пресс, 2001. – 460 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. В. ЛУКАШУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Н. В. Былинская

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Профессия психолога относится к социономическим профессиям типа «человек – человек», что ведёт к повышенному риску возникновения профессиональной деформации личности. Потенциальная профессиональная деформация студентов – это изменение личности студента, вызванное приобретением знаний и навыков, необходимых для работы по выбранной специальности, на стадии обучения в результате высокой специализации. Это изменение личности со временем приобретает стойкий характер и является предпосылкой для закрепления профессиональных деформаций в последующей деятельности психолога [1].

Цель настоящего исследования заключалась в изучении иррациональных установок у студентов-психологов как предпосылок формирования потенциальной профессиональной деформации личности. В исследовании приняли участие студенты второго (n=15) и третьего (n=15) курсов УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина». В исследовании была использована диагностика иррациональных установок А. Эллиса. Вторичная обработка данных осуществлялась посредством вычисления критерия U-Манна-Уитни.

Результаты исследования на выявление наличия и степени выраженности иррациональных установок у студентов-психологов показывают демонстрирует, что у студентов второго курса средний показатель по шкалам «Катастрофизация» и «Долженствование в отношении себя» ниже, чем у третьекурсников; по шкале «Долженствование в отношении других» обратная ситуация. Также можно отметить, что среднее значение по этим показателям находятся на нижней границе средней выраженности иррациональных установок. Это говорит о том, что второкурсники более склонны к оцениванию неблагоприятных событий как ужасных и невыносимых, а также имеют более завышенные требования к себе. Таким людям кажется, что они что-то делают недостаточно хорошо, недостаточно много, могут появляться мысли следующего вида: «я недостаточно стараюсь», «я не заслужил хорошего отношения к себе», «нужно быть во всех отношениях компетентным, адекватным, разумным и успешным», «нужно всё знать, всё уметь, всё понимать и во всём добиваться успеха». На свои неудачи и ошибки

реагируют остро и болезненно, обвиняют себя в том, что недосмотрели, недостаточно постарались. Можно сформулировать их убеждение следующим образом: «Я должен добиваться успеха и получать одобрение значимых других, а если я не делаю того, что должен и обязан, значит, со мной что-то не в порядке. Это ужасно, и я ничтожество». Слова «я должен», «я должна» и им подобные, студенты используют в ситуациях, где, как им кажется, отсутствует любая альтернатива.

Также было выявлено, что третьекурсники более склонны к долженствованию в отношении других. У людей, имеющих эту установку, есть чёткая картина, как должны вести себя другие люди с ними, что говорить и что делать. Однако, на практике невозможно создать вокруг себя окружение, которое полностью бы оправдывало собственные ожидания. На основе этой установки может развиваться профессиональная деформация. Причины возникновения этой установки могут быть такими же, как и в установке долженствования, однако люди не согласившись с требованиями среды, теперь не они должны кому-то, а все должны им.

Статистически значимых различий у студентов-психологов 2 и 3 курсов не зафиксировано. Это значит, что второкурсники и третьекурсники одинаково склонны к проблематизации и пессимизму – когнитивным искажениям, в следствие которых студент может идентифицировать себя с проблемами других, переносить полученные знания на личную жизнь, а также формировать стереотипы относительно других. Для студентов характерен догматизм: завышенные требования к себе и другим, мышление по типу «я делаю либо идеально, либо никак», твёрдые неизменные установки, которые принимаются без критического переосмысления и сомнений. Люди с таким типом мышления видят всё в «чёрно-белом» фильтре и склонны мыслить крайностями.

Таким образом, обнаруженные у студентов-психологов иррациональные установки могут привести к возникновению и развитию стресса, а в дальнейшем и профессиональной деформации. Коррекция иррациональных установок на данном этапе будет иметь высокую степень эффективности в контексте переосмысления данных установок и возникновению более адаптивных (рациональных). Это может способствовать значительному снижению вероятности возникновения профессиональной деформации личности, что с свою очередь повлечёт не только более успешное выполнение профессиональной деятельности, но и снижение вероятности дезадаптации личности, в том числе и в социальной и личностной сферах.

Литература

1. Сапего, Е. И. Изменения профессиональных деформаций личности студентов в ходе проведения формирующего эксперимента / Е. И. Сапего // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2013. – № 6. – С. 66–70.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. В. ЛУКАШУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – Е. И. Медведская

НОЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОШЕК И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО КОРРЕКЦИИ

Владельцы кошек часто или фактически неизбежно встречаются с одной кошачьей особенностью: дом засыпает – просыпается кот. Для кошек, как и для большинства живых организмов, характерны ритмические процессы, происходящие в центральной нервной системе, необходимые для ориентации поведения во времени. Предки домашних кошек были ночными хищниками, именно по этой причине и наблюдается определенный циркадный ритм, при котором пик активности приходится именно на ночное время суток [1]. Если с причинами ночной активности все довольно закономерно, то остается открытым вопрос о возможности коррекции такого неудобного для владельца поведения его домашнего любимца.

В качестве метода исследования был выбран эксперимент, т. к. его цель заключается в выработке новой поведенческой привычки у животного. Гипотеза исследования: если выработать у кошки привычку играть в другое время суток (утром/вечером), то это снизит ее ночную игровую активность. В качестве независимой переменной выступают активные игры с кошками на протяжении около 15 минут, в качестве зависимой – время собственной ночной активности животного. Для фиксации переменных используются часы: ежедневно фиксируется время начала игры с кошкой, ее продолжительность, а также время, в которое у кошки проявляется собственная, естественная активность. Подобная фиксация осуществляется в течение 5 дней до и 5 дней после экспериментального воздействия.

Для проведения эксперимента был выбран квазиэкспериментальный план дискретных серий, так как по этому плану реализуется большинство формирующих экспериментов. Схема эксперимента выглядит следующим образом:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30

Методика проведения: для выработки привычки, согласно исследованию Ф. Лэлли [2], необходимо от 18 до 254 дней. Было принято решение проводить эксперимент 28 дней, в течение которых котам предлагались игры в определенное время, так как предполагается, что сама игра является позитивным подкреплением, что и может сократить время формирования привычки. До проведения эксперимента и после фиксируется время, в которое кот сам проявляет наибольшую активность.

В качестве испытуемых выступили трое животных. Двое образовали экспериментальную группу: 1) кот Кот, с которым игры проводились утром в промежутке с 9 до 10 часов и 2) кошка Жижя, игры с которой, соответственно, осуществлялись вечером в промежутке с 18 до 19 часов. Контрольную группу, у которой измерялось только время ее спонтанной активности, составила кошка Лоли.

Результаты эксперимента подтвердили высказанную гипотезу. У двух кошек экспериментальной группы была зафиксирована положительная динамика: если до экспериментального воздействия время, в которое кошки проявляли активность, находилось в диапазоне между 23:00 и 02:00, то после у первой группы время активности сместилось на 09:00–11:00, а во второй группе на 17:30–19:00. В контрольной группе изменений зафиксировано не было.

Таким образом, результаты исследования не противоречат выдвинутой гипотезе о возможности коррекции ночной активности кошек. Важно отметить, что описанный эксперимент был пилотажным, поэтому для получения более достоверных данных необходимо дальнейшее исследование данной проблемы. Но даже в таком ограниченном формате результаты проведенного эксперимента демонстрируют возможность целенаправленного регулирования инстинктивного поведения животных.

Литература

1. «Биологические часы» и сон кошек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://voronezhvet.ru/biologicheskie-chasy-i-son-koshek/>. – Дата доступа: 22.09.2022.

2. How are habits formed: Modelling habit formation in the real world / P. Lally et al. // European journal of social psychology. – 2010. – № 40. – P. 998–1009.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Л. Д. ЛЮНДЫШЕВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель – С. В. Головня

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

В настоящее время отмечается тенденция существенного возрастания у людей психологического напряжения. Ввиду цейтнота, информационной перегрузки, весьма динамичного ритма жизни человек становится потенциально подвержен возникновению психических заболеваний. Важно указать, что отклонения находятся всегда за пределами нормы. Целесообразно в данном контексте упомянуть разновидности психических отклонений: например, маниакально-депрессивный психоз, психопатия, шизофрения, рассмотрению которой мы уделим наше внимание далее.

Начнем с определения понятия. Шизофрения – «наследственно-конституциональное прогрессивное психическое заболевание, характеризующееся рядом патогармоничных психопатологических симптомов и синдромов» [1, с. 243]. Этиология (т. е. причины) данного заболевания достаточно многообразна: наследственность, неблагоприятная среда, социальные условия жизни, ранняя детская психологическая травма. Важное значение в развитии шизофрении имеют факторы макросреды. По статистике у городских жителей заболевание диагностируется чаще, чем у сельских. Существует вероятность возникновения данного психического расстройства у мигрантов. Также при шизофрении имеют место быть органическая патология – инфекционные заболевания (до и во время беременности – грипп, герпес и т. д.) [2].

Следует отметить, что в мире шизофренией страдают около 1 % населения (70 млн. человек). Эпидемиология (распространенность) заболевания сильно варьирует. Традиционно в категории «риска» располагаются: художники, музыканты, деятели науки (поэты, ученые и т. д.).

Далее перейдем к феноменологии. Для такого человека свойственны нарушения преимущественно восприятия и мышления. На ранних стадиях течения болезни у людей сохраняется как ясное сознание, так и интеллектуальные способности, но со временем могут появиться когнитивные нарушения (трудности в обработке большого массива сенсорной информа-

ции): «Кажется, что все выливается на меня сразу». Наиболее типичным нарушением восприятия при шизофрении являются галлюцинации – ложная констатация действительности (зрительные, слуховые, обонятельные). Например, человек слышит голоса, которые комментируют или управляют его поведением. Причем он абсолютно убежден в истинности данных фактов [3].

Отметим нарушения мышления (бред и убеждения): «Мне кажется, что ничего не может остановиться, мысли скачут в моей голове и распадаются на части, распадаются на куски мыслей и образов, как разорванная картина» [3].

Классический пример человека с данным заболеванием демонстрирует фильм «Игры разума» (США, 2001). Его звали Джон Нэш. Главный герой обладал неординарными математическими способностями. По сути, он смог социализироваться: создать семью, реализовать себя в рамках профессиональной деятельности и пр. Однако «симптоматика» заболевания не оставляла его на протяжении всей жизни. В качестве ключевого аспекта выступали галлюцинации и отсутствие критичности, т. е. как раз таки нарушения восприятия. Это проявлялось в следующем: его постоянно сопровождали секретный друг-агент ЦРУ и маленькая девочка, так называемая «специальная операция» в Пентагоне, которую он сам разрабатывал. Зрительные галлюцинации чуть не погубили дочь Джона, которую он пытался утопить в ванной под предлогом спасения.

Таким образом, уместно сделать вывод, что больные шизофренией специфично воспринимают окружающий мир и за счет этого изолируются от общества. Так же могут страдать нарушениями сна, эмоциональной холодностью, галлюцинаторными проявлениями. Однако, на примере главного героя фильма «Игры разума», мы можем констатировать: существенное влияние оказывает ближайшее окружение больного, их вера, желание и возможности помогать, не опускать руки. Безусловно, очевиден тот факт, что от данного заболевания «избавиться» полностью человек объективно не в силах. Но больной может минимизировать степень проявления отдельных симптомов при поддержке ближайшего окружения, наличии желания и понимания, где заканчиваются границы реальности и возникает ложное восприятие.

Литература

1. Менделевич, В. Д. Клиническая и медицинская психология / В. Д. Менделевич. – М. : «МЕДпресс», 1999. – 592 с.
2. Лишова, Е. А. Шизофрения [Электронный ресурс]. / Е. А. Лишова. – Режим доступа : <https://www.invitro.ru/i/27471>. – Дата доступа : 08.10.2022.

3. Валитова, И. Е. Клиническая психология : учеб.-метод. комплекс / И. Е. Валитова. – Брест : БрГУ, 2013. – 333 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

О. Н. ЛЯХ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. В. Северин

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ

Первыми систематические исследования проблемы интернет-зависимости занимались такие ученые, как: Ю. Д. Бабаева, В. А. Бурова, А. Е. Войскунский, И. Голдберг, А. Жичкина, О. В. Смыслова, К. Янг и др. Любой человек может столкнуться с интернет-зависимостью, из этого следует, что вопросы, связанные с нарастающей компьютеризацией, развитием и доступностью интернет-технологий, которые при неправильном использовании ведут к зависимости, так и остаются открытыми.

Мы можем заметить, что лицам юношеского возраста, склонным к интернет-аддикции, присущи такие личностные особенности, как определенные типы акцентуаций характера (возбудимый, эмотивный, дистимный, циклоидные типы), отчужденность, сдержанность и обособленность, нетерпимость, требовательность и сверхактивность, стремление доминировать в межличностных отношениях и низкий самоконтроль.

Скромные и застенчивые юноши и девушки также могут делать выбор в сторону онлайн мира. Ведь там намного легче примерить на себя новый, идеальный образ, там ты можешь быть кем угодно. Укрепляет развитие этой зависимости факт наличия, анонимности и невозможности проверить, насколько представленная о себе информация действительна. Как показывает ряд психологических исследований, «жертвами» интернета становятся люди, у которых наблюдается неудовлетворенность собой, заниженная самооценка, неспособность создавать и поддерживать гармоничные отношения с другими, в реальном мире [1].

В качестве внутриличностных факторов, которые считаются предрасполагающими в формировании зависимости, выступают личностные особенности аддиктов. Некоторые авторы, опираясь на свои исследования, отмечают, что такие качества, как лживость, склонность винить во всем других, манипулятивность, безответственность и преувеличение своих достоинств, могут способствовать развитию в человеке зависимого поведения [2].

Важно понимать, что зависимое поведение может быть вызвано действием защитных механизмов личности. Семейные, социальные и личностные сложности могут повлиять на развитие и закрепление интернет-аддикции. Предполагаем, что лицам юношеского возраста склонным к интернет-аддикции, могут быть присущи такие личностные особенности, как повышенная возбудимость, сниженный уровень самоконтроля поведения и склонность к проявлению аффектотимии.

Зависимость – это нахождение в чьей-либо власти, в чем-либо подчинении, связанный в своих действиях, мыслях и т. п. чужой волей, влиянием. Зависимость может привести к семейным конфликтам и дистанцированию от людей, снижению общего самочувствия и усталости, раздражению и снижению умственных показателей, а также в целом существенно снизить качество жизни личности. Намного легче заниматься профилактикой зависимости, чем в дальнейшем её лечением.

Литература

1. Информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberpsy.ru/articles/factory-internet-zavisimosti/>. – Дата доступа: 01.11.2022.

2. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. – СПб. : Речь, 2007. – 416 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. И. ЛЯЩУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. Э. Синюк

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ У СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

Общеизвестно, что становление специалиста-профессионала начинается в юношеском возрасте в процессе обучения в вузе. Специфика помогающих профессий предъявляет серьезные требования к личности студентов – будущих психологов, социальных педагогов, специалистов по социальной работе, к их способности оказывать влияние на других людей, противостоять воздействию различных стрессоров. В этой связи методическое обеспечение развития способности противостоять воздействию стрессоров (стрессоустойчивости) должно ориентироваться как на специфику профессиональной деятельности, так и на возрастные особенности юношеского возраста.

Профессии, направленные на помощь и поддержку человека в трудной жизненной ситуации с заложенными в них традициями и принципами помогающей деятельности, существуют с самых давних времен. Основная цель помогающих профессий заключается в повышении качества жизнедеятельности человека, обратившегося за помощью, и активизации его внутреннего потенциала [9]. Однако плодотворная работа специалиста возможна только при условии его личностной стабильности. Именно поэтому одной из основных составляющих профессиональной деятельности помогающего специалиста является потребностно-мотивационная сфера.

В современной психологии мотивация определяется как побуждения, вызывающие активность личности и определяющие ее направленность. Термин «мотивация» в широком смысле используется при исследовании причин и механизмов целенаправленного поведения личности. В более узком смысле мотивацию рассматривают как процесс образования мотива либо как совокупность мотивов [1]. Проблемный аспект изучения потребностно-мотивационной сферы личности состоит в том, что, несмотря на неугасающий интерес к этой теме (А. Г. Асмолов, В. Г. Асеев, К. А. Абульханова-Славская, Е. П. Ильин, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова и др.), по сегодняшний день вопрос психологической природы данного феномена требует глубокой теоретико-методической проработки.

Проблему мотивации в русскоязычной психологии занимались многие ученые. Так, С. Л. Рубинштейн [2] предложил потребностный подход к рассмотрению мотивов; В. Н. Мясищев [3] анализировал мотивы как отношения личности; А. Н. Леонтьев [4] создал теорию деятельностного происхождения мотивационной сферы человека; П. М. Якобсон [5] связал мотивационную сферу с деятельностью и основными свойствами личности; В. Д. Шадриков [6] также изучал деятельностный аспект мотивации; Д. Н. Узнадзе [7] рассматривал мотивы в связи с теорией установки; В. С. Мерлин [8] уделял большое внимание исследованию мотивации в личностном плане.

Анализ же исследований по заявленной проблематике обнаруживает, что основное внимание в данных работах уделяется рассмотрению организационных факторов и внешних условий деятельности, в меньшей степени – влиянию мотивационных факторов на стрессовую реакцию. Поэтому, на наш взгляд, важными и необходимыми представляются исследования, посвященные определению специфики потребностно-мотивационной сферы личности студентов помогающих профессий. Только гармоничная мотивированная личность может всецело раскрыться в профессии. Человек, ответственно подходящий к своему делу, прекрасно реализовывается в профессии и стремится решить свои индивидуальные проблемы, чтобы иметь ресурс помочь в этом нелегком деле другому.

Литература

1. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М. : Педагогика-Пресс, 1996. – 140 с.
2. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 308 с.
3. Мясищев, В. Н. Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1960.– 428 с.
4. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев [и др.]. – М. : Смысл ; Академия, 2005. – 352 с.
5. Якобсон, П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека / П. М. Якобсон. – М. : Просвещение, 1969. – 391 с.
6. Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности человека / В. Д. Шадриков. – 2-е изд. – М. : Логос, 1996. – 320 с.
7. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.
8. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. – М. : Педагогика, 1986. – 254 с.
9. Кораблина, Е. П. Диалогическое обучение при подготовке психологов-консультантов / Е. П. Кораблина, П. Д. Абрамова // Новые модели коммуникации в образовательной среде / под науч. ред. и авт.-сост. Т. В. Анисимова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 97–103.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)**Е. Н. МАНЧАК**

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
 Научный руководитель – С. Л. Ящук

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СЭВ У ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Профессиональная деятельность занимает значительное место в жизни каждого человека. При этом роль профессии носит не только позитивный, связанный с развитием личности, но порой негативный, разрушительный характер, связанный с формированием деструктивных черт в поведении субъекта труда.

Одним из таких отрицательных последствий является синдром эмоционального выгорания, который снижает эффективность выполнения должностных обязанностей и оказывает пагубное воздействие на психическое и соматическое здоровье человека.

Исследование различных аспектов выгорания осуществлялось такими учеными, как: В. В. Бойко, Н. Е. Водопьянова, К. Маслач, Л. М. Митина, В. Е. Орел, Г. Селье, Д. Трунов, Н. В. Кузьмина, Ю. П. Поваренков, В. Д. Шадриков и др. Среди белорусских ученых симптом эмоционального выгорания исследовали М. М. Скугаревская, А. В. Ракицкая, Е. И. Медведская и др.

Среди индивидуальных предпринимателей существует проблема эмоционального выгорания, которая проявляется в повышенной раздражительности, агрессивности, тревожности, негативных изменениях в ценностно-нравственной ориентации личности и др., и при этом не осознается ими. Особенности функционирования эмоциональной сферы индивидуального предпринимателя, навыки его эмоциональной саморегуляции, стрессоустойчивость входят в структуру его профессионально важных качеств.

В этой связи изучение особенностей эмоционального выгорания у индивидуальных предпринимателей востребовано психологической наукой и практикой, поскольку оно позволит определить особенности совокупного влияния профессиональной деятельности на личность работника, раскрыть механизмы взаимодействия субъекта деятельности и организационной среды, а также выявить специфические факторы, детерминирующие развитие синдрома.

Цель исследования – выявить особенности проявления синдрома эмоционального выгорания индивидуальных предпринимателей.

Для достижения поставленной цели использовались следующие методы эмпирического исследования: метод опроса (методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко; Тест-опросник диагностики уровня эмоционального выгорания К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой; методика «Шкала психологического стресса PSM-25» (Н. Е. Водопьянова), тест Т. Лири.

Проведенное нами эмпирическое исследование позволило установить, что большинство индивидуальных предпринимателей находятся на второй стадии эмоционального выгорания – «напряжение». Преобладающим являются такие симптомы эмоционального выгорания, как неадекватное эмоциональное реагирование и деперсонализация. Часто встречается средний уровень стресса, что говорит о высокой стрессогенности сферы деятельности индивидуальных предпринимателей.

Эмпирическое исследование выявило личностные особенности индивидуальных предпринимателей. Индивидуальные предприниматели обладают средне выраженным авторитаризмом, эгоизмом, агрессивностью, подозрительностью, подчиняемостью, зависимостью, высоким дружелюбием и эгоизмом.

Установлены достоверные взаимосвязи между следующими показателями с помощью коэффициент корреляции Пирсона:

- прямая взаимосвязь между уровнем стресса и эмоциональным истощением. Следовательно, чем выше переживаемый уровень стресса, тем выше эмоциональное истощение;

- обратная взаимосвязь между показателем «отстраненности» и дружелюбием. Это означает, чем выше переживание отстраненности, тем ниже дружелюбие, и наоборот;

- обратная взаимосвязь между отстраненностью и альтруизмом, следовательно, чем выше один показатель, тем ниже другой. То есть при высоком альтруизме будет низкая отстраненность;

- прямая взаимосвязь между психосоматическими нарушениями и агрессивностью, подозрительным и авторитарным типом личности;

- прямая взаимосвязь между эмоциональным истощением и авторитарным, подчиняемым и зависимым типами личности;

- прямая взаимосвязь между деперсонализацией и агрессивным типом личности. То есть при агрессивном типе личности больше вероятности деперсонализации;

- прямая взаимосвязь между редукцией профессиональных достижений и эгоизмом и подозрительным типом личности.

Полученные результаты теоретического анализа и эмпирического исследования могут стать основанием для разработки программы профилактики синдрома эмоционального выгорания у индивидуальных предпринимателей, снижения уровня стресса в профессиональной деятельности.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. В. МАРЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. Е. Марченко

КОМПОНЕНТЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Проблема саморегуляции – краеугольный камень психологии личности (Л. И. Божович, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, С. Л. Рубинштейн, и др.). Особое внимание исследователей приковано к подростковому возрасту, который рассматривается как один из ключевых в развитии способности к саморегуляции поведения.

В проведенном исследовании приняли участие 35 обучающихся ГУО «Средняя школа д. Черни» в возрасте 13–15 лет. Использовался тест-опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой.

Была установлена выраженность различных компонентов саморегуляции поведения у подростков: планирование (высокий уровень – 1 / 3; средний – 17 / 48,9; низкий уровень – 17 / 48,5); моделирование (высокий уровень – 2 / 6; средний – 18 / 51; низкий уровень – 15 / 43); программирование (высокий уровень – 5 / 14; средний – 16 / 46; низкий уровень – 14 / 40); гибкость (высокий уровень – 5 / 14; средний – 15 / 43; низкий уровень – 15 / 43); оценка результатов (высокий уровень – 3 / 9; средний – 23 / 65; низкий уровень – 9 / 26); самостоятельность (высокий уровень – 5 / 14; средний – 14 / 40; низкий уровень – 16 / 46).

Типичными являются средний и низкий уровни по большинству компонентов. Только по оцениванию результатов большинство школьников характеризуется средним уровнем сформированности саморегуляции. Это можно объяснить тем, что школьники в рамках школьной учебы постоянно сталкиваются с оцениванием и необходимостью самооценивания.

При комплексной оценке саморегуляции установлено, что типичным является средний уровень (53 %). У трети подростков выявлен высокий уровень и у оставшихся 17 % – низкий уровень саморегуляции поведения.

Полученные данные позволяют определить следующие актуальные направления коррекционно-развивающей работы психологов с подростками – развитие программирования и гибкости, а также самостоятельности саморегуляции поведения.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. И. МАСЛО

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – О. К. Войтко

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОНКОПАЦИЕНТОВ

У онкологических больных ценностная сфера имеет особое строение, и временная локализация не связана со смысловым будущим. Основными психологическими характеристиками онкологических больных являются: высокий уровень тревожности, депрессия, особая структура смысловой сферы, отсутствие направленности на будущий смысл жизни, зависимость психического состояния от стадии диагностики и лечения заболевания [1]. Сообщение о диагнозе злокачественного заболевания почти всегда является для человека большим бременем, сопровождается рядом негативных эмоциональных состояний [2].

Основными направлениями исследований в этой сфере являются: изучение реагирования больного на поставленный диагноз [1], проблемы

взаимодействия болезни и личности [3]. Такая психологическая травма несет в себе реальную опасность фрагментации личности, сведения жизни к минимальным стереотипным реакциям, проявляющимся в потере смысла и жесткой привязанности к другим. Выявлена связь между глубокими эмоциональными реакциями на заболевание и низким риском рецидива при условии принятия в дальнейшем изменившейся жизненной ситуации. В ряде исследований показано, что заболевания с разной локализацией характеризуются разными психическими состояниями: рак легких, надпочечников, поджелудочной железы – острый страх, желание; рак печени и пищевода – галлюцинаторные переживания; рак молочной железы – беспокорство, депрессия [2; 3].

Целью проведенного исследования являлось: определить различия в ценностных ориентациях онкопациентов (мужчин и женщин).

Методы исследования: аналитический; психодиагностический (методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича); методы математико-статистической обработки данных.

Исследование проводилось на базе Республиканского научно-практического центра онкологии и медицинской радиологии имени Н. Н. Александрова. Выборку составили 60 онкопациентов разного возраста и локализации опухоли с преобладанием опухолей молочной железы, легких и желудочно-кишечного тракта. На диагностическом этапе находилось 40 человек, на лечебном клиническом этапе – 11 человек, на послеоперационном (после химиотерапевтического) – 9 человек.

В результате сравнительного исследования было выявлено, что иерархическая структура ценностей у мужчин и женщин различна. Ценности «здоровье» и «счастливая семейная жизнь» преобладают у женщин, которые более внимательно и бережно относятся к своему здоровью и семейному благополучию. Ценность «любовь» значимо важнее для мужчин, чем для женщин, что можно объяснить большей потребностью мужчин в эмоциональной поддержке. Кроме того, мужчины отдают предпочтение таким ценностям, как «хорошие и верные друзья» и «материально обеспеченная жизнь», что отражает сильное стремление к материальному благополучию в конечной ценностной структуре. Для женщин эти ценности также входят в число приоритетных, но более значимой является ценность «работа» (четвертое или шестое место). Современные женщины достаточно активны в профессиональном аспекте своей жизни, стремятся к саморазвитию.

Пятерку наименее значимых (в порядке убывания) ценностей для мужчин составили ценности, такие как «развитие», «счастье других людей», «творчество», «красота природы и искусства», «развлечение». Эти ценности носят духовный характер и в первую очередь отражают эстети-

ческую чувствительность, чуткость и творческую направленность личности. Для женщин незначимой является «свобода ценностей», что демонстрирует убежденность женщин-онкопациентов в ограничении этой свободы в период лечения. Ценность «развитие» не значима и для мужчин, и для женщин. Возможно, это связано с негативной временной перспективой и потерей интереса к жизни.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты подчеркивают необходимость работы психологов в первую очередь с эмоциональной сферой личности и ценностными установками онкопациентов в период лечения.

Литература

1. Серый, А. В. Ценностно-смысловая сфера личности : учеб. пособие / А. В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 1999. – 92 с.
2. Бодров, В. А. Психологический стресс: процессы, ресурсы, стратегии и стили преодоления / В. А. Бодров // Психотерапия : ежемесячный рецензируемый науч.-практич. журн. – 2005. – № 11. – С. 28–33.
3. Вагайцева, М. В. Отношение к болезни у мужчин с диагнозом рака предстательной железы после хирургического лечения : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / М. В. Вагайцева ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2017. – 28 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Н. В. МАЧУЛЕНКО

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины
Научный руководитель – Т. Г. Шатюк

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ВЕРУЮЩИХ

В период изменений человек часто может прибегать к религии как защите, проявлять религиозность или вовлеченность в религию поведенчески, отношенчески, сознательно и бессознательно.

Говоря о проявлении религиозности индивида можно характеризовать такой критерий как важность религии в сравнении с другими аспектами жизни, ее роль в принятии жизненно важных решений, а также осмысленность жизни без религии [1].

С. Мадди определял жизнестойкость как основу, на которой перерабатываются стрессовые воздействия окружающего мира, катализатор поведения, который позволяет трансформировать негативные впечатления в

новые возможности [2]. Жизнестойкость состоит из трех взаимосвязанных компонентов: вовлеченности (или включения), контроля и принятия риска (или вызова).

Исследование уровня индивидуальной религиозности и жизнестойкости у верующих и неверующих было проведено на базе Церкви «Новая Земля», г. Минск; Церкви «Благодать», г. Минск; Церкви «ЕМЦ», г. Гомель. Выборку исследования составили 115 верующих в возрасте от 17 до 50 лет.

В исследовании был использован следующий психодиагностический инструментарий: «Тест для определения структуры индивидуальной религиозности» Ю. В. Щербатых, опросник «Способы совладающего поведения» Р. С. Лазаруса в адаптации Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтык.

Были получены результаты: общий индекс религиозности среди верующих составляет ОИР = 44,13, то есть средний уровень индивидуальной религиозности составляет 55 %.

Средние значения показателей жизнестойкости и ее компонентов: вовлеченность – 32,52 %, контроль – 28,31 %, принятие риска – 16,22 %, жизнестойкость – 76,61 %.

Для определения силы и направления корреляционной связи между уровнем жизнестойкости и индивидуальной религиозности применяется метод ранговой корреляции Спирмена. Результаты применения показаны ниже: корреляция между общим индексом индивидуальной религиозности и уровнем жизнестойкости $r_s = -0,181$ не достигает уровня статистической значимости при условиях $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$. Значит, связь между этими двумя факторами слабая и обратная.

У верующих наибольшее влияние на степень индивидуальной религиозности имеют показатели выражения индивидуальной религиозности через веру в Творца (Создателя) и высшие силы, внешние признаки и потребности в поддержке и утешении. У верующих наблюдается средний уровень выраженности компонентов вовлеченности, контроля и принятия риска, то есть они обладают средним уровнем жизнестойкости. Явная корреляционная связь между уровнем индивидуальной религиозности и жизнестойкостью не выявлена.

Литература

1. Религиозность. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М. : Норма, 2014. – С. 389–390.
2. Мадди, С. Р. Теории личности: сравнительный анализ / С. Р. Мадди. – СПб. : Питер, 2002. – 567 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. А. МЕДВЕДСКАЯ, М. В. ПЕТУХОВА
Могилев, Могилевский институт МВД
Научный руководитель – Н. М. Канашевич

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОКОЛЕНИЯ Z

Молодежь – социально-демографическая группа, поведение которой представляет исследовательский интерес для будущей профессиональной деятельностью автора публикации. Обычно молодежь определяют на основе совокупности возрастных и социальных характеристик. Возрастные рамки молодежи – от 14 (16) до 30 лет. Специфика ее социального статуса состоит в «маргинальности» – переходности от юности к социальной ответственности; высокой социальной активности – выбор профессии, становление мировоззрения, семьи; мобильности и независимости от стереотипов. Но эти характеристики дают представление о молодежи только как совокупности молодых людей, без учета ее внутренней дифференциации. Значимость этого обстоятельства возрастает в условиях стремительной цифровизации белорусского общества. Данные национальной статистики выявляют «межпоколенческий цифровой разрыв», в том числе, в самой социальной группе, которую собирательно определяют как «молодежь».

В Беларуси наиболее высокая доля ежедневных пользователей Сети наблюдается среди молодежи (95,9 %) и граждан 30–39 лет (92,7 %). В старших возрастных группах этот показатель достаточно высокий, для 40–49-летних – 86,7 %, но затем постепенно снижается. По данным опроса, для подавляющего большинства (89,5 %) опрошенных граждан всех возрастных групп вне зависимости от пола и места проживания Интернет является, прежде всего, источником информации. А вот в качестве средства коммуникации – чаще используется молодежью до 30 лет. Для молодежи Сеть выступает для них как средство дистанционного обучения, возможность найти новых знакомых, единомышленников или способ оставить комментарии, вести блог, как возможность развлечения и для совершения покупок товаров, услуг [1. с. 9].

Статистически отмечается также тенденция увеличения востребованности населения Беларуси в сотовых телефонах и смартфонах в качестве средств доступа в Сеть, сокращение доли персональных компьютеров как средств доступа в Сеть [1, с. 10–11]. Это свидетельствует о включении в коммуникативные процессы «цифрового поколения» или поколения Z. Изменения, связанные с объемом и характером медийных ресурсов используемых на уровне поколенных групп, порождают разные поведенческие ориентации. В этой связи представляет интерес теория поколений

американских исследователей Уильяма Штрауса и Нейла Хоува. Ее смысл в том, что каждые 20 лет рождаются люди, мировоззрение и опыт которых закладываются в детстве и отличаются от предшественников, что особенно проявилось на уровне профилей цифровых компетенций и социально-сетевой коммуникативной активности последних двух поколений, которые попадают во временные рамки «молодежь». Это поколение Y, родившихся примерно с 1982 по 2004 и поколение Z (зумеры) – с середины-конца 1990-х до начала 2010-х годов (или по другой версии – с 2005 по 2025гг.).

На стыке этих поколений прошел переход от персонального компьютера к смартфону, от текстового формата к видео формату. Представители поколения Y застали развитие Интернета и вовлечены в цифровые технологии, но общаются преимущественно с помощью текста или голоса, набирают одним пальцем. Поколение Z (зумеры) активно использует планшеты, VR- и 3D-реальность, общаются в основном в видео формате и живет в двух реальностях. Различия между этими поколениями М. Пренски характеризует в понятиях «цифровых иммигрантов» (Y) и «цифровых аборигенов» (Z).

Личностные качества поколения Z: быстрое взросление, способность к самообразованию и получению информации с нескольких экранов; клиповое мышление, отдающее предпочтение восприятию лаконичных текстов, быстрая оценка их полезности. При определенной замкнутости они не знают одиночества: быть в онлайн контакте – все равно, что дышать. Ценят личную свободу, склонны к дистанционной работе, уверены в своей исключительности, стремятся к быстрому успеху, признанию (идентифицировать и персонализировать личный бренд, собрать лайки, подписчиков). Но их девиз: бери от жизни все [2]. Это поколение нельзя характеризовать положительно или отрицательно – они иные, их мышление и поведение приобрело формат, адекватный запросам эпохи, который нужно изучать, чтобы понимать особенности их мировоззрения и почему они так мыслят.

Литература

1. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2018. – 180 с.

2. Поколение Z: те, кто будет после / Интервью психотерапевта, канд. мед.наук М. Сандомирского [Электрон.ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-executive.ru/knowledge/announcement/1450249/> – Дата доступа: 05.10.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. С. МЕНЯЙЛО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. В. Головня

ФЕНОМЕН ВЫГОРАНИЯ ПСИХОЛОГА В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сегодня психология довольно сильно популяризирована. Интенсивное развитие средств массовой информации в последние десятилетия способствовало улучшению обмена знаний и формированию вокруг профессии психолога определенного пространства. В Интернете каждый человек может найти огромное количество книг, психологические тесты, фильмы, иллюстрирующие психические заболевания без стигматизации. Благодаря активному освещению рассматриваемой темы в Интернете, среди молодежи в последнее время наблюдается тенденция спроса на данную профессию. Но в чрезмерной популяризации есть иная сторона медали: часто информация подается поверхностно и упрощенно, ввиду чего складывается искаженное представление о психологах. Поэтому ресурсы специалиста не бесконечны, а результат бывает довольно непредсказуем. Психолог должен осуществлять непрерывную рефлексивную деятельность, ведь для оказания помощи другим людям, он использует собственную личность как базисный инструмент.

Следует отметить, что впервые термин для обозначения профессионального выгорания психологов предложил Дж. Фройденбергер в 1974 году. Он описывал состояние истощения, усталости, эмоциональной холодности, которое констатировал у работников психиатрических учреждений. Однако, выгорание не является синонимом стресса, между этими аспектами имеются колоссальные различия. Стресс проходит и организм человека восстанавливается. А по мере профессионального выгорания, способность работника справляться со стрессорами снижается. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, профессиональное выгорание – это синдром, возникающий в результате хронического стресса, связанного с работой, с симптомами, характеризующимися «чувством истощения; увеличенной мысленной дистанции от своей работы или чувства негативизма или цинизма; снижением профессиональной эффективности» [1].

Опираясь на исследование, проведенное белорусским доктором медицинских наук Павлом Сидоровым, среди специалистов в области психологии признаки синдрома эмоционального выгорания (далее СЭВ) различной степени проявляются в 73 % случаев. При СЭВ наблюдается сочетание физических (бессонница, мигрень), эмоциональных (раздражительность, апатичность), социальных (снижение интереса к общению) и поведенческих (нетипичное поведение) нарушений. СЭВ может привести к: деперсонали-

зации, личностной деформации, депрессивным расстройствам, различным зависимостям, а также суициду [2].

Возникает закономерный вопрос: кто подвержен выгоранию более всего? Люди, связывающие профессию психолога с чем-то возвышенным, попавшие под влияние мнения о всемогуществе психологии, способные к глубокой эмпатии, обладающие гиперответственностью и желанием помочь каждому. Такие специалисты вкладывают большие личностные ресурсы, полностью отдаются работе и, не получая ожидаемых результатов, переживают ощущение профессиональной неэффективности, чувство вины и раздражения по отношению к себе и своим клиентам.

Небезызвестен следующий факт: часто люди выбирают данную профессию, чтобы, в первую очередь, помочь себе: «Мы лечим других людей с помощью своих ран» [3]. Но если человек не способен помочь себе, как он сможет помочь другим людям? Проблемы людей, работающих в сфере психологии, обесцениваются в обществе из-за заблуждений, связанных с некорректным пониманием профессии и личности самого психолога. Люди забывают, что это такой же человек, как и они сами, сталкивающийся с такими же проблемами и трудностями.

Таким образом, синдром профессионального выгорания является результатом комплекса факторов. Поэтому профилактика его возникновения является проблематичным процессом. Конечно, психолог может попытаться перестать испытывать эмпатию, быть безразличным к клиенту и его проблемам. Но разве сочувствие, открытость и гуманность не являются основой его работы? Хороший специалист должен обладать данными качествами, но вместе с тем соблюдать меры самоконтроля и саморегуляции, что совместить довольно трудно. Но возможно при желании.

Литература

1. Сидоров, П. И. Синдром эмоционального выгорания [Электронный ресурс] / П. И. Сидоров. – Режим доступа: medgazeta.rusmedserv.com/2005/43/article1322_html. – Дата доступа: 07.10.2022.
2. Фройденбергер, Г. Выгорание персонала / Г. Фройденбергер // Журн. соц. проблем. – 1974. – № 30 (1). – С. 159–165.
3. Мэй, Р. Раненый целитель [Электронный ресурс] / Р. Мэй. – Режим доступа: <https://psychologus.ru/rollo-mey-ranenyi-tselitel>. – Дата доступа: 07.10.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Н. В. НАКРЕПЛЕННАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Т. В. Васильева

**ОЦЕНКА ПОДРОСТКАМИ ВНЕШНОСТИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ
ПО КРИТЕРИЮ «КРАСИВЫЙ–НЕ КРАСИВЫЙ»**

Внешний вид человека, его эстетическая составляющая, всегда находятся в центре внимания современных людей, так как внешность всегда была важным параметром восприятия и оценки людьми друг друга при их взаимодействии. В истории человечества каждый временной период характеризовался постоянными сменами стандартов внешней красоты человека. Так, во времена Рубенса красивым человеком был тот, кто являлся обладателем «пышных» фигур. Спустя сто лет эталоном красоты стала тонкая талия. Еще через некоторый промежуток времени корсеты ушли напроочь из женского гардероба, и в центре внимания мужчин были женщины, от которых веяло женственностью и натуральной красотой.

В настоящее время происходит аналогичная ситуация, когда красивыми называют одних, а позже вовсе других людей, с совершенно иными параметрами внешности. Возникает вопрос о том, что является истинной внешней красотой человека и можно ли говорить о единых параметрах для оценки красоты человека? Поиском ответов на эти вопросы занимаются философы, психологи, социологи, искусствоведы и другие исследователи, так как важно понять, на что именно ориентироваться человеку при построении отношений с людьми.

Цель нашего исследования – выявление особенностей восприятия оценки подростками внешности человека с позиции «красивый–не красивый». Выборкой данного исследования являются 31 учащийся Мотольской средней школы в возрасте от 12 до 15 лет. Для достижения поставленной цели нами был использован прием на основании методики «Социометрия», в котором подросткам предлагалось написать список из пяти человек своего пола, которых они считают красивыми.

В результате анализа полученных данных, мы выделили несколько категорий ответов, отражающие определенные группы лиц, которых подростки считают красивыми.

Первая категория ответов – «Родители». В эту категорию были отнесены утверждения, в которых подростки указывали как красивых людей родителей своего пола. Частота встречаемости ответов этой категории составляет 12,3 % от общего числа полученных высказываний.

Вторая категория ответов – «Сиблинги». К этой категории были отнесены ответы подростков, в которых они указывали красивых людей сво-

их братьев и сестер. Эта категория встречается с частотой 19,35 % от общего числа полученных высказываний.

Третья категория ответов – «Друзья». В эту категорию мы отнесли ответы, в которых респонденты указывали как красивых людей своих друзей и подруг. Данная категория составляет 51 % ответов от общего числа полученных высказываний.

Четвертая категория ответов – «Другие родственники». В эту категорию вошли утверждения, в которых подростки описывают как красивых людей своих родственников: «бабушка», «дедушка», «дядя», «тетя», «крестная». Данная категория имеет частоту встречаемости 6,45 % от общего числа полученных высказываний.

Пятая категория ответов – «Знакомые люди». В эту категорию были отнесены ответы, в которых подростки описывали как красивых людей, которые не имеют близкого отношения к ним: «одноклассница», «одноклассник», «блогер». Эта категория составляет 10,9 % ответов от общего числа полученных высказываний.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для современных подростков красивыми людьми в большей степени являются их близкие: родители, родственники, друзья. В меньшей степени ассоциация понятия красивый происходит с людьми, которых данные респонденты не отнесли в категории близкого круга: знакомые.

Таким образом, мы видим, что подростки при оценке внешности других людей по критерию «красивый–не красивый», ориентируются не столько на их реальную внешность, сколько степень эмоциональной близости с другим человеком и эмоциональную привлекательность этого человека для них. Как красивых подростки воспринимают людей, с которыми уже налажено взаимодействие. В первую очередь, это сверстники, отношения с которыми для подростков максимально значимы. Таким образом, мы можем предполагать о том, что подростки воспринимают красоту человека не дифференцированно, не выделяя отдельные физические аспекты внешности, как это принято во многих сферах общества.

В наше время часто описывают красивого человека как пазл, который имеет определенные элементы. Подростки же воспринимают человека в целом, и для них в первую очередь важна возможность установить с этим человеком доверительные безопасные отношения. Если среди группы сверстников есть ребята, которые не установили отношения с другими членами группы, то скорее всего они будут охарактеризованы как некрасивые, либо вовсе не будут рассматриваться при оценке.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Н. В. НАКРЕПЛЕННАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Т. В. Васильева

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ
ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА**

Внешний вид человека в давние времена описывался в былинах, сказка, легендах. В то время представления о красоте человека были остро поляризованы и связывались с его моральными качествами. Человек однозначно относился либо к категории красивых и хороших людей, либо очень некрасивых и плохих. В более позднее время интерес к внешности усиливается за счет начала производства зеркал. Именно самолюбование стало одним из важных показателей интереса к собственному облику у людей как высокого, так и более низкого социального статуса.

Начиная с 20 века в социальной практике стал наблюдаться феномен, когда отношение человека к собственной внешности а также оценка его внешности другими людьми на фоне интереса к значимости образа «Я» для комфортной жизнедеятельности личности становится фактором, влияющим на уровень самооценки человека. 1953 год можно считать началом исследования проблемы самооценки внешности. Начальные этапы диагностического процесса связаны с такими исследователями, как Р. Секорд и С. Джуард, которые разработали первые варианты шкалы анализа самооценок внешности.

Последующий рост интереса психологов к проблеме самоотношения привел к скорому расширению в 1970-х и 1980-х гг. исследовательской работы, связанной с двумя темами. Это были исследования, направленные на изучение различных типов суждений, выносимых на основе самоотношения к внешности, и относительного влияния различных аспектов внешности на эти суждения.

Одним из подходов в изучении феномена внешности в зарубежной психологии является подход, в основе которого акцент смещался на эмоциональное отношение к собственной внешности («значимость», «ценность», «удовлетворенность»). Часть работ С. Уэнстейна, З. Липовски была сфокусирована на значимости отдельных телесных характеристик. В другом направлении работали Л. Джонсон, Е. Гандерсон, И. Махони, М. Финч Они делали акцент на анализе связи между эмоционально-ценностным отношением к внешности и различными переменными «Я-концепции». В ином направлении работал психиатр П. Шильдер, который первым переместил изучение образа тела из невропатологии в плоскость

биопсихологии, определяя в своей работе «Образ и внешний вид тела человека» (1935) образ тела как многогранный феномен.

Изучение влияния внешности в рамках социологии проводил американский психолог Джон Клозен. При изучении важности внешности человека он выделял три линии, по которым может изменяться поведение подростка в связи с особенностями его внешности. Во-первых, самооценка мальчиков базируется на восприятии его роста и телосложения, которые непосредственно влияют на соответствующие физические способности. Во-вторых, зрелость и внешность имеют определённую социальную ценность, вызывая у окружающих людей соответствующие чувства и ожидания. В-третьих, в образе «Я» личности преломляются собственные ее способности и их оценка окружающими.

В современном мире проблема внешнего облика человека не просто существует, но и выходит на новый уровень с точки зрения ее актуальности. Среди исследователей стоит отметить В.А. Лабунскую, которая вводит понятие «многофакторная модель изучения отношения к внешнему облику», согласно которому, на формирование отношения к внешнему облику влияют три фактора: 1) социокультурные (СМИ-давление – стандарты); 2) социально-психологические (влияние семья, другие значимые оценщики); 3) личностные факторы отношения к внешнему облику (социальные достижения, сензитивность).

Так же большой вклад внес И. С. Кон. Он рассматривал вопросы, связанные с влиянием соматотипа (тип телосложения) на психику, поведение, положение подростков среди сверстников и уверенность в себе. Уязвимость и сверхчувствительность подростков определяет важность соответствия эталону и критериям привлекательности. Но подростковый «идеал» красоты и «приемлемости» внешности часто завышен, нереалистичен. Это может привести к высокой самокритичности и, следовательно, поиску различных способов изменения внешности в сторону своего эталона.

На сегодняшний день, большинство специалистов уходят от исследования данной проблемы, по причине необоснованности и незначительной важности психологически последствий неудовлетворенности внешностью или особенностями самовосприятия. Особую проблему на сегодняшний день составляет самоотношение к телесному облику в сфере медицины. Большинство социологов и психологов проблема этого уровня глубоко интересует в связи с высоким ростом количества центров по смене и коррекции внешности как мужчин так и женщин.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

НИ ШАН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

**СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СОТРУДНИКОВ
С РАЗНОЙ МОТИВАЦИЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ**

Стресс в современном мире становится проблемой, поскольку он чрезмерен из-за воздействия различных физических, физиологических, биологических, химических, экономических, социальных, психологических и других факторов. Человек часто оказывается не готов к их длительному и/или выраженному воздействию. Оценка ситуации в условиях неопределенности затруднена, что препятствует принятию адекватного решения о способах поведения в ней. В связи с этим значимым качеством человека является стрессоустойчивость, которая будет способствовать поиску и выбору оптимальной стратегии поведения в деятельности, что, безусловно, актуально для профессиональной сферы. В данном исследовании представляется интересным определить стрессоустойчивость сотрудников с разной мотивацией к достижению. Мотивация достижения обеспечивает большую эффективность деятельности сотрудника, но сама эта мотивация держит человека в напряжении, стрессовом для личности. А в ситуации воздействия различных дополнительных стрессоров это может привести к усилению напряжения и появлению состояния дистресса.

Выборка исследования состояла из 40 сотрудников предприятий и организаций, проживающих в Беларуси, России, Украине и Эстонии.

Методики исследования: методика диагностики мотивации к успеху Т. Элерса, шкала психологического стресса PSM-25; метод ранговой корреляции Спирмена.

Среди респондентов преобладают сотрудники с высоким уровнем стрессоустойчивости – 60 % выборки. Они психологически адаптированы к рабочим нагрузкам, устойчивы к организационному стрессу и успешно справляются с напряжением, возникающим в профессиональной деятельности. Средний уровень стрессоустойчивости был выявлен у каждого третьего сотрудника (35 % выборки). Они умеренно адаптированы к рабочим нагрузкам, в целом справляются со стрессом в своей профессиональной деятельности. Таким образом, большинство сотрудников психологически адаптированы к рабочим нагрузкам на высоком и среднем уровне.

Каждый седьмой сотрудник характеризуется низким уровнем мотивации достижения. Эти респонденты боятся рисковать, избегают ответственности, потому что боятся неудачи, из-за этого они иногда идут на чрезвычайно большие риски там, где неудача не угрожает престижу. Они

тщательно взвешивают все «за» и «против», сомневаются в выбранном решении, проявляют низкую активность в профессиональной деятельности, слабо вовлечены в реализацию различных производственных инициатив. В выборке преобладают респонденты со средним уровнем мотивации достижения (43 % сотрудников), которые, как правило, адекватно оценивают свои возможности и способности, склонны к умеренному риску, могут сомневаться в правильности выбранного решения, но в целом мотивированы на выполнение напряженной профессиональной деятельности. Они эффективны в тех сферах деятельности, где психологический стресс является кратковременным и/или умеренно сильным. Умеренно высокий уровень мотивации достижения был выявлен у 22 % сотрудников, которые мотивированы работать в стрессовых условиях. Они способны выдерживать длительный и/или сильный физический и/или психологический стресс, готовы рисковать, не боятся совершать ошибки, настойчивы в достижении цели, стараются улучшить результаты деятельности. Можно с определенной уверенностью предположить, что эти сотрудники могут быть наиболее эффективными в профессиональной деятельности, в том числе и стрессовой, поскольку сочетание высокой мотивации к успеху и высокой готовности идти на риск способствует тому, что человек реже совершает ошибки и допускает неоправданные риски или «задержки» в действиях. Слишком высокий уровень мотивации к достижению зафиксирован у 20 % сотрудников. Они стремятся достичь высоких результатов в деятельности; несмотря на реальные или возможные трудности, стремятся ставить трудные цели и сложные и/или креативные производственные задачи, лучше справляются с производственными обязанностями,

Сравнение данных по двум методикам показало, что сотрудники с низкой мотивацией достижения – 6 человек – характеризуются низкой и средней стрессоустойчивостью. Среди лиц со средним уровнем мотивации достижения выявлены сотрудники со средним (9 человек) и низким (8 человек) уровнями стресса. Сотрудники с умеренно высокой мотивацией к достижению характеризуются низким уровнем стресса, который был выявлен у восьми из 9 респондентов в этой группе. Сотрудники со слишком высокой мотивацией к достижению также имеют низкий уровень стресса. Вероятно, стрессоустойчивость и мотивация к достижению у сотрудников связаны. Мы проверили это предположение с помощью метода ранговой корреляции Спирмена, результирующее значение $r_s = -0,799$ находится в зоне значимости при $p < 0,01$, взаимосвязь отрицательная. Таким образом, при высоком уровне мотивации достижения и желании сотрудников улучшать результаты своей деятельности мы можем фиксировать у них высокий уровень психологической адаптируемости к рабочим нагрузкам.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных для прогнозирования деятельности сотрудников с разным уровнем стрессоустойчивости и разной мотивацией к достижению. Тот факт, что вышеперечисленные показатели взаимосвязаны, позволяет нам сделать этот прогноз более точным.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. А. ОМЕЛЬЯНЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. И. Медведская

ПРОБЛЕМА СТЕРЕОТИПНОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ УЧАЩИХСЯ О МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИННОСТИ

Современное общество характеризуется неуклонным расширением сфер женской и мужской активности, что приводит к трансформации традиционно-иерархических связей между полами в недоминантные, партнерские отношения. Происходящие трансформации обнажают наличие дискриминационных предрассудков, архаичных представлений о месте и роли женщины и мужчины в социуме. Это приводит к существованию гендерных стереотипов, оказывающих значительное влияние на поведение человека в обществе.

Существенную роль в формировании гендерных стереотипов у детей играют значимые взрослые, в частности родители, которые являются для ребенка примером поведения в социуме. Носителями стереотипных представлений о женственности и мужественности выступают также герои книг и мультфильмов, а также иной медиапродукции. Эти разнородные знания постепенно интериоризируются в собственные представления ребенка о поле и начинают выступать регуляторами его поведения.

Как отмечает Г. В. Лагонда (2012), гендерные стереотипы – это представления общества о различиях и особенностях в поведении людей, относящихся к разному полу. Гендерные стереотипы представляют собой предвзятые отношения, образцы общественного мнения относительно поведения и внешнего вида человека определенного пола. Охватывают всю область деятельности человека и могут принадлежать ко многим сторонам его жизни. Это может касаться гендерных норм и правил поведения (девочка должна любить кукол, мальчик не должен плакать); внешнего вида и одежды (женщины должны носить платья, мужчины не должны красить волосы); манер (мужчина должен пропускать женщину вперед, когда они заходят в дверь, женщины не курят); мимики и жестов (маловыраженные у мужчин, разнообразные у женщин) и др.

Отрицательным аспектом существования стереотипных представлений о маскулинности и феминности является то, что люди, не соответствующие им, зачастую не принимаются обществом, высмеиваются и осуждаются. Таким образом, эти представления являются в определенной степени регуляторами поведения не только детей и подростков, но и взрослых.

Влияние стереотипов на индивидуальную и социальную практику, объяснил в 1948 г. американский социолог Р. Мертон через принцип «самоисполняющегося пророчества» (1992). Например, школьный учитель математики считает, что девочки априори разбираются в его предмете хуже, чем мальчики. Основываясь на этом, он уделяет меньше внимания обучению девочек – зачем стараться, если усилия все равно будут напрасными. Через некоторое время девочки действительно станут разбираться в математике хуже мальчиков, а учитель получит ложное доказательство своего изначального предположения.

С. Бем полагает, что мужественность и женственность не противопоставлены друг другу, человек может быть носителем одновременно и маскулинных и феминных черт (2004). Психолог утверждает, что лучше быть андрогинным, т.е. иметь лучшие качества обоих полов. По мнению исследователя, проблема стереотипности восприятия детьми половых различий заключается в первую очередь в психолого-педагогической некомпетентности родителей в этом вопросе. Как показывает практика, большинство родителей не могут объяснить детям, что такое пол и четко назвать его основные критерии. Таким образом, данная тема в семейном воспитании является загадочной и табуированной для ребенка. Поэтому учащиеся формируют представления о маскулинности и феминности в процессе стихийного получения информации из различных источников.

Следует отметить негативные последствия влияния гендерных стереотипов на подрастающее поколение. В частности принятые в нашей культуре представления о наборе качеств мужчин и женщин приводят к тому, что ребенок неосознанно блокирует формирование тех свойств и качеств личности, которые не соответствуют принятым в обществе социальным ожиданиям от мужчины и женщины. Так, И. С. Кон установил, что у мальчиков значительно труднее, чем у девочек, выработать должные навыки труда, сформировать такие личностные качества как настойчивость, старание, аккуратность (2009). Девочки наоборот, более терпеливы и аккуратны, но менее инициативны. Мужское общение отличается большей эмоциональной сдержанностью, женщины полнее и свободнее выражают свои чувства и эмоции в процессе контакта с собеседником.

Таким образом, наличие стереотипных представлений о маскулинности и феминности может привести к массе противоречий в развитии лич-

ности. Нерешенность данных противоречий и их игнорирование может иметь негативные последствия как психологического, так и физиологического характера. Как показывают исследования, женщины с маскулинным (мужским) поведением чаще других женщин добиваются успеха в карьере, но также чаще страдают неврозами и гинекологическими расстройствами. Мужчины с феминным (женским) поведением испытывают трудности в общении, неавторитетны в социуме и в своем ближайшем окружении, страдают нервными заболеваниями и заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. А. ОСОПРИЛКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. В. Головня

ПРИЧИНЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Уровень стрессогенных факторов набирает довольно существенные обороты в современном мире. Ввиду этого возрастает подверженность человека стрессам и кризисам. В свою очередь, у людей актуализируется и суицидальное поведение, как одна из форм кризисного реагирования. Рассмотрим, что собой представляет суицид и каковы его ключевые факторы. Самоубийство – это осознанное лишение себя жизни [1]. Согласно основополагающему методологическому принципу детерминизма в психологии, у каждого явления или процесса есть своя причина. Поэтому существует комплекс теоретических воззрений, авторы которых пытались объяснить механизм суицидального поведения. Отметим некоторые из них.

З. Фрейд, как представитель психодинамического подхода, акцентировал внимание на двух ключевых тенденциях человека: Эрос – инстинкт жизни и Танатос – инстинкт смерти. Человек не только хочет жить, быть принятым и любимым, видеть свое предназначение в продолжении потомства. Возникают такие моменты души, когда наиболее оптимальным вариантом является смерть. С возрастом сила Эроса уменьшается, а Танатос наоборот возрастает. А. Адлер на этот счет полагал, что быть человеком – значит ощущать неполноценность. Она зарождается еще в далеком детстве и основана на осознании физической и психологической беспомощности, усугубляемой различными недостатками. Поэтому в течение всей жизни человек находится в непрерывных поисках путей компенсации комплекса неполноценности. К. Юнг касательно проблемы самоубийства указывал на бессознательную тенденцию человека к «духовному перерождению», которое может стать причиной суицида. К. Хорни полагала, что невротиче-

ский конфликт, порождаемый проблемами социального взаимодействия, приводит к так называемой «базисной тревоге». Ребенок испытывает трудности в доверии, в безопасности и пр. Восприятие мира становится «враждебным» и самоубийство актуализируется как своеобразная защитная реакция [2].

Ряд предположений позволил авторам классифицировать факторы суицидального риска и обозначить их название: социально-демографические, медицинские, природные, индивидуально-психологические. Начнем с первой группы. К социально демографическим факторам относятся: пол, возраст, профессия, образование, место жительства, социальное положение. Согласно данным исследований, чаще всего суициды совершают безработные, а также лица с высоким профессиональным статусом и высшим образованием. Колоссальный суицидальный риск присутствует у врачей, среди которых на первом месте располагаются психиатры. К «группе риска» примыкают также юристы, музыканты, страховые агенты и низшие офицерские чины [3].

Среди медицинских факторов следует упомянуть наличие у человека соматических (онкология, заболевания органов дыхания и т. д.), а также психических (шизофрения, депрессия и т. д.) заболеваний.

Влияние природных факторов раскрывают немногочисленные материалы исследований. В большинстве из них авторы ссылаются на возрастание частоты самоубийств весной. Неоднократно предпринимались попытки установить корреляцию частоты самоубийств и дня недели (чаще в понедельник и постепенное снижение к концу недели) и времени суток (чаще вечером, в начале ночи и ранним утром), но данные в этом отношении довольно скептически и противоречивы.

И, наконец, индивидуально-психологические факторы. Исследователи долгое время пытались создать «психологический портрет суицидента». Однако они не увенчались успехом. Фундаментальными в контексте повышения суицидального риска являются целостность структуры личности, «баланс» ее отдельных черт, а также содержание установок. Повышенный риск самоубийства присущ дисгармоничным личностям. При этом сама дисгармония может быть вызвана утрированным развитием отдельных эмоциональных, волевых и интеллектуальных характеристик [4].

В конечном итоге сделаем вывод: самоубийца боится не смерти, а жизни. Общей целью для всех суицидов является поиск решения, сильная душевная боль, беспомощность, конфликт между компонентами «я-концепции, специфика внешних факторов, психологические особенности человека и национальные обычаи, возраст, семейное положение, культурные ценности и т. д. То есть суицид актуализируется у человека ввиду комплекса факторов, а не какого-то единичного.

Литература

1. Кондратенко, В. Т. Суицидальное поведение / В. Т. Кондратенко // Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. А. Е. Тарас, К. В. Сельченко. – Минск : Харвест, 1999.
2. Моховиков, А. Н. Введение к клинико-психологическому разделу // Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и художественных текстах / Сост. А. Н. Моховиков. – М. : Когито-центр, 2016. – 376 с.
3. Каплан, Г. И. Клиническая психиатрия / Г. И. Каплан, Б. Дж. Сэдок ; Пер. с англ. В. Б. Стрелец. – М. : Медицина, 1994. – 336 с.
4. Малкина-Пых, И. Г. Экстремальные ситуации / И. Г. Малкина-Пых. – М. : Эксмо, 2005. – 960 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)**Е. А. ПАНЧЕНКО**

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
 Научный руководитель – Д. Э. Синюк

ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Как известно, семья является своеобразной нитью между ребенком и обществом, другими социальными институтами. Поэтому столь важным является семейное воспитание, представляющее собой сложную систему воздействия на детей со стороны родителей и других членов семьи с целью достижения желаемых результатов. На семейное воспитание оказывают влияние следующие факторы: наследственность и биологическое здоровье родителей и детей, материально-экономическая обеспеченность семьи, социальное положение, уклад жизни, количество членов семьи, место проживания, отношение к ребенку. Данные факторы органично переплетаются, и в каждом конкретном случае проявляются по-разному.

Семейное воспитание может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на личность ребенка. Безмерная любовь, вседозволенность, повышенное внимание, чрезмерные ласки, безнаказанность способствуют раннему развитию в маленьком человеке таких качеств, как эгоизм, избалованность, лицемерие, зазнайство, изнеженность. И, напротив, ребенок, недополучивший родительской любви, как правило, вырастает озлобленным, черствым, недоброжелательным, грубым, а в особых случаях – замкнутым, чрезмерно застенчивым, неприкаянным. При отсутствии гармонии чувств в семье развитие ребенка осложняется, именно в таком случае семейное воспитание является неблагоприятным фактором формирования личности.

В частности, рядом авторов подчеркивается, что основным патогенетическим фактором, обуславливающим возникновение неврозов у детей, является нарушение системы семейного воспитания, дисгармония отношений «мать-ребенок». Так, например, А. Е. Личко и Э. Г. Эйдемиллер выделили шесть типов семейного воспитания детей с акцентуированными чертами характера и с психопатиями [1].

1) *Доминирующая гиперпротекция* предполагает окружение ребенка гиперзаботой и доминированием родителя над ребенком, игнорирование его потребностей и постоянный контроль за его решениями и поведением, удовлетворение всех детских капризов.

2) *Гипопротекция (гипоопека)* характеризуется отсутствием заботы о ребенке. Ребенок предоставлен самому себе и по факту брошен своими родителями.

3) *Эмоциональное отвержение* проявляется в неприятии ребенка во всех его проявлениях, постоянных издевках со стороны родителей.

4) *Потворствующая гиперпротекция* («кумир семьи») предполагает чрезмерное покровительство, восхищение, в том числе, и мнимыми талантами, что культивирует детский эгоизм.

5) *Жесткие взаимоотношения* проявляются в виде побоев или в эмоциональной вражде и холодности в отношении к ребенку.

6) *Повышенная моральная ответственность* предполагает проявление у ребенка высоких моральных качеств, и ориентацию его на особое будущее.

Неправильное семейное воспитание усиливает потенциальные характерологические расстройства ребенка. Под акцентуацией характера понимается чрезмерная выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющая крайние варианты нормы [1]. В. И. Гарбузов выделяет три патогенных типа воспитания [2].

Тип А. Неприятие (эмоциональное отвержение). Ребенок не принимается таким, какой он есть, его начинают переделывать, предъявлять чрезмерные требования, что проявляется в жесткой регламентации и контроле. Неприятие формирует у ребенка невротический конфликт. У самих родителей при этом определяется постоянная нервозность. *Тип Б. Гиперсоциализирующее воспитание.* Возникает на почве мнительности в отношении здоровья, социального статуса ребенка и других членов семьи. При таком типе воспитания возникает конфликт между желаемым и должным. Родители приписывают ребенку, что он должен хотеть. В результате у него могут сформироваться страхи, фобии социального плана, навязчивые идеи, страх перед родителями. При таком воспитании дети-холерики становятся

педантичными, дети-сангвиники и дети-флегматики – тревожными, а дети-меланхолики – нечувствительными.

Тип В. Эгоцентрическое воспитание. Ребенок находится на положении кумира. В результате у него появляется много претензий к семье, к сверстникам и к миру в целом.

Таким образом, в литературе по проблеме исследования доказано первостепенное влияние семьи на становление личности ребенка, особенно на начальных этапах онтогенеза.

Литература

1. Основы психологии семьи и семейного консультирования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под общ. ред. Н. Н. Посысоева. – М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 328 с.

2. Гарбузов, В. И. Практическая психотерапия или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье / В. И. Гарбузов. СПб. : АО «Сфера», 1994. – 160 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

К. А. ПОХОЛЬЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Т. В. Васильева

СООТНОШЕНИЕ СТРЕМЛЕНИЯ КОНФОРМНОСТИ И ВНУШАЕМОСТЬЮ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Конформизм – это социально-психологическая направленность личности, проявляющаяся не в самостоятельном, глубоко продуманном выборе жизненных и социальных ценностей, а лишь в пассивном, приспособительном отношении к существующему порядку вещей. Именно конформист присоединяется к господствующим в каждой работе суждениям без критического анализа [3].

Соломон Аш утверждал, что все люди являются членами разных групп. Семья, друзья, одноклассники и коллеги по работе могут быть важными референтными группами. Люди зависят от этих групп, чтобы формировать и укреплять свои представления о социальной реальности. Как утверждает Леон Фестингер, группы заставляют людей соглашаться или подчиняться. Позволение группе навязывать конкретному человеку согласие с ней, или конформизм, объясняется тем, что человеку нужно мнение других, чтобы поддерживать свою уверенность в правильности его представлений о социальной реальности. Поскольку большинство установок личности основаны на субъективной, а не на объективной реальности, за-

висимость личности от других людей может быть очень сильным фактором, побуждающим к конформизму [2].

Однако конформизм как внушаемость следует отличать от конформизма как личностной позиции человека по отношению к группе. Так, согласно И. С. Кону, конформизм – морально-политический термин, обозначающий приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т.д. Конформизм – это отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование какому-либо образцу, обладающему наибольшей силой давления (мнение большинства, признанный авторитет, традиция и объективный взгляд) [2].

Целью нашего исследования стало выявление соотношения между конформизмом как позицией личности и конформностью как внушаемостью в юношеском возрасте, поскольку именно в этот период жизни человек активно формирует свою жизненную позицию. Мы ориентируемся на понимание юношеского возраста в соответствии со взглядами Л. С. Выготского, обозначая его границы в пределах от 17 до 25 лет.

Для установления соотношения между стремлением к конформности и внушаемостью в юношеском возрасте были использованы следующие методики: «Личностное стремление к конформности» (А. А. Маслак, Н. И. Ковалева, И. Е. Козина) и «Конформность – внушаемость» (С. В. Клаучек, В. В. Делар). Выборку исследования составили 28 студентов 2-3 курсов, из них 15 юношей и 13 девушек в возрасте от 17 до 21 года.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у всех студентов исследуемой выборки выявлен средний уровень внушаемости, тогда как уровень личностной конформности представлен по разному: 10,7 % респондентов продемонстрировали высокий уровень личностной конформности, 53,6 % продемонстрировали средний уровень личностной конформности, 35,7 % респондентов продемонстрировали низкий уровень личностной конформности. Статистический анализ t-критерий Спирмена показал отсутствие корреляционной связи между конформностью как личностным качеством и внушаемостью у студентов исследуемой выборки.

Таким образом, независимо от уровня личностной конформности, студенты демонстрируют средний уровень внушаемости, то есть их мнение действительно меняется под воздействием группы.

Литература

1. Дремина, С. Л. Конформизм в юношеском возрасте // С. Л. Дремина / Научные тенденции: Педагогика и психология. – 2017. – С. 42–43.
2. Практикум по социальной психологии / сост. Эйала Пайнс, Кристина Маслак. – СПб. : Питер, 2000. – 522 с.

3. Матутите, К. Феномен конформизма / К. Матутите // Проблема понимания. – 2006. – № 3. – С. 186–186.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. И. ПТАШНИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. Э. Синюк

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Семья является первой социальной системой, в которую попадает ребенок. И именно данная система является определяющей будущего благополучия ребенка. Наиболее важным показателем, позволяющим определить уровень данного благосостояния, является привязанность.

Наиболее известным психологом, исследовавшим привязанность, является Дж. Боулби, который в последующем это изложил в своей теории. Привязанность, по определению автора, – длительная эмоциональная связь, формирующаяся между матерью и ребенком [1]. Такое определение мы можем подвести под первичную привязанность.

На основе наблюдения за животными исследователь сделал вывод, что любовь ребенка к матери не происходит из чувственного оральноего удовлетворения, а формирование социальной связи не обусловлено кормлением [3]. Такой точки зрения придерживались ранее представители психоанализа.

Так, Дж. Боулби увидел, что у детенышей животных есть врожденные поведенческие акты, направленные на обеспечение близости со взрослой особью, прежде всего, родителем. Данный феномен получил название импринтинга, основная функция которого – обеспечение защиты от опасностей и повышение шансов на выживание. По мнению Дж. Боулби, ребенку также присуща инстинктивная потребность оставаться рядом с родителем, на которого у него выработался импринтинг. На основе данной потребности и возникает привязанность ребенка к близкому взрослому [3].

Ученица Дж. Боулби, М. Эйнсуорт, изучила привязанность экспериментально, с помощью методики «Незнакомая ситуация». Итогом данной работы стало выделение четырех типов привязанности.

Надежный тип привязанности предусматривает позитивные отношения между объектом и субъектом привязанности: объект привязанности отзывчивый и доступный, а субъект привязанности при этом воспринимается как значимый, достойный заботы и любви. Благодаря этому формируется установка, что мир безопасный, близкие отношения дают надежность

и опору, людям можно доверять. Вырастая, такие люди являются открытыми к окружающему миру, могут свободно выражать свои эмоции и чувства. При этом они способны к их контейнированию, не обрушивая эмоциональный поток на окружающих людей. В них сочетается одновременно и опора на себя, и способность к принятию помощи, поддержки [2].

Избегающий тип привязанности представляет собой дистанцирование от людей, избегание близких отношений. У таких людей возникает чувство дискомфорта в общении, ощущение уязвимости. Отношения с представителями такого вида привязанности построить сложно [2].

Помимо двух вышеназванных типов привязанности выделяют также тревожно-амбивалентную привязанность. Отношения с таким человеком можно описать как «отвержение-принятие». Партнер, с одной стороны, стремится вступить во взаимоотношения, а, с другой стороны, стремится дистанцироваться от другого человека, особенно при уменьшении дистанции между ними и развитии отношений. Чувства при этом разнятся от самых теплых до самых холодных, переходящих в агрессивные [2].

И, наконец, для тревожно-дезорганизованно-дезориентированной привязанности характерно беспорядочное, непоследовательное поведение, угнетенность, тревожность [2].

Вышеназванные паттерны поведения впервые появляются во взаимоотношениях в диаде «ребенок – значимый взрослый» в период формирования первичной привязанности в первый год жизни. Главную роль в том, какой вид привязанности сформируется у ребенка, играет взрослый: доступный, эмоционально теплый, любящий, удовлетворяющий потребности – такой сформирует надежный тип привязанности. Взрослея, человек приносит сформированный тип привязанности во взаимоотношения с другими людьми. Так возникает вторичная привязанность.

В юношеском возрасте тип привязанности играет существенную роль в построении не только дружеских отношений, но и отношений с противоположным полом, которые в последующем могут стать основой для создания семьи [4].

Литература

1. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби ; пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, Г. В. Бурменской. – М. : Гардарики, 2003. – 477 с.
2. Бриш, К. Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике / К. Х. Бриш. – М. : Когнито-Центр, 2012. – 316 с.
3. Валитова, И. Е. Детская психология : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по пед. и психол. специальностям / И. Е. Валитова, И. В. Шматкова. – Минск : Народная асвета, 2017. – 446 с.

4. Сапогова Е. Е. Психология развития человека / Е. Е. Сапогова. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 460 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. А. РАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. В. Даниленко

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Проблема готовности студенческой молодежи к семейной жизни обусловлена высокой долей разводов в Республике Беларусь, особенно среди молодежи на первом году брака. Эта тема давно привлекает внимание ученых-исследователей и становится все более актуальной. Готовность к семейной жизни является важным условием для построения крепких, долговременных и стабильных отношений. Полагается, что у личности по достижении определенного возраста автоматически сформирована готовность к семейной жизни, но ученые допускают необходимость специальной подготовки молодежи к семейной жизни.

Согласно некоторым статистическим данным, которые приводятся в прессе, каждая четвертая пара распадается в период от 1 до 4 лет совместной жизни. В 2021 году зарегистрировано 34 386 разводов: в городе – 29 897, на селе – 4 489. Более половины разводов (54,9 %) приходилось на периоды совместной жизни: 1–4 года (25,5 %), 5–9 лет (29,4 %). Доля разводов до одного года семейной жизни – 2,7 %. Общий коэффициент разводимости (на 1000 человек): все население – 3,7, городское – 4,1, сельское – 2,2. Конечно, есть различия по отдельным регионам и годам, более детально можно анализировать статистику на сайте главного статистического управления [1].

Л. Б. Шнейдер [2] рассматривает готовность к браку как систему социально-психологических установок личности, которая определяет эмоционально-психологическое отношение к образу жизни и ценностей супругов. По мнению автора, это интегральная категория, которая включает в себя комплекс аспектов таких, как:

- формирование определенного морального комплекса;
- готовность личности принять новую систему обязанностей по отношению к своему брачному партнеру;
- подготовленность к межличностному общению и сотрудничеству (так как семья является малой группой, то необходимым условием ее нор-

мального функционирования является согласованность ритмов жизни брачных партнеров);

- способность к самоотверженности по отношению к партнеру (такое умение предусматривает готовность к соответствующей деятельности, которая базируется на альтруистической направленности личности);

- эмпатичный комплекс (свойства, связанные с проникновением во внутренний мир другого человека). В этой связи увеличивается роль психотерапевтической функции брака, эффективной реализации которой способствует развитие способности к сопереживанию;

- высокая эстетическая культура чувств и поведения личности;

- способность решать конфликты конструктивным способом, умение самостоятельно регулировать поведение.

Можно отметить, что эти умения являются решающими в процессе адаптации молодежи к семейной жизни. Также готовность к семейной жизни является социально-психологическим и личностным явлением с внутренними и внешними связками, которые определяют готовность личности в этой сфере ее жизнедеятельности.

Одной из главных задач, решаемой в юношеском возрасте, является формирование готовности личности к семейной жизни. Психологическая готовность молодежи к семейной жизни – это качества личности, интегрирующее принятие ценности семьи как социального института, специальные знания и умения в области семейных отношений, рационального ведения домашнего хозяйства, семейной педагогики, межличностного общения. Следовательно, для создания прочных семейных отношений недостаточно только желания молодых людей. Крепкое супружеское счастье требует определенных знаний, способностей и умений, а также зависит от личных качеств молодых людей, их социальной зрелости, совместимости, воспитанности и от того, насколько они овладели знаниями закономерностей человеческого общения и в какой степени умело применяют эти знания в повседневном общении.

Литература

1. Браки, разводы и общие коэффициенты брачности и разводимости [Электронный ресурс] / Главное статистическое управление Минской области. – Режим доступа : <https://minsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statisticheskaya-informatsiya/demograficheskaya-i-sotsialnaya/braki-razvody-i-obshchie-koeffitsienty-brachnosti-i-razvodimosti/>. – Дата доступа : 25.10.2022

2. Шнейдер Л. Б. Семейная психология / Л. Б. Шнейдер. – М. : Мысль, 2005. – 765 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

И. Ю. РАПИНЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. О. Семянникова

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО
КУРСА В ВЫСШЕМ УЧРЕЖДЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

Человек на протяжении всей своей жизни адаптируется к тем или иным условиям и проблема адаптации студентов в новом учебном заведении, на начальном этапе профессиональной подготовки достаточно актуальна и занимает одно из важнейших мест в психологии.

Адаптация – это состояние человека, который способен адаптироваться к своему физическому профессиональному и социальному окружению.

И. Т. Зайнышев и А. А. Чернецкая выделяют четыре стадии процесса адаптации, характеризуя каждую из них:

– начальная стадия – адаптирующийся улавливает лишь правила поведения, но система ценностей социума внутренне им не признается;

– вторая стадия (терпимость) выделяет признание равноценности эталонов поведения в отношении социальной среды индивида;

– третья стадия – приспособление, «аккомодация», связана с взаимными уступками: индивид признает и принимает систему ценностей среды, но и представители этой среды признают некоторые его ценности;

– четвертая стадия – стадия полной адаптации, «ассимиляция», когда индивид отказывается от прежних образцов и ценностей и полностью принимает новые.

В первую очередь первокурсники адаптируются к учебному процессу, который значительно отличается от школьного; к новому коллективу; к новым условиям жизни, самостоятельной организации учебы, свободного времени, быта, к новым отношениям с родителями, так как подросток становится постепенно независимой личностью.

Процесс адаптации студентов первого курса к учебе и правилам поведения в высшем учреждении образования имеет свои проблемы и особенности. Этот процесс в новом коллективе зависит от обстановки в группе, от ее психологического климата, от того, насколько комфортно, интересно, безопасно чувствует себя студент во время занятий, в общении с однокурсниками. Отношение к учебе станет положительным только в том случае, если оно будет способствовать улучшению положения обучающегося в коллективе.

Процесс адаптации протекает как приспособление к новой системе обучения, новым условиям учебы. Вхождение в студенческий коллектив сопровождается существенной перестройкой жизни, психического и психологического состояний студента. У подростка формируется потребность быть взрослым, осознавать себя личностью, отличной от других людей, отсюда стремление к самоутверждению, самореализации, самоопределению, которые могут стать причиной неадекватного поведения. Подростки хотят найти свое место в коллективе, во взаимоотношениях с одноклассниками, занять определенное положение среди сверстников.

Таким образом, адаптация студентов первокурсников является составной частью социальной и воспитательной работы в учреждении образования, целью которой является создание позитивного образовательного пространства.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. С. РАТЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Т. В. Васильева

ХАРАКТЕР ЛОКУСА КОНТРОЛЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В настоящее время в психологии распространена концепция о двух типах ответственности личности – теория локуса контроля. Локус контроля является качеством, характеризующим склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам, либо собственным способностям и усилиям. Представления человека о том, от кого зависят значимые для него события, выявляются специальными тестами-опросниками по определению локуса контроля. Выявление подобного рода личностных особенностей позволяет определить степень активности человека в достижении своих целей, степень его уравновешенности, независимости и многие другие показатели, характеризующие взаимодействие личности с социумом и самим собой.

В юношеском возрасте молодые люди начинают осваивать профессиональную деятельность, и результаты профессионального обучения важны как для самой личности, так и для социума. Попадая в высшую школу, молодые люди сталкиваются с необходимостью взять на себя ответственность за организацию собственной учебно-профессиональной деятельности и ее результаты. Как известно, не все молодые люди готовы к преодолению тех новых трудностей, которые перед ними возникают в высшей школе. Так, юношам и девушкам необходимо научиться рассмат-

ривать себя в качестве полноценного субъекта учебно профессиональной деятельности и отношений с преподавателями и сверстниками, научиться управлять собственной активностью, учитывая, как внешние обстоятельства. Так и собственные личностные особенности. В этой связи изучение характера локуса контроля у современных студентов является актуальной исследовательской и диагностической задачей.

Впервые понятие локуса контроля рассматривалось в работах американского психолога Дж. Роттера. Согласно Дж. Роттеру, одним из элементов знания о себе выступает гипотеза людей об источнике успехов и неудач, о причинах как положительных, так и отрицательных результатов их деятельности. В соответствии с содержанием этой гипотезы человеку может быть приписан определенный локус контроля, который определяет, в какой степени человек ощущает себя хозяином судьбы либо чувствует себя зависимым от обстоятельств. Дж. Роттер считал, что существуют персональные различия, которые зависят от того, на кого люди возлагают ответственность за происходящее с ними. В связи с тем, что он ввел понятие «ожидание», то есть уверенности или субъективной вероятности того, что определенное поведение людей в данной психологической ситуации будет каким-то образом подкреплено, он выделил два типа людей: среди первых те, кто уверен, что сможет проконтролировать и повлиять на получаемые подкрепления – это люди с интернальным (внутренним) локусом контроля; среди других те, кто считает, что подкрепления – дело случая или судьбы – это люди с экстернальным (внешним) локусом контроля.

Целью нашего эмпирического исследования стало изучения особенностей локуса контроля студентов. Эмпирическое исследование проводилось на базе учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина». В исследовании приняло участие 62 студента. В качестве методики исследования была использована методика «Тест-опросник субъективной локализации контроля» (СЛК) С. Р. Пантеева и В. В. Столина.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у 71 % опрошенных преобладает интернальный тип субъективной локализации контроля. Это говорит о том, что большинство студентов исследуемой выборки характеризуются уравновешенностью, имеют склонность к самоанализу, убеждены в неслучайности собственных успехов или неудач, зависящих только от их целеустремленности и компетентности. Они верят, что способны влиять на ситуацию и изменять ее в своих интересах. Эти личностные характеристики, на наш взгляд, позитивно влияют на осуществление студентами учебно-профессиональной деятельности.

Около третьей части опрошенных (29 %) продемонстрировали доминирование экстернального типа субъективной локализации контроля. Для

них свойственно внешне направленное защитное поведение, в качестве атрибуции ситуации они предпочитают иметь шанс на успех. Такие студенты не уверены в своих силах, как правило, боятся брать на себя ответственность, стремятся отложить невыполненные задачи. Такие студенты, на наш взгляд, нуждаются в своевременной психолого-педагогической помощи в самоорганизации их учебно-профессиональной деятельности

К СОДЕРЖАНИЮ

Е. А. РОМАНЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – В. Ю. Москалюк

ПОНЯТИЕ О СТРЕССЕ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Современный образ жизни насыщен различными стрессами. Человек постоянно пребывает в стрессогенных условиях, что оказывает определенное влияние на его поведение, работоспособность, физическое, психологическое и психическое здоровье, взаимоотношения с окружающими. Г. Селье, являющийся первооткрывателем учения о стрессе, определяет его как неспецифическую, универсальную реакцию организма на воздействие стимула (физического или психологического), нарушающее его гомеостаз. Стресс представляет собой общий адаптационный синдром, запускающийся в ответ на измененные условия жизнедеятельности, различные по своему характеру раздражители [1; 2].

В литературе по проблеме исследования рассматривают субъективные и объективные причины стресса. К субъективным причинам стресса относятся следующие:

1) несоответствие генетических программ человека реально существующим условиям. Современный человек привык к комфортным условиям окружающей среды (температурный режим, техническое оснащение и т. п.), при этом общий уровень стрессогенности нашей жизни в современном социуме постоянно растет;

2) реализация негативных родительских программ. Эти программы проявляются как неосознанные установки, жизненные принципы, родительские сценарии и оказывают значительное влияние на жизнь человека. Если в детском возрасте они полезны и помогают ребенку успешно адаптироваться к окружающей среде, то по мере взросления и изменения условий жизни они начинают усложнять взаимодействие с миром, делая поведение неадекватным и вызывая стрессы;

3) состояние фрустрации, которое заключается в возникновении препятствий на пути удовлетворения наших актуальных потребностей. В свою очередь, это состояние может приводить к развитию различных психосоматических заболеваний (болезни сердца, пищеварительной, костной системы, дыхательных путей, аллергии и др.);

4) конфликты, происхождение которых связано с ошибками в процессе коммуникации. Люди могут стать участниками как межличностных, так и личностно-групповых и даже межгрупповых конфликтов. При этом затяжные конфликты негативно отражаются на функционировании организма человека в целом. Особый тип конфликтов составляют внутриличностные конфликты, несвоевременное разрешение которых может длительное время стрессировать человека и приводить к неврозам;

5) неумение распределять время. Стремительный темп современной жизни, высокие требования к выполнению социальных требований создают определенные сложности в сфере планирования, определения временных границ. С понятием времени как источника стресса коррелирует чрезмерное заострение человеком внимания на событиях прошлого и будущего, игнорируя при этом настоящее.

Объективные причины стрессов современного человека можно разделить на четыре группы: условия его жизни и работы; социальные факторы среды; люди, с которыми он взаимодействует; чрезвычайные обстоятельства [1; 2].

Также в литературе по заявленной теме обсуждаются факторы, влияющие на развитие стресса: генетическая предрасположенность; неадекватный уровень самооценки; ранний детский травматический опыт; социальные условия, включающие в себя уровень медицинской помощи, организации отдыха, а также условия труда; ближнее социальное окружение (родители, супруги, дети, друзья), так как поддержка близких уменьшает воздействие дистресса, и наоборот, одиночество, ссоры в семье повышают риск возникновения стресса; физиологический уровень сензитивности человека; способность к анализу и рефлексивность; прошлый опыт; психосоматические заболевания.

Способность человека противостоять воздействию стрессовых факторов в литературе по проблеме исследования определяется как стрессоустойчивость [3]. Ученые в своих работах связывают указанную способность с надситуативной активностью. Стессоустойчивость развивается в процессе постоянных тренировок. При этом не отрицается тот факт, что у нас есть определенные физиологические и личностные особенности, обеспечивающие устойчивость к стрессу. Ряд таких особенностей заложен уже на генетическом уровне. Среди физиологических особенностей, влияющих на стрессоустойчивость, выделяется тип нервной системы. Доказано, что че-

ловек с сильным типом нервной системы более устойчив к воздействию стрессоров. Определенные гормональные особенности тоже обеспечивают нашу стрессоустойчивость: установлено, что люди и животные с низким уровнем кортизола менее подвержены неблагоприятным воздействиям стрессоров. При этом высокий уровень кортизола, наоборот, повышает вероятность депрессивного, меланхолического настроения.

Далее укажем ряд личностных особенностей, описанных в анализируемых источниках, которые обеспечивают высокую стрессоустойчивость: высокая самооценка; уровень самостоятельности и активности человека при достижении поставленных целей, его личной ответственности за свое поведение; невысокий уровень личностной тревожности; соответствующий баланс между мотивацией достижения успеха и избеганием неудачи; определенные волевые качества, к которым относят настойчивость в достижении намеченных целей; решительность, организованность, самостоятельность, умение контролировать себя, а также рефлексивные навыки, позволяющие анализировать собственные действия, что мы уже отмечали выше [4; 5].

Таким образом, стресс как неспецифическая, универсальная реакция организма на воздействие стимула, нарушающее его гомеостаз, является неотъемлемой частью жизни современного человека. Поэтому каждому из нас необходимо развивать у себя способность противостоять воздействию стрессоров – стрессоустойчивость. При этом надо учитывать, что события, которые нас беспокоят и волнуют в настоящем, в будущем могут оказаться не такими уж значимыми и важными.

Литература

10. Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. – М. : Наука, 1983. – 368 с.
11. Щербатых, Ю. В. Психология стресса и методы коррекции [Электронный ресурс] / Ю. В. Щербатых. – СПб. : Питер, 2006. – 256 с. – Режим доступа : <https://www.klex.ru/ext>. – Дата доступа : 10.03.2021.
12. Апчел, В. Я. Стрессоустойчивость человека / В. Я. Апчел, В. Н. Цыган. – СПб. : ВМедА, 2005. – 112 с.
13. Брайт, Д. Преодоление стресса / Д. Брайт, Ф. Джонс // Стресс. Теории, исследования, мифы. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – С. 179–209.
14. Гринберг, Дж. Управление стрессом / Дж. Гринберг ; пер с англ. Л. Гительман, М. Потапова. – 7-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 496 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

В. С. РОМОНЯТОВА

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – С. С. Гончарова

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Временная перспектива – это структуризация времени процессов или отдельных сторон жизнедеятельности субъекта, это когнитивная способность предвидеть будущее, прогнозировать его. Согласно Т. В. Кошевой, И. М. Купчигиной, К.М. Недбаевой, А. Сырцовой и др., временная перспектива формируется на основе культурно-исторического и индивидуального опыта личности и отражает специфику мировоззрения и ориентации на ценности личности, а также отношение к кризисной ситуации. В юношеском возрасте человек осознает течение времени, происходит дифференциация временных интервалов; повышается степень обобщенности. Временная перспектива динамична и способна изменяться при возникновении кризисной ситуации, если меняются жизненные обстоятельства или внутренние установки юношей и девушек.

Целью нашего исследования стало изучение временной перспективы у юношей и девушек. Для проверки выдвинутой гипотезы о том, что наличие кризисной ситуации негативно влияет на временную перспективу юношей и девушек, нами было организовано и проведено эмпирическое исследование.

В исследовании приняло участие 60 студентов-психологов 2 и 4 курсов (30 юношей и 30 девушек) в возрасте от 18 до 21 года. Используются методики: опросник «Временная перспектива» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной (ЗТРИ) [1]; «Психологическая автобиография» Е. Ю. Коржовой [2].; «Духовный кризис» Л. В. Шутовой, А. В. Ляшук [3].

Результаты опросника временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации Е. Т. Соколовой, А. Сырцовой, О. В. Митиной (ЗТРИ) показали, что большинство опрошенных студентов ориентированы на будущее (53 %), у 20 % опрошенных студентов достаточно значимым фактором оказалось негативное прошлое, у 16 % опрошенных студентов ведущим оказался фактор восприятия позитивного прошлого, у незначительного числа респондентов (6 %) преобладающим оказался фактор восприятия гедонистического настоящего, лишь у 5 % опрошенных преобладает фактор восприятия фаталистического настоящего. Анализ различий структурных компонентов временной перспективы у студентов выявил незначительное преобладание их у девушек по всем показателям, кроме фактора гедонистического настоящего.

У большинства опрошенных юношей и девушек прошедшие события психологической автобиографии – это события негативного характера, ожидаемые события, в основном, положительно окрашены. Это свидетельствует о беспокойстве за будущее, а также ориентации, в основном, на положительные переживания и избегание негативного опыта. В психологической автобиографии события прошлого и будущего респондентов имеют высокие баллы. Это является свидетельством их значимости. Наиболее насыщено событиями ближайшее прошлое: среднее время ретроспекции – 2,2–2,3 года; антиципации – 3,0–3,6 года.

Результаты диагностики методики «Духовный кризис» Л. В. Шутовой, А. В. Лящук показал, что средний показатель вероятности духовного кризиса по выборке девушек составил 37 баллов, по выборке юношей – 34 балла, что характеризует средний уровень его проявления. Анализ различий показателей духовного кризиса не выявил значительных отличий у девушек и юношей.

Корреляционный анализ показал, что существуют устойчивые связи между компонентом временной перспективы – ориентацией на будущее и показателем вероятности наличия духовного кризиса. Следовательно, можно утверждать, что наличие кризисной ситуации негативно влияет на временную перспективу у юношей и девушек, корреляция между ними статистически значима.

Теоретический анализ литературы по проблеме исследования (В. С. Самсоненко, Л. Ф. Серенкова, И. Д. Фрумин и др.), а также результаты эмпирической работы показали, что оптимизация временной перспективы у юношей и девушек возможна через внедрение в образовательный и воспитательный процесс разных учреждений образования специальных тренинговых программ, психолого-педагогических семинаров и практикумов, тематических встреч.

Литература

1. Зимбардо, Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь прошлое, наслаждайся настоящим и управляй будущим / Ф. Зимбардо. – СПб. : Речь, 2010. – 349 с.

2. Коржова, Е. Ю. Методика «Психологическая автобиография» в психодиагностике жизненных ситуаций : метод. пособие / Е. Ю. Коржова ; под ред. Л. Ф. Бурлачука. – Киев : Межрегион. акад. упр. персоналом, 1994. – 109 с.

3. Шутова, Л. В. Духовный кризис: проблемы определения и диагностики / Л. В. Шутова, А. В. Лящук // Психол. диагностика. – 2005. – № 1. – С. 51–71.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. В. САВЧЕНКО

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова
Научный руководитель – И. В. Калачева

**ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ**

Детско-родительские отношения – это непрерывные, длительные и опосредованные личностными и возрастными особенностями ребенка и его родителей отношения. Система внутрисемейных отношений в подростковом возрасте активно перестраивается, повышается их конфликтность и уязвимость [1]. Не зная особенностей отношений между подростками и родителями, невозможно оптимизировать взаимоотношения внутри семьи.

С целью выявления факторов, определяющих детско-родительские отношения в подростковом возрасте, было проведено исследование, в котором приняли участие 90 подростков в возрасте от 14 до 17 лет. В качестве диагностического инструментария нами были использованы опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской и «Методика измерения психологической дистанции» Е. И. Медведской [2].

В результате статистического анализа данных методики «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской, проведенного с помощью дисперсионного анализа, были выявлены значимые факторы, определяющие отношения подростков с родителями.

Установлено, что мальчики оценивают отношение обоих родителей к ним как более строгое. Это проявляется в использовании более суровых мер и жестких правил, принуждающих к определенным действиям. Мы полагаем, что близкие ожидают от мальчиков ответственного поведения и считают допустимым использовать по отношению к ним более строгие меры воздействия, чем к девочкам.

Для девочек характерно более выраженное стремление к согласию со своими матерями, чем для мальчиков. В то же время мальчики выше оценивают сотрудничество с отцами, эмоционально более близки с ними, чем девочки. Мы полагаем, это обусловлено более выраженным гендерным сходством взглядов на жизненные ситуации у родителей и детей одного пола, стремлением к более активному взаимодействию с ним.

Было выявлено, что подростки из неполных семей воспринимают поведение матерей по отношению к ним как более контролирующее, опекающее и ограничивающее, чем их сверстники из полных семей. Это может быть обусловлено выраженной заботой и недоверием матери по отношению к ребенку как компенсацией отсутствия отца.

Обнаружена тенденция оценки подростками из многодетных семей своих отцов как более последовательных в воспитательных воздействиях и отличающихся стабильностью требований, чем их сверстников из семей других типов. Мы полагаем, что многодетные отцы имеют больший опыт в воспитании и готовы перестраивать взаимодействие с детьми на разных возрастных этапах.

У младших подростков установлена тенденция оценки отношения к ним отцов как более строгого, чем старшими подростками. Возможно, это обусловлено снижением значимости мнения родителей и доминированием общения со сверстниками в этом возрасте. Поэтому отцы могут проявлять строгость из-за изменения поведения ребенка, приоритета общения с друзьями другим сферам, неодобрения компании сверстников и т.д.

Статистический анализ результатов методики измерения психологической дистанции Е. И. Медведской, проведенный с помощью биномиального z-критерия, позволил установить, что подростки достоверно чаще оценивают отношения с матерями как симбиотические, в то время как отношения с отцами чаще воспринимаются как плодотворные. Это может быть обусловлено более выраженной включенностью матерей в жизнь детей, их опекающей и контролирующей позицией, сдерживающей инициативу и самостоятельность подростка.

Таким образом, результаты исследования позволили установить, что отношения подростка с родителями определяются такими социально-демографическими характеристиками, как пол и возраст ребенка (младший или старший подросток), тип семьи (полная, неполная, многодетная), а также пол родителей.

Литература

1. Целуйко, В. М. Трудности семейного воспитания / В. М. Целуйко // Диалог. – 2016. – № 2. – С. 30–41.
2. Слепкова, В. И. Психологическая диагностика семейных отношений / В. И. Слепкова, Т. А. Заeko. – Мозырь : Содействие, 2007. – 196 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. В. САМОСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. В. Головня

СПЕЦИФИКА ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМЫ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

В нынешнем обществе проблема информационного влияния на массовое сознание людей становится все более актуальной. При этом реклама

выступает как специфическое средство воздействия на личность, рассмотрению которой мы уделим особое внимание далее. В контексте истории целесообразно упомянуть Теофраста Ренодо, как первооснователя рекламного дела. Именно он впервые начал публиковать в прессе частные объявления. А также Уильяма Тэйлора, где его компания Tayler & Newton выступала как посредник между рекламодателем и типографией.

Необходимо отметить, что наличие целевой аудитории выступает в качестве неотъемлемого условия любого рекламного текста. Возрастными границами пожилого возраста, по мнению многих авторов, считается возраст от 60 до 74 лет. Создавая содержание рекламы для адресатов «пожилые люди», важно учитывать комплекс факторов. Так как восприятие человеком действительности складывается многие годы, в жизни старика имели место быть различные, даже непредсказуемые аспекты жизни и полученного опыта. «Пожилой возраст» – это период, в котором, согласно Э. Эриксону, должна произойти интеграция далекого прошлого и настоящего. Причем прошлое как бы выходит в фокус сознания, а настоящее на периферию. Однако зачастую происходит обесценивание своей жизни, сожаление о содеянном, а также о несбывшихся мечтах, ожиданиях, надеждах и пр. Поэтому понятно, что возрастные особенности играют значимую роль для рекламодателей, поскольку на их специфику ориентируются при формировании и построении рекламных текстов.

Фундаментальную роль в рекламе представляет так же и то, каким образом потенциальный покупатель услышит рекламный текст. При формировании аудиальных рядов в процессе озвучивании текста для людей старшего поколения следует учитывать особенности восприятия звуков именно в данном возрасте. Исследования демонстрируют нам, что для людей пожилого возраста гораздо эффективнее использовать низкие тона, спокойные и сдержанные. Достаточно плохо воспринимаются высокие женские и тонкие детские голоса. Людям с напряженной нервной системой мешает фоновый шум, особенно, когда говорят несколько человек или же, когда музыка громче голоса. Поэтому следует избегать большого количества звуков в рекламе, стоит ограничиться голосом одного говорящего и едва слышной музыкой [1].

Когда маркетолог создает рекламу, то он понимает, что реклама воспринимается только на слух и глазами, и не может действовать на органы чувств. Следовательно, реклама может остаться в памяти человека, как отдельный образ-воспоминание, опираясь на который, человек может одновременно и видеть, и слышать, и обонять, и осязать и т. д. Иными словами, рекламу необходимо «насыщать» повседневными образами и ситуациями, чтобы потребителю были знакомы ощущения, и он ее запомнил, когда будет соотносить с собой. Максимальное соответствие по всем перечислен-

ным параметрам наблюдается у пенсионеров и пожилых людей. Главное выяснить их потребности, найти целевые интересы, увлечения и создать базисное содержание для запуска рекламы. Очевидно, что им не надо демонстрировать резкую, быструю и громкую рекламу с кричащими заголовками. Пожилые люди любят тишину и спокойствие. Существует даже такая фраза: «Старики как дети, к ним нужен особый подход». Поэтому необходимо выбирать оптимальную стратегию подачи товаров и услуг, чтобы подтолкнуть к совершению покупки [2].

В заключение целесообразно указать, что пожилым людям гораздо лучше подойдет добрая, позитивная и спокойная реклама, где будут присутствовать дети и добрые персонажи, которые, не спеша и информативно рассказывают о товаре. Ведь люди в преклонном возрасте начинают относиться к жизни гораздо внимательнее и пытаются узнавать, например, много информации по восстановлению здоровья самостоятельно. Поэтому реклама с милым врачом, рассказывающим как вылечить суставы, будет являться наиболее рациональной для обеих сторон. Ослабление с возрастом зрительных и слуховых каналов восприятия обостряет кинестетический тип восприятия, и маленький текст или тихий голос может быть просто не замечен в телевизоре пожилым человеком. Следует отметить, что в рекламе неуместно присутствие мелких деталей. Таким образом, работая с данной целевой аудиторией, нужно тщательно подбирать информацию и продумывать каждую деталь содержания рекламной кампании.

Литература

1. Юртайкина, О. В. Лингвистические особенности рекламы / О. В. Юртайкина // Ученые записки. – 2011. – №1–2 (5).

2. Михайлова, И. Ю. Создание положительного образа рекламы для людей старшего возраста [Электронный ресурс]. / И. Ю. Михайлова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-polozhitelnogo-obraza-reklamy-dlya-lyudey-starshego-vozrasta>. – Дата доступа: 27.09.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. Д. СВЕТОГОР

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Научный руководитель – Т. Г. Шатюк

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ СО СМЕШАНЫМ СТИЛЕМ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Говоря о смешанном стиле детско-родительских отношений можно дать им следующую характеристику: отсутствие определенных и четко

выраженных требований к ребенку. В такой семье у ребенка не формируется устойчивость и упорядоченность окружающего мира, отсутствуют четкие ориентиры в поведении и оценках, что влечет за собой возникновение повышенной тревожности, неуверенности, импульсивности, повышенной чувствительности к агрессивности и неуправляемость, что в дальнейшем вытекает в социальную дезадаптацию [1, с. 69–86].

Теоретический анализ проблемы актуализировал проведение эмпирического исследования по выявлению взаимосвязи склонности к суицидальному поведению и стиля детско-родительских отношений у лиц подросткового возраста. Изучение взаимосвязи между показателями суицидального поведения у подростков и смешанного стиля детско-родительских отношений было проведено на выборке из 60 респондентов с помощью опросника «Суицидальный риск» А. Г. Шмелева в модификации Т.Н. Разуваевой.

Согласно полученным статистическим данным, была выявлена взаимосвязь между смешанным стилем детско-родительских отношений и такими качествами, как демонстративность, уникальность, слом культурных барьеров, максимализм. Демонстративность характеризует повышенную потребность ребенка в успехах и внимании окружающих. Также выявленная уникальность говорит о стремлении подростков проявлять собственную уникальность и демонстрировать себя. Характерным признаком слома культурных барьеров является поиск культурных ценностей и нормативов, оправдывающих суицидальное поведение или даже делающих его в какой-то мере привлекательным. Выявленный максимализм на низком уровне свидетельствует об отсутствии аффективной фиксации на неудачах. Это может быть следствием сильной погруженности в настоящую ситуацию, трансформацией чувства неразрешимости текущей проблемы в глобальный страх неудач и поражений в будущем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что смешанный стиль детско-родительских может негативно повлиять на еще неустойчивое самовосприятие, самоотношение и самооценку ребенка, дестабилизирует его, что в последующем может привести к формированию суицидального поведения. Ребенку необходима стабильность и наличие ориентиров в оценках и поведении, что оказывается невозможным при данном стиле детско-родительских отношений.

Литература

1. Плеханов, В. Ю. Стили детско-родительских отношений и их влияние на развитие личности ребенка / В. Ю. Плеханов // Вестн. по педагог. и психол. Южной Сибири. – 2016. – № 5. – С. 69–86.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

И. Н. СЕВАШКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. В. Северин

СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ У РАБОТНИКОВ ПРОФЕССИЙ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ТИПА, ИМЕЮЩИХ РАЗНЫЙ УРОВЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Актуальность данной темы состоит в том, что процесс общения происходит постоянно, ежеминутно, непрерывно, и порой результат этого взаимодействия отрицательный. Работники обслуживающего типа попадают в тот ряд профессий, в которых человек начинает испытывать чувство внутренней эмоциональной опустошенности вследствие необходимости постоянных контактов с другими людьми, в частности из-за конфликтов.

подавляющая часть работников приходит с разной степенью профессиональной подготовки. Работа персонала обслуживающего типа требует особой психологической подготовки. Вследствие этого, у персонала при взаимодействии с клиентами, могут возникать большое количество ошибок в качественном обслуживании, которые отражаются на имидже и репутации организации и сказываются на общем уровне прибыли.

Постоянные конфликтные ситуации, в которые они попадают в процессе порой сложного взаимодействия с клиентом оказывают негативное воздействие на здоровье работника, его самочувствие. Работникам, по роду своей деятельности, вовлеченным в длительное общение с другими людьми, свойственен синдром «эмоционального выгорания», проявляющийся как состояние физического и психического истощения, вызванного интенсивными межличностными взаимодействиями при работе с людьми, сопровождающимися эмоциональной насыщенностью.

Цель исследования – выявить характер взаимосвязи стиля поведения в конфликте с уровнем эмоционального выгорания у работников профессий обслуживающего типа. Методики: тест «Оценка способов реагирования в конфликте» К. Н. Томаса (адаптация Н. В. Гришиной); методика исследования синдрома эмоционального выгорания В. В. Бойко.

Исследование поведения в конфликте респондентов позволило установить, что 28 % опрошенных выбрали стратегию компромисса, которая является доминирующей при опросе официантов. У 26 % опрошенных доминирует стратегия приспособления, стратегия «избегания» выбрали 18 % опрошенных. Стратегию сотрудничества выбрали 20 % официантов, участвующих в опросе. Наименьший показатель при выборе стратегии соперничества – 8 %. Такой стиль поведения в конфликте в работе официанта является наименее эффективным.

Кроме того, исследование эмоционального выгорания показало, что у 52 % респондентов синдром отсутствует, у 24 % наблюдается не выраженность данного синдрома. Сформировавшийся синдром отмечается у 24 % респондентов, причем по шкалам «напряжение» и «истощение».

Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке. В ходе проведенного корреляционного анализа по критерию Спирмена были выявлены зависимости между показателями двух методик:

– между переменной «Резистенция» и переменной «Избегание» существует отрицательная корреляционная зависимость ($r = -0,33$; $p \leq 0,05$), то есть, чем выше показатель переменной «Резистенция», тем ниже показатель по шкале «Избегание». Это свидетельствует о том, в ходе сопротивления нарастающему стрессу и напряжению респонденты стремятся к психологическому комфорту и поэтому стараются снизить давление внешних обстоятельств. Формирование защиты на этапе сопротивления зачастую приводят их к конфликтам, которые они не стараются избегать.

– между переменной «Эмоционально-нравственная дезориентация» и переменной «Соперничество» существует положительная корреляционная зависимость ($r = 0,28$; $p \leq 0,05$), то есть, чем выше показатель переменной «Эмоционально-нравственная дезориентация», тем выше показатель по шкале «Соперничество». Это указывает на то, что при неадекватном реагировании в отношениях с клиентами, официанты не только не осознают, что не проявляют должного эмоционального отношения, но и стремятся вступить с клиентами в соперничество.

– между переменной «Резистенция» и переменной «Редукция профессиональных обязанностей» существует положительная корреляционная зависимость ($r = 0,32$; $p \leq 0,05$), то есть, чем выше показатель переменной «Резистенция», тем выше показатель по шкале «Редукция профессиональных обязанностей». Сопротивление стрессу в большей степени связано у таких респондентов с попыткой облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат и чаще всего они выбирают такой стиль поведения в конфликте как избегание.

– между переменной «Истощение» и переменной «Редукция профессиональных обязанностей» существует положительная корреляционная зависимость ($r = 0,40$; $p \leq 0,05$), то есть, чем выше показатель переменной «Истощение», тем выше показатель по шкале «Редукция профессиональных обязанностей». Падение общего энергетического тонуса и ослабление нервной системы связано с попыткой облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат. Поэтому они склонны к такому стилю поведения с клиентами как избегание.

– между переменной «Избегание» и переменной «Компромисс» существует отрицательная корреляционная зависимость ($r = -0,31$; $p \leq 0,05$),

то есть, чем выше показатель переменной «Избежание», тем ниже показатель по шкале «Компромисс». Это указывает на то, что официанты, склонные к избеганию конфликтов с клиентами в меньшей степени могут проявлять способности к поиску компромиссных решений.

– между переменной «Приспособление» и переменной «Соперничество» существует отрицательная корреляционная зависимость ($r = -0,46$; $p \leq 0,05$), то есть, чем выше показатель переменной «Приспособление», тем ниже показатель по шкале «Соперничество». Официанты, которые стремятся приспособиться к желаниям и мнению клиентов, редко проявляют соперничество и сопротивления.

– между переменной «Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» и переменной «Неудовлетворенность собой» существует положительная корреляционная зависимость ($r = 0,34$; $p \leq 0,05$), то есть, чем выше показатель переменной «Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», тем выше показатель по шкале «Неудовлетворенность собой». Это свидетельствует о влиянии самовосприятия на эмоциональное реагирование других. Негативное восприятие себя и неудовлетворенность собой вызывает неадекватное эмоциональное реагирование с клиентами. Такие официанты чаще всего выбирают стиль соперничества в конфликте.

Таким образом, в группе официантов со сложившимся синдромом эмоционального выгорания преобладает стиль поведения «приспособления», а также такой стиль поведения как избегание. Большинство корреляционных связей указывает на связь синдрома эмоционального выгорания с проявлением таких стилей поведения как избегание и соперничество.

Результаты исследования дополняют и расширяют имеющиеся в социальной психологии теоретические положения о выборе стиля поведения в конфликте и его обусловленность выраженностью синдрома эмоционального выгорания. Также следует помнить, что для работника выгорание становится болезненной проблемой, в масштабе организации конфликтные ситуации и выгорание сотрудников приводят к снижению эффективности работы и большой текучести кадров. Поэтому благоприятный морально-психологический климат является необходимым условием для повышения производительности труда, его эффективности и качества.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. Д. СЕВРЮКОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. В. Северин

САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Самопрезентация личности рассматривается как процессная деятельность, представляющая собой неотъемлемую составляющую любого коммуникативного акта, как общая характеристика социального поведения, а также как средство управления впечатлением, которое человек производит на других в процессе взаимодействия с ними.

Все социальные взаимодействия в обществе можно рассматривать с точки зрения самовыражения личности. Термин «саморепрезентация» был введен в 1959 г. социологом И. Гофманом, развивавшим идеи интеракционизма. В традициях гуманистической психологии самопрезентацию рассматривали такие известные психологи, как Карл Роджерс и Абрахам Маслоу. В этом аспекте самопрезентацию можно определить как идеал, который человек обретает в ходе своей жизнедеятельности – специально направленной и мотивированной деятельности. Понятие образа «я» раскрывается в теории «Я-концепции» [1; 2].

Выделяют ряд общих моментов, характеризующих социально-психологический феномен самопрезентации личности:

– является поведенческим выражением «я-образа», а его основными средствами являются: вербальное и невербальное поведение личности, формирование внешнего облика и предметов окружающего пространства, относящихся к теме самопрезентации – социальные символы;

– является способом регуляции взаимодействий субъекта с социальной средой и является важной частью процесса социального взаимодействия с обществом и другими людьми.

Ученые выделяют проактивную и реактивную самопрезентацию личности [2].

Проактивная самопрезентация личности – это осознанное самовыражение личности в ситуациях субъективно высокой значимости, направленное на формирование желаемой идентичности субъекта самопрезентации в восприятии партнера по общению (объекта самопрезентации).

Реактивная самопрезентация личности – это неосознаваемая самопрезентация человека в ситуациях субъективно малой важности, не направленное на совладание с производимым впечатлением, которое проявляется в использовании субъектом самопрезентации привычных коммуникативных моделей поведения.

В юношеском возрасте у людей проявляются сильные эмоциональные реакции в социальном взаимодействии, общительность, активность, импульсивность, а также выраженная тревожность и сенситивность, обусловленные субъективным ощущением свободы от социально определенных «поведенческих рамок».

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимым условием социальной успешности современного человека, вне зависимости от половозрастной дифференциации, является его самопрезентационная компетентность, под которой понимается мотивированная способность человека к эффективной самопрезентационной деятельности за счет сформированной системы необходимых знаний и навыков, вариативных методов и приемов самовыражения, а также опыт практической успешной реализации самопрезентации.

Литература

1 Пикулева, О. А. Самопрезентация личности в процессе социального взаимодействия / О. А. Пикулева // Вестн. С-Петербур. ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, право, междунар. отношения. 2005. – № 3. – С. 75–97.

2 Карасева, С. К. Самопрезентационная компетентность современного конкурентоспособного специалиста / С. К. Карасева // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия 3. Педаг. и психол. – 2012. – № 4. – С. 55–64.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

А. С. СЛЕСАРЕВА

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Научный руководитель – Т. Г. Шатюк

ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНОСТИ У МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ С ПАЦИЕНТАМИ COVID-19

Несмотря на успехи современной медицины, человечество по-прежнему живет под угрозой глобальной смертельной эпидемии. Новая коронавирусная инфекция – глобальная пандемия, ставшая тяжелой ношей для всего мирового общественного здравоохранения.

Источниками стресса медицинского персонала в условиях пандемии являются ненормированный рабочий день, повышенная ответственность, новые и сложные обязанности, отсутствие четких указаний и заданий, недостаточная организация рабочего процесса и информационный вакуум. Работая в таких сложных условиях, медицинские работники ежедневно

видят сотни тяжелобольных пациентов, выслушивают их боль и страдания, являются свидетелями многочисленных смертей и сами живут в страхе заразиться. Все эти факторы негативно сказываются на эмоциональном здоровье медицинского персонала.

Тревожность – психоэмоциональное состояние, возникающее под действием внешних факторов и условий, влияющее на активность и поведение человека. Работа медперсонала в стационарах характеризуется высоким уровнем тревоги и напряженности, и важно учитывать воздействие данных факторов, которые могут способствовать сокращению профессионального долголетия работников. Медицинские сотрудники являются главной силой, на которой строится система здравоохранения, и поэтому крайне важно заботиться об их физическом, психологическом и моральном благополучии.

Вышеизложенные аспекты актуализировали проведение эмпирического исследования особенностей тревожности у молодых специалистов и медицинских работников с опытом работы в лечебном учреждении более трех лет, которое было проведено на базе учреждения здравоохранения «Жлобинская ЦРБ». В нем приняли участие 25 молодых специалистов, оказывающих помощь пациентам с COVID-19, с опытом работы менее трех лет и 25 медицинских работников, которые оказывают помощь пациентам с COVID-19 с опытом работы в лечебном учреждении более трех лет. В качестве диагностического инструментария была использована методика: «Шкала тревоги» А. Бека.

Результаты исследования выраженности симптомов тревоги у медицинских работников по методике А. Бека. Было выявлено, что молодые специалисты, оказывающий помощь пациентам с COVID-19, характеризуется симптомами тревоги высокой ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 4,842$ при $p \leq 0,01$) интенсивности. Это означает, что молодые специалисты, ещё не освоили работу, в том числе в экстремальных условиях, испытывают страх заразиться и бояться передать инфекцию членам семьи или другим лицам. Испытывают наличие переживаний, страха, вплоть до ужаса и выраженных таких физиологических симптомов тревоги, как дрожь в руках и ногах, учащенное сердцебиение, неустойчивость и ощущение удушья, страх смерти, желудочно-кишечные расстройства, предобморочные состояния, приливы крови к лицу и усиленное потоотделение, не связанное с жарой.

В то же время медицинский персонал, оказывающий помощь пациентам с COVID-19, с опытом работы более трех лет, не испытывает симптомы тревоги ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 2,523$ при $p \leq 0,01$) или же испытывает, но в легкой степени ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 3,667$ при $p \leq 0,01$), то есть медицинские работники, имеющие опыт работы, адаптировались к условиям

труда, в том числе в экстремальных условиях, но им также свойственны усталость, слабость, головокружение, раздражительность, нарушения сна.

Таким образом, наработанный профессиональный опыт позволяет перерабатывать и минимизировать психоэмоциональные перегрузки, снижать общий уровень тревожности.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Н. М. СУПРУН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. И. Медведская

ОБРАЗ ТЕЛА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В отечественной и зарубежной научной литературе начиная от медицины и антропологии и заканчивая философией и искусствоведением, можно встретить множество подходов и аспектов, касающихся изучения человеческого тела. В настоящее время, в связи с повышением значимости внешнего облика человека для успешной социальной адаптации, построения карьеры, создание семьи и т. д., красота человеческого тела стала восприниматься как необходимое условие успеха в жизни. Одновременно резко возрос интерес к психологическим аспектам изучения образа тела.

В психологической науке можно встретить множество подходов к изучению того, что различными авторами может определяться по-разному: образ тела, телесность, я-физическое, концепция тела, схема тела, внешность и др. В зарубежной психологии наиболее употребляемым в настоящее время является именно понятие «образ тела». Следует отметить отсутствие единого определения и наличие множества теоретических концепции и подходов к трактовке понятия «образ тела».

Интерес к изучению образа тела возник более 100 лет назад. Первые исследования, относящиеся к началу XX столетия, были связаны с неврологическими наблюдениями последствий черепно-мозговых травм, сопровождавшихся искажением восприятия тела, а также феномена «фантомной конечности» у пациентов с ампутациями. Исследования тех лет, скорее, были направлены на изучение того, что Генри Хед назвал «схемой тела», т.е. гипотетического мозгового механизма, позволяющего адекватно воспринимать части тела и слаженно управлять их работой [1].

Расширение рамок исследования и появление понятия «образ тела» связано с именем австро-американского невролога и психоаналитика Пауля Шильдера, который в 1935 году в своей книге «образ и внешний вид человеческого тела» впервые вводит понятие «образ тела» и обосновывает необходимость изучения не только неврологических, но также психологи-

ческих и социо-культурных аспектов образа тела [1]. По сути это то, что мы сейчас называем биопсихо-социальной моделью.

В 1958 году Сеймур Фишер и Сидни Кливленд опубликовали еще один знаменательный труд, посвященный проблеме образа тела – «образ тела и личность», в котором, обобщая теоретические и эмпирические исследования с применением проективных методик (например, тестов Роршаха), как здоровых испытуемых, так и пациентов с соматическими и психическими заболеваниями, сформулировали понятия «границ образа тела», «барьера» и «проницаемости», отражающие неосознаваемую субъектом «прочность» границ тела. [1; 2].

Среди других наиболее известных зарубежных исследователей следует упомянуть Фрэнклина Шонца, который подчеркивал, что «образ тела – это не психологическая картина или маленький человек в голове. Его лучше всего описывать с точки зрения функций, которые он выполняет, и уровней, на которых он переживается. Тело функционирует как сенсорный регистр, инструмент для действия, побуждений, стимул для себя и других, частный мир и выразительный инструмент» [3]. Четыре уровня телесного опыта по Шонцу – это схема тела, телесное я, телесные представления (фантазии) и концепция тела. Таким образом, Шонц рассматривает образ тела, как многомерный конструктор.

80-е годы XX века ознаменовались ростом числа исследований, связанных с проблемой лишнего веса, особенно у женщин. Недовольство широких кругов населения своим весом и фигурой приняло катастрофические масштабы [4]. Как следствие, увеличение интереса к проблеме образа тела.

Поворотным моментом стали 90-е годы. Это время характеризуется как продуктивный период концептуального, психометрического и психотерапевтического развития, публикуются многочисленные монографии и руководства, разрабатываются психометрические инструменты для оценки различных аспектов образа тела [1; 5]. Трудно переоценить вклад в эту область Томаса Кэша (Thomas Cash, Университет Олд-Доминион в Норфолке, Вирджиния), с именем которого связано создание теоретических концепций образа тела как многомерной конструкции и разработка более десяти надежных и валидных измерительных инструментов для оценки различных аспектов образа тела, широко применяемых во всем мире [5], а также создание журнала «Body Image: An International Journal of Research». В 2019 году один из выпусков этого журнала был специально посвящен анализу и оценке наследия Томаса Кэша [6].

В настоящее время понятие «образ тела» рассматривается как многокомпонентная структура, в которую входят четыре главных компонента: перцептивный (как человек воспринимает свое тело), аффективный (какие чувства человек испытывает по отношению к своему телу), когнитивный

(что человек думает о своем теле, как его оценивает, какие выводы на основе этого делает) и поведенческий (что человек делает в связи с особенностями своего тела). Этот когнитивно-бихевиоральный подход к изучению образа тела, представленный в основном в работах Т. Кэша и его последователей, является одним из наиболее широко распространенных в современной зарубежной научной литературе, связанной с изучением образа тела [5; 6],

Таким образом, проблема образа тела привлекает широкое внимание зарубежных исследователей, поскольку влияние культурных стандартов красоты, транслируемых СМИ и поддерживаемых социальным окружением, приводит к интернализации навязываемых недостижимых идеалов и заставляет негативно относиться к своему телу.

Литература

1. Cash, T. F. Understanding Body Images: Historical and Contemporary Perspectives / T. F. Cash, L. Smolak // *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention* / Eds. T.F. Cash, L. Smolak. – New York : Guilford Press, 2011 – P. 3–11.

2. Eysenck, H. J. Body Image and Personality / H. J. Eysenck // *International Journal of Social Psychiatry*. – 1958. – № 2. – P. 156–157.

3. Shontz F.C. Body Image and its Disorders // *The International Journal of Psychiatry in Medicine*. 1974 Vol. 5 № 4 P. 461–472.

4. Rodin, J. Women and weight: a normative discontent / J. Rodin, L. R. Silberstein, R. H. Striegel-Moore // *Nebraska Symposium on Motivation*. – 1984 – № 32. – P. 267–307.

5. Thompso, J. K. A multidimensional innovator in the measurement of body image; Some lessons learned and some lessons for the future of the field / J. K. Thompso, L. M. Schaefer, F. Cash Thomas // *Body Image*. – 2019. – № 31. – P. 198–203.

6. Tylka, T.L. Beyond «truly exceptional»: Atribute to Thomas F. Cash, an innovative leader in the body image field / T. L. Tylka // *Body Image*. – 2019. – № 31. – P. 191–197.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

З. В. ТАРАСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. Э. Синюк

**ОСОБЕННОСТИ СФЕРЫ САМОСОЗНАНИЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ**

На современном этапе развития общества возрастают требования к специалисту, его подготовке и образованию, умению решать нестандартные ситуации, ориентироваться в бесконечном потоке новой, часто избыточной, информации. Ведущую роль в данном процессе играет профессиональное самосознание специалиста. Реконструкция современной системы образования предполагает ориентацию не только на знания, умения и навыки студентов, но и, в первую очередь, на формирование высокого уровня профессионального самосознания личности будущего специалиста. Проблемы исследования профессионального самосознания и его компонентов, методов развития являются насущными вопросами современной психологической науки.

Понятие профессионального самосознания опирается на понимание феномена самосознания (я-концепции) личности. Я-концепция, по мнению Р. Бернса, представляет совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженную с их оценкой. Описательную составляющую я-концепции часто называют образом я или картиной я. Составляющую, связанную с отношением к себе или к отдельным своим качествам, называют самооценкой или принятием себя [1].

Профессионализация – целостный непрерывный процесс становления личности специалиста, который начинается с момента выбора и принятия будущей профессии и заканчивается, когда человек прекращает активную трудовую деятельность [2]. Наиболее интенсивно протекает профессионализация в период освоения профессии. В связи с этим важной задачей образования должно стать содействие развитию зрелого профессионального самосознания. Особое значение эта задача приобретает для подготовки специалистов помогающих профессий.

Согласно классификации, предложенной Е. А. Климовым, профессии, предполагающие постоянную работу с людьми и постоянное общение в ходе профессиональной деятельности, относятся к системе «человек-человек», то есть к группе профессий социономического типа. Данные профессии, как правило, связаны с такими сферами, как медицинское обслуживание, обучение и воспитание, бытовое обслуживание, правовая защита. Отдельно в данной группе можно выделить те сферы деятельности, которые связаны с оказанием той или иной помощи человеку, группам

людей, то есть те, которые относятся непосредственно к «помогающим» профессиям (врач, психолог, учитель и др.) [3].

Следует отметить, что средством профессиональной деятельности в данных профессиях выступает сама личность специалиста [2]. Тем самым, залогом его эффективной профессиональной деятельности выступает зрелость его профессионального самосознания.

Е. А. Климов характеризует в общем виде структуру профессионального самосознания следующими положениями: осознание человеком своей принадлежности к определенной социальной общности; знание, мнение о степени своего соответствия профессиональным эталонам, о своем месте в системе «профессиональных» ролей, на «шкале» общественных положений; знание человека о степени его признания в профессиональной группе; учет оценки себя как профессионала со стороны коллег; знание о своих сильных и слабых сторонах, путях самосовершенствования, вероятных зонах успехов и неудач, знание своих индивидуальных способов успешного действия, своего наиболее успешного «почерка», стиля в работе; представления о себе и своей работе в будущем [3].

Следует отметить, что в профессиональной Я-концепции специалистов помогающих профессий значимое место отводится повышенной моральной ответственности. Она обусловлена ролью, отводимой специалистам данного типа в обществе, и включает в себя этические и моральные требования к личности профессионала. Также это является следствием результатов деятельности специалистов помогающих профессий в социальной сфере.

Литература

1. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М. : Прогресс, 1986. – 420 с.

2. Эннс, Е. А. Психологическая характеристика помогающих профессий [Электронный ресурс] / Е. А. Эннс // Современная психология : материалы междунар. заоч. науч. конф., Пермь, июнь 2012. – Пермь : Меркурий, 2012. – С. 92–93. – Режим доступа : <https://moluch.ru/conf/psy/archive/34/2487/>. – Дата доступа : 04.10.2022.

3. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов. – М. : Ин-т практ. психол., Воронеж : МОДЭК, 1996. – 400 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

О. Д. ТАТАРНИКОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. И. Малейчук

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Самооценка – это способность человека оценить значение или качество своих действий, поступков, сторон личности. Под самооценкой подразумевается сравнение себя с идеализированной моделью. Критериями для сравнения могут быть идеалы, нормы, качества или способности других людей. Также на самооценку влияет социальное окружение человека, поскольку в разных обществах и группах принятые нормы, идеалы, стандарты будут отличны.

При оценивании своей значимости личности важно осознавать свои успехи и неудачи в важных для нее областях. Самооценка – это совокупность представлений и осознаний человека о: самом себе, своих физических и умственных способностях, поступках, мотивах, целях своего поведения, своем отношении к окружающему миру, другим людям, самом себе.

Самооценка формируется на основе образа «я» и «я-концепции», когда личность оценивает свои качества. Впоследствии самооценка определяет отношение личности к себе и окружающему миру. В самооценке заложена определенная степень принятия личностью ее свойств, которые определяют ее поведение наедине с собой и в обществе.

Когда формируется самооценка, сопоставляются два образа: «я»-реальное и «я»-идеальное. Чем меньше между ними разрыв, тем выше самооценка личности и наоборот. Рассматривая самооценку, важно помнить, что на нее оказывает влияние оценка окружения, а также реальные достижения в различных видах деятельности. Чем более значительнее и существеннее успехи личности в какой бы то ни было деятельности, тем выше ее самооценка.

Самооценку важно разделять по степени соотношения с реальной успешностью на адекватную и неадекватную самооценку. Адекватной самооценке присущ реальный взгляд личности на саму себя, объективная оценка своих способностей, качеств и свойств. Если мнение человека о себе совпадает с тем, что он представляет собой в действительности, то мы говорим об адекватной самооценке. Если самооценка неадекватна, то она может быть заниженной или завышенной. Завышенная самооценка говорит о том, что человек переоценивает свои возможности и личностные качества. Заниженная самооценка предполагает обратное – недооценивание себя и своих возможностей.

Для гармоничного развития личности нужно, чтобы уровень притязаний был несколько выше самооценки, поскольку именно так создается возможность роста.

Цель нашего исследования – изучить особенности самооценки у студентов педагогических специальностей.

Базой исследования являлся Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина. В исследовании приняли участие 80 студентов педагогических специальностей в возрасте 17–22 лет. В качестве диагностического инструментария были выбрана методика Г. Н. Казанцевой «Диагностика общей самооценки».

Анализ результатов по методике Г.Н. Казанцевой показал, что у 70 % студентов наблюдается низкий уровень самооценки. Этим студентам свойственно болезненно переносить критику в свой адрес, всегда считаться с мнениями окружающих. Также они страдают от «комплекса неполноценности» – чувствуют свою ущербность и верят в превосходство других. Они не ставят перед собой трудно достижимые цели и ограничиваются решением обыденных задач. Они слишком критичны к себе, склонны в себе сомневаться и принимать замечания на свой счет.

26,25 % студентов демонстрируют средний уровень самооценки. Им часто нехарактерно чувствовать свою ущербность и верить в превосходство других; они приспосабливаются к мнению окружающих. Они реалистично оценивают себя, видят свои положительные и отрицательные качества, способны меняться и адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Они ставят перед собой достижимые цели и открыты к получению нового социального опыта.

У 3,75 % студентов выявлен высокий уровень самооценки. Этим студентам присуще отсутствие отягощенности из-за «комплекса неполноценности» и редкие сомнения в своих действиях. Для них характерно идеализировать образ своей личности, свои возможности, ценность для окружающих. Они уверены в своей непогрешимости, не готовы «слышать» других и как-либо меняться. Замечания извне считают несправедливыми придирками.

Итак, исходя из полученных данных, можно заключить, что студенты, в большинстве своем, чувствительны к критике в отношении себя, им свойственно стараться угодить другим людям, позволять окружающим принимать решения за себя.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

И. С. ЧАЛЕВИЧ

Могилев, Могилевский институт МВД
Научный руководитель – С. В. Венедиктов

**ПСИХОЛОГИЯ КЛИКБЕЙТ-ЗАГОЛОВКОВ
В ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «НА СТРАЖЕ»)**

Искажение смысловой структуры заголовочных комплексов в печатных и интернет СМИ с помощью кликбейт-технологий является распространенным приемом психологического воздействия с целью привлечения внимания аудитории. Сравните, к примеру, заголовки: «WhatsApp готовит неприятный сюрприз для своих пользователей» или «Пользователи WhatsApp напряглись». Во втором примере использованы манипулятивные техники.

Кликбейт-заголовки представляют собой заголовочные комплексы новостной информации, в которые преднамеренно внесены искажения, провокационно расставлены акценты, использована чрезмерная эмоциональность для привлечения внимания [2]. Общей целью использования технологий «кричащих» заголовков является расширение аудитории средств массовой коммуникации, увеличение шансов информации быть воспринятой посредством манипулирования вниманием реципиентов: «по утверждению психологов, можно заинтриговать людей, сказав им то, о чем они немного знают, но сообщив не слишком много» [1, с. 205].

Заметный рост доли кликбейта в заголовочных комплексах новостных материалов СМИ наблюдается с 2015 года, что связано с изменением традиционных стандартов журналистики, а также изменениями в языковой структуре интернет-коммуникации [3].

Объясняя психологические основания воздействия кликбейта на аудиторию, используют понятие «информационный разрыв», описывающее состояние дискомфорта от незнания. Дискомфорт сопровождается стремлением устранить чувство депривации, рождаемое от обещания узнать больше, чем индивид уже знает, испытав при этом эмоции, которых раньше испытывать не приходилось [3, с. 42–48].

Кликбейт в медиаконтенте можно распознать по следующим маркерам: а) интригующий характер; б) использование местоимений второго лица (ты, вы), создающих иллюзию диалога с читателем; в) использование знаков модальности (восклицательные и вопросительные знаки, многоточия); г) гиперболизация и избыточные эпитеты; д) ссылки на шокирующие фотографии и анонсы; е) обещание простого получения выгоды, прибыли, легкого заработка через доступ к эксклюзивной информации, скрытой от обычного человека [4].

В результате у читателей формируются ложные ожидания, которые они хотят удовлетворить, переходя по ссылке или открывая очередную статью в газете. В большинстве случаев эти ожидания оказываются завышенными, но главная цель автора достигнута – целевое действие реализовано. Для кликабельности в ход идут любые способы: авторы играют на чувствах людей, вызывают у них жалость, злость, любопытство. Несмотря на некоторое снижение общего количества кликбейта в СМИ, эта технология остается достаточно востребованной; ее возможности также реализуются в современном маркетинге и продажах, SMM.

Нами проведено исследование, которое позволило выявить элементы кликбейта на страницах ведомственной газеты МВД «На страже». Были проанализированы выпуски издания за 2022 год, в результате чего определены наиболее часто встречающиеся методы психологического воздействия на аудиторию. К числу таковых мы отнесли следующие:

1. Интрига (пример заголовка: «когда родители не справляются...»). Как реакция на заголовок у аудитории возникают вопросы («с чем не справляются?», «чьи родители?» и т. п.), на которые читатель хочет получить ответ. У аудитории уже есть свои сформированные ожидания, которые после прочтения статьи могут быть нарушены.

2. Использование остросоциальной темы (пример заголовка: «дополнительные накопления не помешают»). Такой подход оправдан уже самим форматом ведомственного печатного издания. Заголовки кричат нам о том, что все плохо или наоборот хорошо, в зависимости от ситуации. Людям в любом случае интересно читать про политику, здоровье, инфляцию и подобное. Но если придумать правильный заголовок, статья заиграет новыми красками.

3. Апелляция к чувствам аудитории (пример заголовка: «держал преступника истекая кровью...»). Любые эмоции (жалость, гнев, сочувствие, брезгливость, радость) привлекают внимание аудитории и позволяют автору статьи манипулировать вниманием читателя.

4. Использование метафоры (пример заголовка: «кладбище живых»). В статье речь идет о концентрационном лагере времен Второй мировой войны, однако метафоризация с элементами оксюморона, использованная в заголовке, отсылает внимание читателя к иным ассоциациям.

Таким образом, кликбейт – это своего рода «легализованный обман» со стороны издателей и авторов СМИ, направленный на манипулирование вниманием аудитории. Кликбейт-заголовки можно отнести к категории «условно скрытого» манипулирования, так как они не охватывают весь объем информации, содержащейся в сообщении. Использование кликбейта в ведомственной прессе является, на наш взгляд, свидетельством вхожде-

ния этой технологии в число стандартных психолого-коммуникативных средств влияния на аудиторию СМИ.

Литература

1. Богданова, Д. А. Кликбейты и листиклы – современные приемы подачи информации онлайн-медиа / Д. А. Богданова // Народное образование. – 2019. – № 4. – С. 203–210.

2. Венидиктов, С. В. Вербальное манипулирование массовой информацией: уровень скрытого влияния [Электронный ресурс] / С. В. Венидиктов // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД; редкол.: С. В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2022. – 1 CD (R).

3. Венидиктов, С. В. Кликбейт-заголовки «негативных» новостей правоохранительной тематики / С. В. Венидиктов // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования: сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД; редкол.: С. В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2020. – С. 42–48.

4. The Art of Clickbait [Electronic source] // SOMIIBO : Social Media Automation and growth service. – <https://somiibo.com/blog/the-art-of-clickbait/>. – Date of access: 20.09.2022.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

ЧЖ. ЯСЯНЬ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. В. Былинская

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГА У СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ЦЕНТРА ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В КНР

В последние годы, с непрерывным развитием общества Китайской Народной Республики, внимание людей к психическому здоровью продолжает расти, а вместе с этим возрастает внимание всего общества к профессии психолога. В КНР существуют противоречивые взгляды относительно профессии и личности психолога. До сих пор пересекаются в теории и на практике социальная работа и психология, и иногда их трудно отличить друг от друга. Эти оба направления профессиональной деятельности находятся в начальной стадии развития, и многие люди до сих пор не очень хорошо понимают их концепцию. В данной статье автором сделаны попытки анализа представлений о личности психолога у социальных работников и психологов из группы оказания помощи людям с

расстройствами пищевого поведения в Центре психического здоровья в КНР.

В качестве диагностического инструментария был использован метод свободного описания. Сбор материалов исследования осуществлялся на добровольной основе с сохранением полной анонимности его респондентов ($n = 60$). Обработка данных, полученных методом свободного описания, позволила составить психологический портрет психолога у социальных работников из Центра психического здоровья в КНР (надпороговые черты, превышающие оценку среднего математического ожидания 8,6): любящий, заботливый, профессиональный, теплый, чуткий, с превосходной перспективой, нежный, терпеливый, наблюдательный, внимательный. Обработка данных, полученных методом свободного описания, позволила составить психологический портрет психолога у психологов из Центра психического здоровья в КНР (надпороговые черты, превышающие оценку среднего математического ожидания 7,9): профессиональная, прочная теоретическая база, честный, сильный профессионализм, сильные навыки наблюдения и эмпатии, сосредоточенность на самой проблеме, рационально мыслящий, беспристрастный, нежный, сильные профессиональные способности, четкая теоретическая логика, духовный учитель.

Анализ данных метода свободного описания позволяет в целом говорить о положительном характере представлений респондентов о личности психолога. Слова-ассоциации «тепло» и «любовь» – это то, что выражают обе группы участников исследования, и эти слова имеют высокую частоту повторения в языковых описаниях. В представлениях психологов зафиксированы ассоциации, связанные с профессиональной позицией и качествами, без которых трудно реализовать себя в этой профессии. Социальные работники при описании личности психолога используют субъективные характеристики, которые преимущественно относятся к сфере оказания не психологической, а социальной помощи. Возможно это связано с тем, что в реальной практике Китая между социальной работой и психологией пока сложно обозначить четкие границы. Службы социальной работы относятся к услугам, которые обеспечивают диагностику психического здоровья, лечение и профилактику психических, поведенческих и эмоциональных отклонений, а психологическое консультирование осуществляется всеми социальными работниками. Несмотря на то, что общество Китая нуждается в услугах по охране психического здоровья, количество специалистов, осуществляющих услуги психологического консультирования на высоком профессиональном уровне, недостаточно. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении структуры и содержания представлений

социальных работников о специфике профессиональной деятельности и границах профессиональной компетентности социальных работников и психологов В Китайской Народной Республике.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

ЧЖ. ЧЖИХУАНЬ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. В. Былинская

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ О ЗАВИСТИ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНОГО ПОЛА

Зависть можно обозначить как чувство, переживание неприязни к другому лицу, по отношению к его счастью, благополучию, успеху, нравственности, культурному уровню или материальному превосходству. Исследованию феномена зависти посвятили свои исследования такие ученые, как Л. С. Архангельская, А. Адлер, З. Фрейд, М. Кляйн, П. Куттер, К. Муздыбаев, Е. Е. Соколова, К. Хорни, G. Taylor и др. В рамках их исследований не раз подчеркивалось, что в обыденных представлениях людей женщины более завистливы по сравнению с мужчинами. В тех же исследованиях эмпирически не было выявлено существенных гендерных различий в проявлении чувства зависти [1]. Среди исследований нами не было обнаружено работ, посвященных изучению структуры и содержания социальных репрезентаций о зависти у людей разного пола. Социальные репрезентации включены в картину мира человека и являются регулятором социального взаимодействия людей. Изучение структуры и содержания репрезентаций о зависти позволит расширить знания о влиянии данного феномена на поведение и коммуникацию мужчин и женщин.

С целью изучения социальных репрезентаций о зависти в настоящем исследовании использовался метод свободного описания, результаты которого обрабатывались посредством факторного анализа. В исследовании принимали участие молодые мужчины ($n = 60$) и женщины ($n = 60$), проживающие в Китайской Народной Республике и в Республике Беларусь.

Результаты эмпирического исследования структуры и содержания социальных репрезентаций о зависти у молодых людей разного пола позволили выявить общие и специфические факторы. В структуре представлений о зависти у молодых людей разного пола зафиксировано по пять независимых факторов, в содержание которых включено от двух до пяти характеристик. Согласно представлениям молодых людей, чувство зависти может носить как негативный, так и позитивный характер,

соответственно, может выражаться в агрессивном, недоброжелательном отношении к объекту зависти, или выступать в качестве стимула для собственных достижений. Молодые мужчины и женщины считают, что объектом зависти является карьера, возможности профессионального роста и связанный с этими событиями в жизни материальный достаток.

Сравнительный анализ представлений о зависти, существующих у респондентов, свидетельствует о том, что представления по содержанию отличаются у мужчин и женщин, при этом они отличаются у молодых мужчин, проживающих в Республике Беларусь, и молодых мужчин, проживающих в Китайской Народной Республике. Так, мужчины считают, что чувство зависти возникает к спортивным достижениям и успеху, а женщины полагают, что зависть появляется по отношению к близким людям и удачному замужеству. Общими в структуре представлений молодых мужчин являются факторы «Спорт» и «Карьера», содержание которых свидетельствует о позитивном характере чувства зависти, которое выступает своеобразным стимулом для собственных достижений и реализации целей. Специфическими факторами в представлениях о зависти у молодых мужчин из Республики Беларусь являются «Отрицательные эмоции», «Злорадство», «Соперничество». Специфическими факторами в представлениях о зависти у молодых мужчин из Китайской Народной Республики являются «Богатство», «Здоровье», «Успех». Содержание специфических конструкторов носит индивидуальный характер представлений белорусов и китайцев о феномене зависти.

У молодых женщин общими являются четыре конструкта из пяти зафиксированных, содержание которых говорит о том, что зависть – это отрицательное явление, причиной которого, по мнению женщин, являются материальное благосостояние (дорогие покупки, богатство, красивые вещи, предметы роскоши и т.п.), возможный карьерный рост, связанный с повышением зарплаты, переездом в большой город, продвижением по службе и т.д., отличное здоровье. Специфическим фактором для молодых женщин из Республики Беларусь является конструкт «семья», который зафиксирован как ведущий по субъективной значимости для респондентов этой группы. Специфическим конструктом для молодых женщин из Китайской Народной Республики выступает фактор «Удачный брак», занимающий третью позицию по субъективной значимости для респондентов в общей иерархической структуре представлений о зависти. Содержание специфических конструкторов в структуре представлений женщин обусловлено менталитетом белорусок и китайнок, а также их прошлым жизненным опытом.

Таким образом, общие по содержанию факторы, включенные в структуру представлений о зависти у молодых людей разного пола, свидетельствуют о единстве понимания феномена зависти, а специфические указывают на различие понимания: представления о данном феномене в значительной мере уникальны и индивидуальны для каждого человека.

Литература

1. Ильин, Е. П. Психология зависти, вражды и тщеславия / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2014. – 208 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Е. А. ЧИЖИК

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – Е. Л. Малиновский

ЦВЕТ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОСВОЕНИИ ИМИ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

Одним из ключевых модусов восприятия является апперцептивный опыт личности, сопровождаемый художественной деятельностью, индивидуальными особенностями профессионального опыта и репрезентативной системой учреждения образования [1].

Существенным фактом художественного восприятия является достаточно устойчивая тенденция «закрепленности» за определенным цветом дифференцированной эмоции. С раннего детства ребенок вербализует свои впечатления от объекта, в связи с усвоенной схемой-апперцепцией основных цветов и их сочетаний [1, с. 52–53].

Значимый вклад в развитие психологии цвета как художественной отрасли эстетики внесли В. Шеллинг, А. Шопенгауэр, В. Кандинский, Д. Дидро. Исследования по выявлению воздействия цвета на личность проводили такие ученые как: А. Н. Леонтьев, С. В. Кравков, А. Ф. Лосев.

Развитие цветовосприятия у детей младшего школьного возраста происходит постепенно от произвольного к целенаправленному, от эмоционального к более выборочному и логичному [3]. В своем исследовании мы решили выяснить, как определенный цвет влияет на эмоциональное состояние учащихся в процессе изобразительной деятельности. Исследование проводилось на базе ГУО «Слуцкий Центр детского творчества», объединение по интересам «юный Пикассо». Выборку составили дети 6–10 лет в количестве 60 человек. На занятии по изобразительному искус-

ству детям предлагалось рисовать только одним цветом. Таким образом, было проведено четыре занятия, где на первом дети рисовали только желтым цветом, на втором только красным, на третьем - синим, на четвертом – зеленым. Эмоциональное состояние и настроение фиксировалось перед началом занятия и по его окончанию при помощи методики А. Н. Лутошкина «эмоциональная цветопись». Согласно данной методике красный цвет отражает восторженное настроение; синий – грустное; зеленый – спокойствие; желтый – светлое и приятное настроение [2, с. 162].

В ходе применения методики А. Н. Лутошкина «Эмоциональная цветопись» нами были получены следующие данные: перед началом первого занятия (рисование желтым цветом) у 59 % респондентов отмечалось грустное, тревожное и напряженное состояние, дети жаловались на уныние и упадок сил; у 41 % учащихся было светлое, приятное, радостное и уравновешенное настроение. В конце занятия плохое настроение отмечалось только у 16 %, у оставшихся 84 % настроение было приподнятое. Рисование красным – 45 % грустное, напряженное состояние, у 55 % уравновешенное. В конце занятия у 73 % учащихся отслеживались радостные эмоции, восторженное и возбужденное состояние, у оставшихся же 27 % детей настроение осталось грустное. Рисовали синим цветом: начало – 75 % респондентов отмечалось светлее, приятное и радостное настроение. 25 % учащихся испытывали уныние. В конце занятия показатели хорошего настроения снизились до 34 %, а отрицательные эмоции возросли до 66 %. На последнем – четвертом занятии детям предлагалось рисовать в зеленых тонах. Перед началом урока у 67 % респондентов отмечалось хорошее, у 33 % детей отмечалось унылое и грустное эмоциональное состояние. По окончанию творческой деятельности показатели сдвинулись в лучшую сторону – у 86 % респондентов было приятное настроение. И лишь у 14 % детей отмечалось апатичное эмоциональное состояние.

Согласно полученным данным мы пришли к выводу, что определенный цвет, действительно, оказывает динамическое влияние на эмоции, чувства и настроение детей в процессе изобразительной деятельности.

Таким образом, исследование выявило психологические факторы цветоощущений в восприятии действительности респондентами, которое оптимизируется характеристиками эстетического воспитания, относительно индивидуальности ученика, наделяя его, кроме спектрального состава окружающих объектов, колоритальным контрастом восприятия, в связи с, так сказать, «светящимся источником души» обучающего и обучаемого как участников художественной деятельности.

Литература

1. Базыма, Б. А. Психология цвета: теория и практика / Б. А. Базыма. – СПб. : Речь, 2007. – 205 с.
2. Лутошкин, А. Н. Как вести за собой / А. Н. Лутошкин. – М. : Просвещение, 1978. – 121 с.
3. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Минск : Современное Слово, 1998. – 480 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)**О. В. ЧУМАКОВА**

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
 Научный руководитель – С. Л. Ящук

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Мотивационные аспекты работы сегодня имеют огромное значение. Мотивация персонала является ключевым инструментом для оптимизации использования ресурсов и мобилизации имеющихся человеческих способностей. В самом общем виде мотивация человека к деятельности – это совокупность движущих сил, которые побуждают человека совершать определенные действия. Эти силы, действующие не только внешне, но и внутренне, заставляют человека совершать определенные действия сознательно и, во многих случаях, бессознательно. Но всегда следует помнить, что одно и то же воздействие может вызвать разные реакции у разных людей.

В исследовании приняли участие 200 студентов третьего и четвертого курсов разных специальностей «Психология», «Практическая психология», «Туризм и гостеприимство», «Правоведение». Структура профессиональной мотивации испытуемых изучалась с применением теста Герцберга. Методика «Двухфакторный профиль» позволяет выявить, какие факторы профессиональной мотивации являются ведущими: мотивирующие (внутренние мотивы) или гигиенические (внешние мотивы).

К мотивирующим факторам Ф. Герцберг относит такие, как содержание работы, достижения, карьера, ответственность. А к гигиеническим (контекст работы) – финансы, признание, отношения с руководством, отношения с коллегами.

Согласно результатам проведенного исследования, степень выраженности у испытуемых мотивов профессиональной деятельности распределилась следующим образом: в среднем наиболее значимыми для респондентов оказался мотив «достижения» (21,55 баллов), следующими по зна-

чимости мотивами являются «содержание работы» и «финансовые мотивы» (21,45 баллов и 19,76 баллов соответственно).

Наименее выраженными в среднем у респондентов мотивами профессиональной деятельности, по результатам проведенного исследования, являются мотивы «сотрудничество» (15,19 баллов) и «ответственность» (15,2 баллов). Средний уровень выраженности выявлен для мотивов «признание и вознаграждение» (16,01 балла), «карьера» и «отношения с руководством» (15,57 баллов и 15,32 баллов соответственно).

Исследование позволяет определить степень выраженности значимости факторов мотивации профессиональной деятельности от слабого (0–11 баллов до яркого значения 24–35 Баллов).

Для студентов специальности «Практическая психология» у 14 студентов ярко выражен мотив «финансы», а у 21 – слабо выражен мотив «ответственность».

Для студентов специальности «Психология» у 27 студентов ярко выражен мотив «содержание деятельности», а у 25 – слабо выражен мотив «сотрудничество».

Для студентов специальности «Туризм и гостеприимство» у 32 студентов ярко выражен мотив «финансы», а у 28 – слабо выражен мотив «ответственность».

Для студентов специальности «Правоведение» у 13 студентов ярко выражен мотив «достижения», а у 15 – слабо выражен мотив «финансы».

Для более подробного анализа данных нами были введены две дополнительных шкалы результатов теста Герцберга: обобщенная шкала степени выраженности внешней профессиональной мотивации, показатели по которой представляют собой среднее значение показателей по четырем шкалам гигиенических факторов, и шкала степени выраженности внутренних мотивов профессиональной деятельности, показатель по которой вычисляется аналогично предыдущей шкале из значений по шкалам факторов-мотиваторов. Средняя степень выраженности внешних и внутренних мотивов профессиональной деятельности по итогам исследования оказалась приблизительно одинаковой с незначительным преобладанием выраженности внутренних мотивов (18,4 балла) над внешними (16,55 балла). Только у студентов специальности «Туризм и гостеприимство» гигиенические факторы (внешние) (18,3 балла) преобладают над мотивационными (внутренние) (16,6 балла)

Обобщенный результат суммы баллов внешних и внутренних мотивов профессиональной деятельности по специальностям:

Результаты исследования показывают, что в структуре профессиональных мотивов доминируют внутренние профессиональные мотивы. Это подразумевает положительное отношение к работе (интерес к содержанию

деятельности, увлеченность процессом выполнения деятельности, качественное выполнение поставленных задач).

Таким образом, у респондентов выражены как внутренние, так и внешние мотивы профессиональной деятельности. В среднем респонденты склонны предпочитать работу позволяющую достигать личных успехов и интересную по содержанию, при этом не обязательно связанную с сотрудничеством и высокой ответственностью.

К СОДЕРЖАНИЮ

В. ЧУНЬЛАН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. В. Былинская

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ У ЖИТЕЛЕЙ КИТАЯ

Любовь играет огромную роль в формировании отношения к другим людям и отношениям к себе, выступая высшей формой их реализации. Известно, что представления людей о любви формируются на основе обыденного житейского опыта. По мнению С. Московичи, представления могут рассматриваться в аспекте возрастной динамики и динамики организации знаний у взрослых людей в процессе социального взаимодействия [1]. Целью эмпирического исследования являлось изучение представлений о любви у людей разного возраста посредством опросника «Представления о любви», разработанного И. А. Джидарьян, О. В. Масловой.

В исследовании приняли участие 90 человек, проживающих в Китае, в возрасте от 20 до 70 лет (молодой возраст – 18–30 лет; зрелость (средний возраст) – 31–50 лет; пожилой возраст – в 51–70 лет.

Анализируя результаты, полученные при исследовании представлений о любви в «молодой» возрастной группе, отметим, что наибольшее количество респондентов (60 %) имеют представление о любви как о возвышающей силе человека. В выборке преобладает романтическое представление о любви как силе, преобразующей человека и мир. Значительная часть молодых людей (30 %) отметила, что любовь является помехой. Из этого следует, что респонденты этой группы считают, что любовь может красть свободное время и мешать социальной активности и профессионализации, а потому может рассматриваться как препятствие на определенном этапе жизни. Остальные участники исследования (10 %) связывают представление о любви с альтруистическими действиями и возможностью поступиться личными интересами.

Результаты опроса, полученные при исследовании представлений о любви в возрастной группе «средний возраст», установили, что большинство респондентов (80 %) имеют представление о любви как о возвышающей силе человека. Кроме того, отмечается умеренная тенденция (16,67 %) связывать любовь с альтруистическими действиями и возможностью пожертвовать личными интересами. Наименее выражено представление о любви как о преграде, иллюзии, обманывающей сознание и мешающей движению по жизненному пути (3,33 %).

Анализируя результаты, полученные при исследовании представлений о любви в возрастной группе «пожилой возраст», отметим, что наибольшее количество респондентов (80%) соответствует представлению о том, что любовь связана с самоотверженностью, жертвенностью, служением и жизнью в другом, способностью отдавать, а также со смыслом жизни. Влюбленные думают, прежде всего, не о себе, а о любимом человеке и о том, что они могут для него сделать. 20% респондентов рассматривают любовь как источник всего хорошего и светлого, проявление единственного и лучшего в человеке. Они идеализируют это чувство, рассматривают его в соответствии с представлениями классической литературы как некий романтический идеал, творческую силу, способную все преодолеть. Интересно, что в этой возрастной группе отсутствует представление о любви как о помехе.

В целом, результаты исследования показали, что респонденты трех групп рассматривают любовь как возможность проявить то яркое, лучшее и неповторимое, что есть в человеке. В выборке преобладает романтическое представление о любви как силе, преобразующей человека и мир, эта тенденция ярко выражена. Существует умеренная тенденция связывать любовь с альтруистическими действиями и возможностью поступиться личными интересами. Мало выражено представление о любви как о преграде, иллюзии, обманывающей разум и мешающей движению по жизненному пути.

Литература

1. Social Representations: Essays in Social / Serge Moscovici. – NYU Press, 2001. – 240 p.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

О. С. ШМЫГИНА

Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – Т. К. Комарова

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОВОСПРИЯТИЯ ВНЕШНОСТИ И САМООЦЕНКИ У ЖЕНЩИН

Современное общество диктует женщинам все новые стандарты в области красоты и моды посредством социальных сетей. Стремление соответствовать этим образам, движимое естественным глубинным желанием нравиться и утвердиться в своей привлекательности, зачастую приводит молодых женщин к физическому перфекционизму, что, в свою очередь, часто провоцирует у них желание улучшить, исправить свою внешность, устранить мнимые или реально существующие дефекты. На сегодняшний день проблемы психологического состояния женщин, не удовлетворенных параметрами своей внешности и их несоответствием эталонным образам, представленным в социальных сетях, приобретают все большее значение.

В этой связи высказывается мнение, что современное поколение не может избежать «эффекта Трумэна», когда окружающий мир кажется нереальным, потому что с самого детства дети значительную часть времени «живут» в социальных сетях, где их самооценка и чувство самоуважения может основываться на количестве «лайков» и «фоловеров» [1]. Исследователями было выявлено, что из всех социальных сетей именно Instagram сильнее остальных влияет на самовосприятие и самооценку личности и внешности современных молодых людей и формирует у них высокую степень внушаемости, низкую самооценку и высокий уровень стресса.

В контексте предпринятого исследования нас интересовал тот вариант социальной перцепции, когда происходит «слияние» объекта и субъекта восприятия. В этом случае речь идет о детерминированном социально заданными эталонами восприятия человеком самого себя как необходимым условии самоосознания и оценки им как своих личностных особенностей, так и особенностей своей внешности. В результате такой аутоперцепции формируются образы физического Я, которые прочно связываются с характерными психологическими чертами личности, в частности, с самооценкой [2].

В эмпирическом исследовании использовался опросник «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» В. А. Лабунской, Е. В. Белугиной, который используется для углубленного рассмотрения самоотношения к внешнему облику и позволяет оценить социально-желательное содержание характеристик внешности. Также проводилась диагностика самооценки по методике Дембо-Рубинштейн в модифи-

кации П. В. Яньшина. В исследовании приняли участие 90 женщин в возрасте 23–27 лет.

Цель исследования состояла в выявлении наличия и характера связи между самооценкой личности и оценкой внешнего облика у женщин.

Результаты корреляционного анализа по Спирмену свидетельствуют о том, что:

- имеет место прямая умеренной силы связь ($r_s = 0,586$, $p \geq 0,05$) между адекватной самооценкой личности и уровнем оценочно-содержательной интерпретации компонентов внешности. Таким образом, чем адекватнее самооценка у женщины, тем адекватнее её отношение к собственной внешности;

- завышенная самооценка и уровень самовосприятия внешности у женщин также связаны между собой. ($r_s = 0,504$, $p \geq 0,05$). Следовательно, чем более неадекватно завышен уровень самооценки у женщины, тем выше уровень оценочно-содержательной интерпретации ею компонентов своего внешнего облика. Соответственно завышенная самооценка коррелирует с позитивным и высоко позитивным самовосприятием внешности;

- заниженная самооценка личности и уровень самовосприятия внешности у женщин оказались практически не связаны между собой (коэффициент корреляции $r_s = 0,043$). Полученный результат свидетельствует о том, что сформировавшаяся у женщин данной группы негативная Я-концепция имеет глобальный характер. В этом случае происходит отрицание ими самооценности не только собственных личностных качеств, но и собственной внешности, которая не является для них объектом аутоперцепции.

Таким образом, низкий уровень самооценки у женщин «автоматически» провоцирует формирование у них в лучшем случае индифферентного, а вероятнее всего, негативного отношения к собственной внешности. Если иметь в виду, что «сущность мужчины есть мужественность, а сущность женщины есть женственность» (Гегель), можно сказать, что заниженная самооценка является фактором глобального психологического неблагополучия женщин данной группы.

Литература

1. Каминская, Н. А. Исследования образа физического «Я» различных психологических школах / Н. А. Каминская, А. М. Айламазян [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/issledovaniya-obraza-fizicheskogo>. – Дата доступа: 26.02.2021.

2. Дольто, Ф. Бессознательный образ тела / Ф. Дольто. – М., : ERGO, 2006. – 376 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Т. В. ШУЛЬЖИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Окулич

ОСОБЕННОСТИ КАРЬЕРНОЙ МОТИВАЦИИ У ВЗРОСЛЫХ

Мотивация трудовой деятельности является важным элементом системы управления карьерой. При этом карьера – это не только процесс успешного продвижения специалиста по административной лестнице, социальной, профессиональной, имущественной и прочей иерархии с целью достижения желаемого статуса и соответствующего ему уровня жизни. В современном обществе карьера – это индивидуально осознанные суждения человека о своем трудовом будущем, ожидаемые пути самовыражения и удовлетворенности трудом. Успешная карьера дает человеку возможность добиться признания своей индивидуальности, значимости в жизни других людей, в частности, и в жизни общества, в целом.

Карьерная мотивация выступает как частное проявление профессиональной мотивации.

Профессиональная мотивация – это система внутренних побуждений, которые вызывают трудовую активность человека, направляют ее на достижение профессиональных целей и регулируют структуру и функции деятельности (Е. В. Орел).

Согласно Е. А. Могилевкину, карьерная мотивация – это индивидуальная комплексная характеристика человека, формирующаяся в различных рабочих ситуациях и проявляющаяся в решениях, касающихся продвижения личности в трудовой деятельности и профессионально ориентированного поведения. При этом в структуре карьерной мотивации выделяют компоненты: карьерная интуиция; идентификация с карьерой; карьерная устойчивость.

Исследователями подчеркивается, что определение карьерных целей, планов, формирование будущей карьеры начинается еще задолго до начала профессиональной деятельности. Но именно в период ранней взрослости жизненные смыслы человека оказываются в значительной степени связанными с освоением профессиональной деятельности и самосовершенствованием. В этот период субъектом накапливается богатый практический опыт работы, сознательно повышается профессиональная квалификация, в целом начинается самовыражение работника как личности.

Целью исследования являлось выявление особенностей карьерных мотиваций у взрослых мужчин и женщин.

В нашем исследовании приняли участие 46 респондентов в возрасте 20–30 лет (23 женщины и 23 мужчины). Для изучения ценностных ориен-

таций в карьере была использована методика «Якоря карьеры», разработанная Э. Шейным (адаптация В. А. Чикера, В. Э. Винокуровой), а для диагностики мотивационных компонентов – методика «Мотивация к карьере» А. Ноэ, Р. Ноэ, Д. Баххубер (адаптация Е. А. Могилевкина).

Анализ полученных результатов позволил заключить, что существуют статистически значимые различия (расчет проводился с использованием U-критерия Манна-Уитни) в выраженности карьерных ориентаций взрослых в период ранней взрослости:

для мужчин наибольшее значение имеют профессиональная компетентность, менеджмент, автономия и предпринимательство, а для женщин – стабильность места жительства и интеграция стилей жизни;

для мужчин характерна более высокая выраженность карьерной интуиции и карьерной устойчивости, чем для женщин.

Как показывает анализ данных исследования, для молодых мужчин характерно стремление организовать свое дело и для него – других людей, проявить и реализовать свои таланты, получить признание и достигнуть успеха в профессиональной сфере и, как следствие, занять высокую руководящую должность. Мужчины, находящиеся в возрасте ранней взрослости, осознают свои сильные и слабые стороны, поэтому способны ставить реальные карьерные цели и активно достигать их, проявляя настойчивость и преодолевая разного рода трудности и проблемы. Описанные тенденции можно объяснить тем, что в период ранней взрослости пламя юношеского максимализма заставляет мужчин идти за мечтой, чтобы занять высокое положение в обществе и самоутвердиться в нем. Именно поэтому молодые мужчины готовы работать с максимальной отдачей ради достижения своей цели-мечты, способны гибко приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам.

Молодые женщины, находящиеся в возрасте ранней взрослости, нацелены на самореализацию и самоутверждение в межличностных и семейных отношениях, поэтому для них важно получить и поддерживать определенный, комфортный и привычный, образ жизни, а не добиваться успеха в карьере.

Полученные результаты могут быть использованы практическими психологами и кадровыми работниками при проведении профотбора, в том числе среди выпускников высших учебных заведений как молодых специалистов, а также специалистами по управлению персоналом для планирования и осуществления работы по формированию карьерной мотивации работников/сотрудников организации с учетом их половой принадлежности и возраста.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

Д. В. ЯКОВЧИК

Могилев, Могилевский институт МВД

Научный руководитель – С. В. Венедиктов

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОФАЙЛИНГА В ОТНОШЕНИИ ПОДРОСТКОВ

Профайлинг – это совокупность практических методов и приемов, которые позволяют оценить характер и спрогнозировать поведение человека по его речи, жестам, манере общаться, то есть по вербальным и невербальным признакам [1]. Инструменты профайлинга позволяют определить ложь в словах человека, выявить потенциально опасных лиц (правонарушителей, людей с проявляющимся девиантным поведением и т. д.) на основе анализа мимики, жестов и речи. Оперативный характер использования подобных методик и достаточно высокая степень релевантности получаемых данных (более 90 % при корректном применении и учете субъективных факторов) определяют интерес к профайлингу со стороны правоохранительных органов [3], служб безопасности на транспорте, психологов-верификаторов и т. д.

Применение к методам профайлинга, однако, имеет объективные ограничения, вызванные спецификой объекта оперативной психодиагностики. К таким ограничениям можно отнести возраст. Например, подростки в силу несформированности, неустойчивости базовых психических реакций на внешние раздражители могут проявлять в поведении модели, не типичные для взрослых. По этой причине выделяется особое направление профайлинга в отношении подростков – подростковый профайлинг, который представляет собой совокупность психологических методов оценки и прогнозирования поведения лиц подросткового возраста на основе анализа наиболее информативных частных признаков (вербального и невербального поведения, вегетатики).

Такой вид профайлинга имеет ряд отличительных черт, что обусловлено поведенческими моделями самих подростков. В подростковый период происходит наиболее заметное подражание другим (как сверстникам, так и взрослым людям). Мальчики чаще подражают мужественным взрослым, которые обладают силой, смелостью, выносливостью, решительностью (обратная тенденция – стремление копировать поведенческие модели лиц с девиантным поведением, обладающих субъективным авторитетом в подростках). У девочек объектами для поведенческого подражания становятся женщины, привлекательные внешне, яркие, кокетливые, умеющие стильно и модно одеваться. Таким образом, в подростковом периоде поведение самих подростков в значительной степени отражает внешние заим-

ствования, вербальные и невербальные проявления эмоций часто основаны на стремлении к подражанию, то есть однозначно не выражают естественное психологическое состояние [2]. На основании этого подростковый профайлинг сталкивается с необходимостью преодоления ряда субъективных проблем.

При анализе поведения подростков в рамках профайлинга следует учитывать действие следующих факторов:

1. Подростки в силу повышенной внушаемости и безусловного следования авторитету позиции взрослого склонны принимать ожидаемые (требуемые) от них слова и поступки как правильные и стараются поступать соответствующим способом. Таким образом, имеется вероятность, что подросток может подвергаться манипуляциям со стороны профайлера.

2. Подростки склонны к проявлению групповых форм солидаризации со сверстниками, при которых они будут выдавать поведение / мнение группы как индивидуальное, собственное, даже если их личная позиция будет иной.

3. Подростки склонны к появлению многочисленных увлечений, сменяющих друг друга (хобби-реакций), что также влияет на поведенческую модель личности. Но в связи с быстрой сменяемостью увлечений так же быстро меняется и поведение подростка, что делает использование инструментов профайлинга затруднительным.

4. Подростки склонны к негативизму, нигилизму или упрямству. Несовершеннолетний нередко игнорирует просьбы и требования родителей и педагогов. Для него такие демонстративные действия являются способом самоутверждения. Подобное поведение также может затруднить использование техник профайлинга, поскольку сам подросток может при общении с более взрослым профайлером проявлять неискренность с целью демонстрации своего взросления, самоутверждения.

Учитывая вышеназванные факторы, при использовании инструментов профайлинга в отношении несовершеннолетних профайлеру необходимо ответить на вопросы:

1) насколько модель поведения подростка соответствует его актуальному психологическому состоянию?

2) не старается ли подросток в поведении подражать группе или более старшему человеку?

3) что скрывается за волнением, повышенной эмоциональностью, агрессивностью подростков?

4) как соотносятся между собой у наблюдаемого лица внешность, поведение, речь?

Таким образом, использование технологий профайлинга в отношении несовершеннолетних сталкивается с определенными трудностями, по-

скольку подростковая поведенческая модель зачастую является заимствованной и чрезвычайно динамичной, на нее влияет ряд субъективных факторов. В таком случае эксперту-профайлеру необходимо обладать знаниями психологии подросткового поведения, учитывать особенности переходного возраста, применять вариативные техники профайлинга.

Литература

1. Агейко, О. В. Основы профайлинга : пособие / О. В. Агейко, Е. В. Спирица. – Минск : Акад. управл. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – 122 с.

2. Венидиктов, С. В. Психология девиантного поведения : учебное пособие / С. В. Венидиктов, С. И. Даниленко, Е. А. Ярошевич. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2017. – 320 с.

3. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / под ред. В. Л. Цветкова. – М. : Юнити-Дана, 2014. – 254 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)

С. А. ЯНГИБАЕВ

Минск, БГПУ имени М. Танка

Научный руководитель – Л. А. Пергаменщик

СТЫД КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Стыд у переживших сексуальное насилие имеет сильные последствия. Из-за острого стыда реальные жертвы зачастую умалчивают о произошедшем, что приводит к усугублению травмы, а агрессор остается в позиции безнаказанности. Проблему стыда выделяют абсолютно все исследователи последствий сексуального насилия, это чувство является неотъемлемой частью этого типа травмы. Однако акцент на его причинах и последующем влиянии на жизнь жертвы упоминается редко.

Данная статья является попыткой описать феномен стыда у людей, переживших сексуальное насилие, и дать ему краткую характеристику на основании проведенного интервью с реальными жертвами. Исследование включало в себя ряд исследовательских интервью по методологии С. Квалле. В нем приняло участие 17 человек (15 женщин, 2 мужчин) в возрасте от 25 до 35 лет, продолжительность интервью от 30 минут до 1,5 часов. Каждый из участников подвергался сексуальному насилию в разном возрасте и разное продолжительность времени.

Стыд является схожей характеристикой, которая наблюдается практически у каждого, не смотря на разную степень травмирования. В резуль-

тате проведенных интервью стыд в своем чистом проявлении обнаруживается у 98 % опрошенных. Оставшиеся 2 % приходятся радикальное бесстыдство, что является одной из форм бегства от стыда. Наряду с чувством стыда также появляется отвращения к себе, страх, вина, которые в том числе усугубляют сложность эмоционального переживания [2, с. 149]

На наш взгляд, важно разделить понятия «вины» и «стыда». Стыд в большей степени проявляется за личностные характеристики. Опрошенные, говоря о стыде, ссылаются на свою внешность, сексуальную идентичность, внутренние качества (доброту, открытость, навязчивость). В случае вины человек говорит о своих действиях. Так одна из опрошенных участниц, длительное подвергавшаяся насилию со стороны отца в восьмилетнем возрасте, обвиняет себя за то, «что была слишком ласковой». «Быть ласковой» это действие, в котором девушка считает себя виноватой, «ласковая» – это характеристика, за которую в последствии может быть стыдно. Стоит заметить, что и стыд, и вина в данном случае носят невротический характер.

Часто стыд вербализируется в ощущение «грязи». Почти все опрошенные признают, что долгое время считали себя не просто «какими-то ненормальными», не вписывающимися в общее русло, а именно «грязными» (эту формулировку используют 78 % опрошенных). Первые дни после ситуации сексуального насилия они даже старались мыть себя тщательнее обычного, т.к. это ощущение передавалось на физическое осознание тела. В практике также зафиксированы случаи, когда пострадавшие раздирали собственную кожу, пытаясь «отмыть грязь».

Стоит добавить, что стыд распространяется и на другие сферы жизни. Так, любая оплошность на работе, может привести к чрезмерным эмоциональным реакциям. Человек может выбрать стратегию «не отвечать», «быть незаметным». Стыд заставляет человека прятаться, останавливая в его желаниях развиваться, строить карьеру, появляются сложности коммуникации с другими людьми. В тандеме со страхом стыд не дает возможности строить здоровые отношения, усиливая внутреннюю установку, что с человеком что-то не так, а другие люди могут причинить боль.

Также важным моментом являются защитные механизмы от стыда. Самой удивительной, на наш взгляд, можно назвать – бесстыдство. Оно проявляется у 2 % опрошенных и выражается в тотальном стремлении быть заметными любой ценой. Здесь проявляется яркий внешний вид (в том числе откровенный или нестандартный), активная сексуальная жизнь, вызывающее поведение, желание быть на виду, экстремальность действий. «Бесстыдство» стоит рассматривать, как один из механизмов защиты от стыда. Отсюда можно сделать вывод – невротический стыд про-

является у 100 % опрошенных реальных жертв, однако механизмы защиты формируются исходя из личных особенностей человека.

Чувство стыда усиливается через социальное давление. В первую очередь это связано с общественными установками: сексуальное насилие – это единственный вид преступления, где общество порицает потерпевшего [1, с. 14]. Фразы «сама виновата», «напросилась», которые звучат при рассмотрении дел, пытаются оправдать агрессора и еще больше усилить вину и стыд пережившего насилие. Зная о подобных установках реальные жертвы умалчивают о произошедшем.

Таким образом, стоит заметить, что влияние стыда на жизнь человека, пережившего сексуальное насилие, распространяется не только на внутреннее ощущение себя и своей личности, но и взаимодействие с миром вокруг. Многие выжившие имеют тенденцию стыдиться, злиться на себя или нести ответственность за страдания своего партнера. С течением времени воздействие различных форм насилия, по-видимому, накапливается и может еще больше усугублять последствия. При грамотной профилактике и работе по реабилитации жертв сексуального насилия можно значительно снизить риск развития проблемы.

Литература

1. Wendy, M. The Sexual Healing Journey: A Guide for Survivors of Sexual Abuse / M. Wendy, 3rd Edition, P. 313–323.

2. Круг, Э. Г. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Э. Г. Круг, Л. Л. Дальберг, Дж. А. Мерси, Э. Б. Зави, Р. Лозано. – М. : Весь мир, 2003. – 169 с.

[К СОДЕРЖАНИЮ](#)